ISSN 0130—3554

Советские АРХИВЫ

5
1988
МОСКВА

Приветствие советским архивистам — хранителям документальной памяти народов СССР

70 лет назад — 1 июня 1918 года Советское правительство приняло Декрет о реорганизации и централизации архивного дела. Этим законодательным актом, подписанным В. И. Лениным, были заложены качественно новые основы организации архивного дела в нашем многонациональном социалистическом государстве.

Жизненность ленинских принципов социалистического архивного строительства подтверждена общественной практикой. За годы Советской власти в стране сформировался богатейший по составу Государственный архивный фонд СССР, включающий в себя большое количество документов мирового значения, таких как летописи Октябрьской революции и борьбы за власть трудящихся, социалистического строительства и Великой Отечественной войны. В стране функционирует широкая сеть государственных, а также ведомственных архивов. Трудовые коллективы учреждений архивной службы осуществляют большую работу по комплектованию, обеспечению сохранности и использованию документов архивного фонда, являющегося неотъемлемой частью нашего исторического и культурного наследия.

XXVII съезд КПСС поставил перед Вами ответственную задачу — улучшать архивное дело в стране. Советские архивы должны обеспечивать все условия для того, чтобы историческая память, опыт поколений широко изучались, творчески оценивались с позиций современности, служили делу перестройки.

Желаю всем работникам советских архивов успехов в работе по совершенствованию, качественному обновлению и демократизации архивного дела в СССР, достойной встречи XIX Всесоюзной партийной конференции.

Н. РЫЖКОВ
Председатель
Совета Министров СССР

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

научно-теоретический и научно-практический журнал

ГЛАВНОГО АРХИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

ИЗДАЕТСЯ С 1923 ГОДА

ПРИ УЧАСТИИ ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС
и ИНСТИТУТА ИСТОРИИ СССР АКАДЕМИИ НАУК СССР

ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В ДВА МЕСЯЦА

№ 5 1988

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

ОБЗОРЫ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

ОБМЕН ОПЫТОМ

Наши консультации

ПОИСКИ И НАХОДКИ В АРХИВАХ

АРХИВЫ ЗА РУБЕЖОМ

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Аннотации

* * *

ВЫПОЛНЯЯ РЕШЕНИЯ XXVII СЪЕЗДА КПСС

XIX Всесоюзная партийная конференция и задачи архивных учреждений страны

Как отметила XIX Всесоюзная конференция КПСС, в нашей стране развернулась активная творческая работа по осуществлению перестройки. Стратегический курс на всестороннее и революционное обновление нашего общества и ускорение его социально-экономического развития, выработанный апрельским (1985 г.) Пленумом ЦК КПСС и XXVII съездом партии, стал жизненной потребностью советских людей. В обществе происходят консолидация идей, подъем энергии рабочего класса, крестьянства и интеллигенции. Демократизация и гласность коренным образом меняют идейно-политическую и общественную атмосферу в стране. Задачам практической работы по реализации решений XIX Всесоюзной партийной конференции был посвящен июльский (1988 г.) Пленум ЦК КПСС.

Идеи перестройки все глубже проникают в различные сферы жизни и деятельности трудовых коллективов учреждений государственной архивной службы СССР. Они нашли свое отражение в комплексных планах и программах совершенствования архивного дела по таким магистральным его направлениям, как интенсификация использования и публикации документов Государственного архивного фонда СССР, оптимизация состава документов ГАФ СССР, техническое оснащение государственных архивов, кадровая политика и др. Принципы демократизации и гласности, хозяйственного расчета все увереннее реализуются в работе трудовых коллективов, что свидетельствует об их искренней заинтересованности в результатах своего труда.

Вместе с тем в резолюциях конференции подчеркнуто; что процесс перестройки идет трудно, стереотипы старого мышления и действия тормозят экономическое, социальное и культурное развитие страны. В архивной отрасли многие работники также неохотно расстаются с командно-административными методами управления, медленно формируются и внедряются в практику государственных архивов элементы нового экономического и хозяйственного механизма. Нет заметных изменений в процедуре разработки и принятия практических решений, ее упрощения, освобождения от кругооборота перестраховочных согласований, запрашивания многих лишних сведений и справок с мест.

Архивные органы медлят с предоставлением большей самостоятельности, расширением функций и полномочий архивов, что само по себе является одним из важнейших направлений демократизации их хозяйственной и общественной жизни. Не везде преодолены такие уродливые явления бюрократизма, как диктат, административный произвол в производственной работе, высокомерное отношение к мнению коллектива, невнимание к условиям труда и быта работников.

XIX Всесоюзная партийная конференция считает одной из актуальных политических задач перестройки, ее необратимости дальнейшее расширение гласности. Такие негативные явления, как недоступность для широкой общественности значительного массива информации, содержащейся в архивных документах, недостаточное его использование для ускорения социально-экономического и духовного развития общества, правдивого по-

знания истории, препятствуют дальнейшему повышению политической культуры масс. В этой связи архивные учреждения обязаны интенсифицировать свою работу в свете современных требований, пересмотреть сложившуюся практику публикаторской деятельности и иных форм использования документов.

Коллегия Главархива СССР, рассмотрев вопрос о задачах архивных учреждений страны в связи с резолюциями XIX Всесоюзной партийной конференции, указала на необходимость глубокого изучения резолюций конференции в трудовых коллективах.

Главархивам союзных республик, центральным и местным государственным архивам рекомендовано направить усилия коллективов архивных учреждений на демократизацию управления архивным делом, развитие инициативы государственных архивов в вопросах планирования, хозрасчетных отношений, кооперативных форм хозяйствования; совершенствование методов работы органов управления архивным делом, ликвидацию излишних звеньев и сокращение численности аппарата до оптимального предела, устранение мелочной опеки, пережитков командных методов в руководстве, решение стратегических проблем развития архивного дела, широкое обсуждение наиболее важных вопросов архивного строительства с учеными, общественностью; обновление кадровой политики, предусматривающей организацию подготовки и переподготовки специалистов, воспитание у них большей самостоятельности и готовности в решении сложных проблем развития архивного дела, ответственности, упрочение в трудовых коллективах атмосферы принципиальности, товарищества; расширение гласности на всех стадиях деятельности органов управления архивным делом и государственных архивов, доведение до трудовых коллективов проектов всех решений, их широкое обсуждение; улучшение организации приема и обслуживания граждан.

Следует принять меры по усилению практического осуществления принятых программ и планов, добиваться постоянной действенности всех звеньев системы обеспечения сохранности архивных документов, мобилизовать внимание архивистов на всемерное предупреждение утраты и порчи архивных материалов.

Одна из основных задач архивных учреждений — это развитие информационной деятельности, снятие неоправданных ограничений в использовании статистической и иной информации, касающейся политической, народнохозяйственной и социальной жизни страны, упорядочение пользованием архивными материалами, с учетом защиты интересов государства и граждан.

Всесоюзная научно-практическая конференция «Ленинские принципы социалистического архивного строительства — основа перестройки и совершенствования архивного дела», посвященная 70-летию ленинского декрета по архивному делу

70 лет назад был принят, подписанный В. И. Лениным декрет СНК РСФСР «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР», определивший новые пути архивного строительства на социалистических началах.

На свой юбилей советские архивисты собрались в Москве. 1—3 июня

Главархивами СССР и РСФСР проведена Всесоюзная научно-практическая конференция «Ленинские принципы социалистического архивного строительства — основа перестройки и совершенствования архивного дела». В ее работе приняли участие более 500 человек.

На конференции присутствовали представители архивных служб стран социалистического содружества — Народной Республики Болгарии, Венгерской Народной Республики, Социалистической Республики Вьетнам, Германской Демократической Республики, Народной Республики Кампучии, Корейской Народно-Демократической Республики, Лаосской Народно-Демократической Республики, Монгольской Народной Республики, Польской Народной Республики, Чехословацкой Социалистической Республики.

С докладом «Жизненность ленинских принципов организации социалистического архивного дела» на конференции выступил начальник Главного архивного управления при Совете Министров СССР доктор исторических наук, профессор Ф. М. Ваганов. Он подвел итоги деятельности архивных учреждений за 70 лет, охарактеризовал современное состояние отрасли, сосредоточив внимание на наиболее острых проблемах, требующих безотлагательного решения,— это укрепление материально-технической базы учреждений государственной архивной службы СССР, работа по комплектованию Государственного архивного фонда СССР, унификации учетных форм, фондированию документов в условиях перестройки деятельности органов управления, коренному улучшению работы по созданию научно-справочного аппарата к документам ГАФ СССР как в традиционном виде, так и с учетом применения ЭВМ.

В докладе подчеркивалось, что настало время четко определить состав документов ГАФ СССР, отражающих современную жизнь советского общества. В этой связи в качестве первоочередной выдвигается задача теоретической разработки современной концепции ГАФ СССР с учетом перспективы социально-экономического развития социалистического общества. Большое внимание Ф. М. Ваганов уделил проблемам использования документов ГАФ СССР в интересах общества, расширению информационной базы для научных исследований, осуществлению мер, направленных на изменение взаимосвязей между научными и архивными учреждениями. Докладчик призвал улучшить работу с кадрами, а также подготовку специалистов в Московском государственном историко-архивном институте.

В заключение Ф. М. Ваганов подчеркнул, что современная общественная жизнь настоятельно требует решить задачу совершенствования законодательства об архивах, которое должно быть приведено в соответствие со значимостью Государственного архивного фонда СССР.

Начальник Главархива РСФСР Е. Ф. Сопин в своем выступлении рассказал о работе архивных учреждений республики по совершенствованию архивного дела, отметил недостаточно высокий уровень организации работы, текучесть кадров, высказал претензии к их профессиональной подготовке.

Начальник Главархива УССР А. Г. Митюков заострил внимание на том, что уровень планирования архивной работы не отвечает требованиям сегодняшнего дня. Оно направлено только на количественное увеличение показателей, а не на улучшение качества работы.

Одной из первоочередных задач перестройки он назвал реализацию целевых программ общесоюзного значения. Им было высказано замечание в адрес ВНИИДАД и Главархива СССР о недостаточной теоретической разработке, слабом методическом обеспечении такого направления деятельности архивных учреждений, как выявление особо ценных документов.

На основных этапах развития партийных архивов сконцентрировал внимание заместитель заведующего ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС В. В. Аникеев.

Руководители архивных служб союзных республик А. Г. Манелашвили (Грузинская ССР), П. Н. Нигматов (Узбекская ССР), З. А. Дустмухамедов (Таджикская ССР) говорили о развитии архивного дела с учетом специфики регионов. Архивные учреждения республик ведут работу по повышению своей общественно-политической роли, по интенсификации всех производственных процессов. Наметившиеся позитивные сдвиги вместе с тем еще не приобрели устойчивого характера. Медленно идет перестройка в организации труда, в планировании, учете, отчетности, контроле исполнения; в глубокой проработке нуждаются вопросы экономического анализа по направлениям деятельности архивных учреждений, улучшения научно-методического обеспечения их работы, совершенствования практики внедрения новых теоретических положений и нормативно-методических пособий, эффективности информационной работы, перспектив расширения элементов хозрасчета.

С большим интересом выслушали участники конференции выступление А. Н. Михальченко (БССР, заместитель начальника Главархива). Он сказал, что существует настоятельная потребность расширить связь архивных учреждений с общественностью, упорядочить взаимоотношения с ведомственными архивами, музеями, библиотеками. Архивным учреждениям нашей страны пора занять подобающее место в международном архивном союзе.

Как одно из основных условий перестройки архивного дела называлась проблема демократизации общественной и производственной деятельности трудовых коллективов архивных учреждений.

В выступлении начальника отдела Главархива СССР В. А. Ильичевой отмечалось, что в настоящее время курс на расширение демократии и гласности практически входит в нашу жизнь. Положительные сдвиги в решении задач демократизации и экономической реформы происходят в госархивах всех уровней, укрепляются и расширяются коллегиальные начала, возрастает социальная активность трудовых коллективов.

Остро на конференции прозвучало выступление директора ЦГАНХ СССР В. В. Цаплина. Он, в частности, сказал, что принцип государственной собственности на документы и централизация архивного дела в оторванности от процессов социалистической демократизации не смогут обеспечить в полной мере гармоничного развития архивного дела, не дадут ему раскрыть всех своих возможностей. Централизация без демократизации привела к торжеству административно-бюрократической системы управления, к убеждению, что правильно решать большие и малые вопросы архивного дела может только Главархив СССР, во что многие его сотрудники верят до сих пор.

Курс на перестройку, отмечалось в выступлении, помог Главархиву СССР вскрыть ряд трудностей в работе архивных учреждений, но процесс демократизации управления архивным делом идет крайне медленно. Коллегия Главархива СССР до сих пор является чисто совещательным органом, а совет директоров ЦГА СССР существует пока лишь символически. До сих пор сохраняется вера в силу приказа и безошибочность руководящего мнения.

В. В. Цаплин предложил полностью отказаться от методов силового давления и внес предложение о создании архивного совета, состоящего из представителей научных, экономических, творческих и других организаций, директоров ЦГА СССР, председателей архивных советов союзных республик.

Говоря об отрицательных проявлениях централизации без демократизации в период культа личности, когда широкомасштабные репрессии охватили и архивное ведомство, В. В. Цаплин вспомнил о судьбах многих архивистов, изгнанных из архивных учреждений, арестованных и физически

уничтоженных. Он предложил принять меры к их реабилитации.

По мнению начальника Архивного управления при Совете Министров Чувашской АССР В. В. Выйкина, при совершенствовании структуры архивных учреждений, внедрении демократических форм управления, предоставлении трудовым коллективам большей самостоятельности следует пересмотреть деятельность коллегиальных органов, сократить их количество, так как в их работе принимают участие одни и те же лица. Каждый орган (а их по меньшей мере 8—9) проводит свое заседание, т. е. порождает бумаготворчество.

О том, что главная роль в перестройке принадлежит личности, о необходимости поставить каждого человека в условия, которые не позволяли бы ему работать плохо, сказал в своем выступлении заведующий архивным отделом Ставропольского крайисполкома Н. Г. Дорохин. В связи с этим им были выделены наиболее эффективные меры устранения имеющихся недостатков — коренное улучшение материально-технической базы архивных учреждений; решительная перестройка в деле подбора, расстановки и воспитания кадров, наиболее полное удовлетворение их социально-бытовых запросов; совершенствование организации социалистического соревнования архивных учреждений, расширение его гласности.

Одним из важнейших условий перестройки в архивном деле является преодоление существующего до сих пор обывательского подхода к оценке роли и значения учреждений архивной службы. Как отметил Н. Г. Дорохин, некоторые считают архив складом исписанных и никому не нужных бумаг. Он призвал присутствующих противопоставить такому дилетантскому мнению активную, наступательную позицию самих архивных учреждений, на деле доказывающую значение документальных богатств и для общества в целом и для отдельных его членов.

О состоянии одного из основных направлений деятельности государственной архивной службы СССР на современном этапе — обеспечении сохранности документов ГАФ СССР — говорил в своем выступление первый заместитель начальника Главархива СССР Е. М. Кожевников.

Ряд проблем обеспечения сохранности документов осветили в своих выступлениях представители научно-исследовательских учреждений отрасли — ВНИИДАД и НИЦТД СССР.

Говоря о проблемах реставрации и сохранности документов на бумажных носителях, заведующий отделом ВНИИДАД В. Ф. Привалов подчеркнул, что это — сложнейшая, дорогостоящая, многоплановая проблема государственного уровня и многие ее аспекты требуют государственного решения. Он указал на существующие диспропорции в процессе «выявление документов — реставрация», преодоление которых требует совершенствования деятельности как лабораторий, так и архивов. В. Ф. Привалов обратил внимание на необходимость отказа от вала в реставрации, существенного снижения норм выработки, прекращения любых попыток повышения «производительности труда» в ущерб качеству работы, сокращения технологических операций, уменьшения удельного веса сложных реставрационных работ. Он предложил создать стабильно работающий практикум повышения квалификации реставраторов, организовать стажировки лучших реставраторов в зарубежных реставрационных центрах, а также придать крупным лабораториям функции методических центров практической реставрации, тесно связанных с ВНИИДАД.

О новых методах в решении проблем, связанных с физико-химической сохранностью аудиовизуальных документов, о трудностях архивистов при приеме, хранении, использовании и копировании кинофотофоновидеодокументов рассказала участникам конференции заведующая отделом НИЦТД СССР Ф. А. Гедрович.

Открытие научно-практической конференции. Москва. Дворец молодежи. 1 июня 1988 г.

Выступает начальник Главного управления архивов при Совете Министров НРБ Д. Дойнов

Перед началом регистрации участников конференции

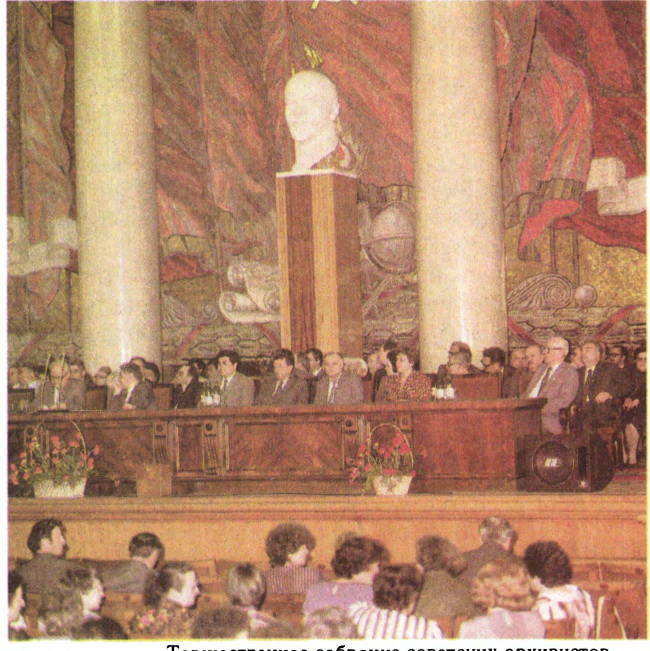
Фото И. Н. Шашкова, Д. В. Алексеева

В перерыве между заседаниями

Торжественное собрание советских архивистов.
Актовый зал МГУ. 3 июня 1988 г.

Представитель ЦГАНТД СССР О. С. Максакова остановилась на проблеме обеспечения сохранности научно-технической документации в процессе ее использования. Она предложила централизованно обеспечить госархивы специальными витринами для организации выставок подлинников документов и разработать технические средства, предназначенные для государственной архивной службы СССР, с учетом специфики отдельных видов документации и конкретных работ.

Удовлетворить растущие потребности общества в ретроспективной информации невозможно без решения проблемы улучшения качественного состава ГАФ СССР.

Об актуальных вопросах улучшения качественного состава ГАФ СССР в условиях перестройки говорил заместитель начальника Главархива СССР Ю. Г. Турищев. Он сконцентрировал внимание на необходимости разработки теоретико-методологических и методических вопросов оптимизации состава ГАФ СССР, пополнения его исторически ценными, имеющими непреходящее значение документами в соответствии с едиными критериями экспертизы их ценности. Особую значимость в решении этих вопросов имеет обеспечение неразрывной связи теории и практики в вопросах улучшения качественного состава документов ГАФ СССР на основе укрепления преемственности организации документов на стадии делопроизводства, их ведомственного и государственного хранения, усиления взаимодействия учреждений государственной архивной службы СССР с министерствами, ведомствами и организациями в направлении более тесной координации их усилий, внесения в эту работу элементов планомерности и последовательности. Ю. Г. Турищев коснулся также вопроса о переводе ЦФК Главархива СССР на автоматизированный режим ведения с более широким использованием средств вычислительной техники в рамках АСНТИ, разработке критериев и методики отбора на госхранение машиночитаемых документов.

В выступлениях З. П. Иноземцевой (Главархив РСФСР), М. П. Жуковой (ВНИИДАД), В. А. Танонина (Главархив СССР) нашел отражение опыт работы по реализации программы оптимизации состава документов ГАФ СССР, рассмотрены пути теоретических исследований, направленных на решение двух главных проблем оптимизации — совершенствования оценки и отбора документов, поставлен вопрос комплектования ГАФ СССР машиночитаемыми документами и намечены пути его решения.

В ведомствах закладываются основные количественные и качественные характеристики ГАФ СССР. Поэтому организация ведомственного хранения документов привлекает к себе все более пристальное внимание в связи с перестройкой системы управления народным хозяйством. Именно с этих позиций начальник отдела В. А. Еремченко (Главархив СССР) рассмотрел эту проблему.

Касаясь научной разработки документационного обеспечения управления в современных условиях, заведующая отделом ВНИИДАД А. Н. Сокова обратила внимание участников конференции на то, что Главархив СССР недопустимо затянул сроки рассмотрения Единой государственной системы документационного обеспечения управления, которую ждут практические работники.

Об актуальных проблемах развития архивного дела в учреждениях АН СССР говорил директор Архива АН СССР Б. В. Левшин.

О республиканском организационно-методическом кабинете по делопроизводству и его роли в совершенствовании работы с документами в министерствах и ведомствах рассказала Н. И. Гончарова — руководитель группы по делопроизводству (Главархив УССР).

Задачи по совершенствованию государственного учета документов сформулировала Н. А. Карпунова, начальник отдела Главархива СССР, и сооб-

щила, что они изложены в проекте программы по учету и НСА. Без решения задач по централизованному учету невозможна постановка вопроса о скоординированном научно-справочном аппарате к документам ГАФ СССР.

Проблема каталогизации в советском архивоведении никогда не стояла с такой остротой, как сейчас, сказала заведующая сектором ВНИИДАД И. В. Волкова. Это обусловлено тем, что совершенствование архивных каталогов является важным элементом подготовки архивных учреждений к автоматизации информационных процессов, внедрению в практику архивной работы микропроцессорной техники. Успех выявления, отбора и описания документов для ввода в АИПС целиком будет зависеть от состояния и качества традиционной системы НСА, и прежде всего, каталогов.

Т. Р. Захарченко (Главархив УССР) рассказала об опыте по централизованному учету документов ГАФ СССР, хранящихся в музеях и библиотеках. Она предложила более широко осветить вопросы централизованного учета на страницах журнала «Советские архивы».

Использование документов — конечная цель, главное проявление общественной функции архивов. По ее реализации оценивается их общественная значимость, отметил в своем выступлении заместитель начальника Главархива СССР А. В. Елпатьевский. Он обратил внимание на смысл и цель Программы интенсификации использования и публикации документов на 1986—1990 гг. как элемента перестройки этой работы и, в частности, пополнения информационной базы исторической науки.

Коснувшись вопроса публикации документов, А. В. Елпатьевский высказал сожаление, что несмотря на традиционность этой работы и ее результаты, архивная отрасль не имеет прав издания источников средствами малой полиграфии, что несомненно задерживает введение их в научный оборот.

Директор ЦГАЛИ СССР Н. Б. Волкова отметила кропотливый труд архивистов по возвращению к жизни литературных произведений, долгие годы являвшихся лишь архивным достоянием.

В связи с перестройкой, происходящей в архиве, сказала она, ближайшими задачами в области публикационной работы являются расширение и изыскание новых форм сотрудничества с профильными ЦГАЛИ СССР учреждениями, в том числе на хозрасчетных началах, совершенствование качества своих изданий, поиск и разработка новых актуальных тем, отвечающих интересам сегодняшнего дня.

Возрастание роли районных и городских государственных архивов в использовании документов ГАФ СССР находится в тесной связи с активизацией их участия в общественно-политической и культурной жизни города и района, подчеркнул в своем выступлении начальник отдела Главархива РСФСР В. Г. Комлев. Помогают в этой работе постоянные контакты с партийными, советскими органами, общественностью.

Об опыте совместной работы научных и архивных учреждений по подготовке «Хроники рабочего движения в России (1895 — февраль 1917 гг.)» говорил ведущий специалист Института истории СССР АН СССР Ю. И. Кирьянов.

О работе ЦГАОР СССР по расширению источниковой базы общественных наук рассказал директор ЦГАОР СССР Б. И. Каптелов. В дальнейшем она будет проводиться в контакте с учреждениями, сдающими документы на государственное хранение.

Одной из ключевых проблем в настоящее время является проблема автоматизации поиска ретроспективной информации. На решении этой проблемы сосредоточил внимание заведующий отделом ВНИИДАД Р. Н. Ефименко.

Во многих выступлениях, прозвучавших с трибуны конференции, был затронут вопрос состояния кадров. О том, какие предпринимаются шаги

по совершенствованию этой работы, рассказали начальник отдела кадров Главархива СССР В. К. Зонтиков, проректор по учебной работе МГИАИ В. А. Муравьев, заведующий кафедрой Киевского госуниверситета имени Т. Г. Шевченко В. А. Замлинский.

Представители архивных учреждений социалистических стран поздравили советских архивистов с их юбилеем. Они рассказали о творческом применении ленинских принципов архивного строительства в своей работе, о задачах и проблемах, стоящих перед архивными учреждениями их стран, а также о том, какое значение придается сотрудничеству, взаимным контактам с советскими архивистами.

В заключительном слове Ф. М. Ваганов, подводя итоги, выразил надежду, что архивисты страны сконцентрируют внимание на решении тех проблем, которые достаточно остро прозвучали с трибуны конференции, направят свои силы, знания, богатый практический опыт на дальнейшее решение комплексного развития архивного дела, на повышение его общественно-политической значимости.

* * *

Конференция закончила работу. Состоялся большой и серьезный разговор, ведь юбилей — не только праздник, но и момент размышлений и взгляд в будущее. И то, каким будет это будущее, зависит от сегодняшнего дня. В этой связи на конференции была высказана большая озабоченность 20-тысячного отряда советских архивистов о поспешно принятом решении передать в ведение Министерства юстиции учреждения государственной архивной службы СССР.

Процесс перестройки деятельности учреждений ГАС СССР должен быть направлен на создание оптимальных условий для претворения в жизнь задач, которые поставлены перед ними в Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года, утвержденных XXVII съездом КПСС, а также в резолюциях XIX Всесоюзной конференции КПСС, где подчеркнута необходимость «законодательно упорядочить пользование архивными материалами».

Говорят руководители архивных служб союзных республик*

А. Г. Митюков *(Украинская ССР)*

Перестройка в республике началась с анализа реального состояния архивного дела, самокритической оценки достигнутых результатов его развития. Главные усилия сосредоточились на выявлении имеющихся в работе недостатков, неразрешенных и труднорешаемых проблемах. Главархив УССР в июне 1987 г. разработал программу перестройки работы центрального аппарата и архивных учреждений республики, улучшения работы с кадрами. В ее основе — приоритет качественных показателей над количественными, переход от экстенсивных к интенсивным методам работы, решительная борьба с бюрократизмом, бумаготворчеством, развитие демократических начал в жизни наших коллективов. Первоочередное внимание уделено изучению, обобщению и распространению передового опыта.

---

* См.: Советские архивы. 1988. № 3, 4.

Ход выполнения этой программы постоянно контролируется. На протяжении двух последних лет коллегия Главархива УССР рассмотрела вопросы перестройки работы в девяти областях и пяти из шести центральных республиканских архивах. Это позволило судить о том, что положительные изменения, связанные с дальнейшим использованием и развитием потенциала ленинских декретов по архивному делу, перестройкой, хотя и медленнее, чем хотелось бы, происходят по многим направлениям нашей деятельности. Улучшились качественные показатели, появились новые формы и методы, расширяются демократизация и гласность в жизни трудовых коллективов.

В то же время проводимая перестройка еще далеко не полностью отвечает имеющимся возможностям и задачам, которые стоят перед архивными учреждениями республики на современном этапе. Мероприятия, проводимые в связи с 70-летием ленинского декрета по архивному делу, республиканская научно-практическая конференция «Основные направления перестройки и улучшения работы архивных учреждений» и аналогичные конференции на местах позволили более полно оценить перестроечные процессы, наметить пути дальнейшего ускорения развития архивного дела.

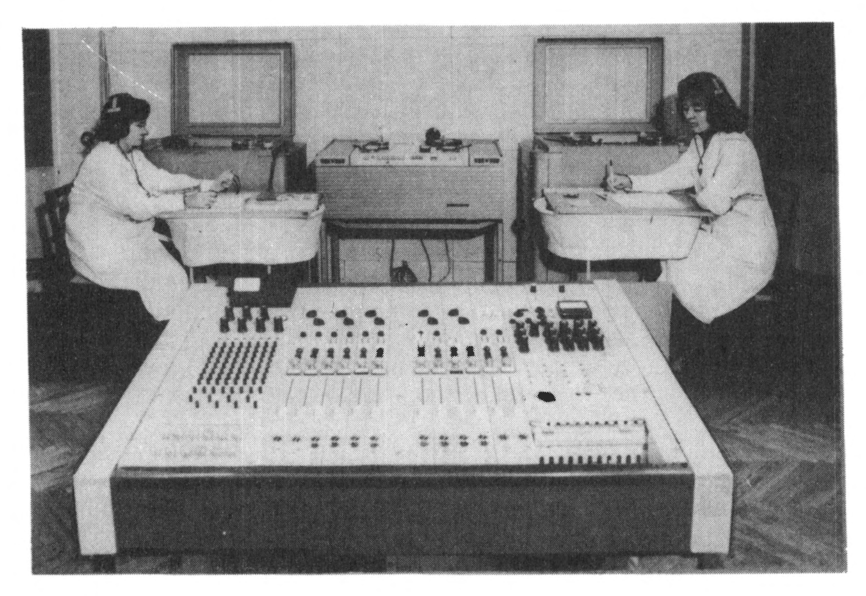
Главный вывод, сделанный на конференциях,— у нас нет другого пути, кроме перестройки, и первостепенной задачей всех архивных учреждений Украинской ССР являются ее дальнейшее углубление и ускорение темпов развития архивного дела, достижение качественно новых рубежей в архивном строительстве, всемерное повышение общественно-политической роли архивов.

Магистральной линией на этом пути мы считаем дальнейшее развитие демократизации жизни трудовых коллективов архивных учреждений. Это подразумевает неуклонное соблюдение принципа коллегиальности в выработке и принятии решений, искоренение элементов формализма и бумаготворчества при их подготовке. В коллективах архивных учреждений стремимся создать обстановку гласности, доброжелательной и конструктивной критики, особенно снизу, и самокритики, поддерживать смелые предложения, направленные на улучшение архивного дела. Мы уже практикуем назначение на руководящие должности только по результатам тайного голосования в трудовых коллективах, внедряем периодические отчеты руководителей архивных учреждений перед коллективами, где поднимаются вопросы выполнения постановлений партии и правительства, указаний вышестоящих архивных органов, решений общих собраний. Особое внимание уделяется практической реализации предложений по улучшению работы государственной архивной службы, которые высказываются работниками архивных учреждений, и, в частности, нашли отражение в рекомендациях научно-практической конференции, посвященной 70-летию ленинского декрета по архивному делу.

На новый уровень необходимо поднять качество планирования работы архивных учреждений, добиваясь усиления роли плана как основы повышения эффективности работы отрасли. Надо продолжить поиск новых путей определения оптимального состава плановых показателей, в том числе комплексных, характеризующих конечные результаты работы, шире внедрять научно обоснованные нормы всех видов архивных работ; расширять права трудовых коллективов в определении приоритетных направлений развития архивного дела на местах. Мы будем решительно переходить от показателей, отражающих количественные тенденции, на интенсивные пути развития, уделив особое внимание повышению качества всех видов архивных работ. Основой повышения качества мы считаем соблюдение в полном объеме требований «Основных правил работы государственных архивов СССР» и других нормативных документов, регламентирующих деятель-

ность архивных учреждений в условиях перестройки.

В области обеспечения сохранности ставится задача создания оптимальных условий для хранения документов ГАФ СССР. Будет продолжено проектирование и строительство новых специальных зданий госархивов: заканчивается строительство Хмельницкого, ведется строительство Киевского и Житомирского областных архивов; в ближайшие годы будут заложены еще четыре таких здания. Внимание уделяется также их ремонту, реконструкции приспособленных для архивов существующих помещений, всемерному укреплению материально-технической базы архивов.

Звуколаборатория архивохранилища фонодокументов ЦГАКФФД УССР

Серьезной проблемой является повышение эффективности работы всех 29 лабораторий обеспечения сохранности и микрофильмирования документов за счет модернизации их оборудования и внедрения новых технических средств. Мы считаем необходимой постоянную и планомерную проверку наличия и состояния всех хранящихся в госархивах документов, и с этой целью решили в планах и отчетах первыми в разделе обеспечения сохранности давать эти показатели.

В области государственного учета документов и создания научно-справочного аппарата к ним особое внимание уделено централизованному учету документов ГАФ СССР, хранящихся в учреждениях республиканских Минкультуры, Минвуза и АН УССР. На уровне Центрального и республиканского фондовых каталогов будет организован учет научно-технической документации. Мы считаем недостаточным информационный потенциал каталогов госархивов республики и стремимся привести его в соответствие с современными требованиями. Ставится также задача к 2000 г. обеспечить все госархивы областей справочниками-путеводителями о составе и содержании архивных фондов, которые издаются офсетной печатью на типографском участке республиканской Центральной лаборатории по микрофильмированию и реставрации документов.

Программа перестройки комплектования государственных районных и городских архивов документами учреждений низового звена принята в республике в 1987 г. Закрепляя ее результаты, мы продолжаем рабо-

ту по пересмотру источников комплектования и сокращению объемов управленческой документации, принимаемой на государственное хранение от областных и республиканских учреждений. Еще один резерв оптимизации состава архивных фондов — в пересмотре порядка приема на государственное хранение статистической документации. Возникла необходимость изучить весь комплекс статотчетности — как государственной, которая представляется органами Госкомстата УССР, так и ведомственной, выработать единые рекомендации о порядке ее отбора с учетом ликвидации дублетности. Улучшение качественного состава архивных фондов планируется и за счет освобождения архивохранилищ от дублетных материалов, поступивших в предыдущие годы.

Важной задачей является повышение организационно-методического руководства деятельностью ведомственных архивов и ведением делопроизводства в министерствах, ведомствах, учреждениях и организациях, которых у нас насчитывается свыше 159 тыс. Мы добились упорядочения и принятия на государственное хранение документов учреждений и организаций, на базе которых создан Госагропром УССР, упраздненных республиканских министерств угольной промышленности, геологии, черной металлургии. С помощью архивных учреждений целый ряд министерств и ведомств разработал и утвердил примерные номенклатуры дел, инструкции по делопроизводству для подведомственных учреждений. Большую помощь работникам делопроизводственных служб оказывает республиканский организационно-методический кабинет по делопроизводству, где повысили свою квалификацию свыше 4,6 тыс. человек.

Серьезное внимание мы уделяем созданию при госархивах кооперативов для упорядочения документов на договорных началах по безналичному расчету.

В коренной перестройке и улучшении нуждается вся научно-информационная деятельность госархивов республики. В первую очередь это — расширение форм и методов инициативного информирования о составе и содержании документов, улучшение работы читальных залов с целью обеспечить доступ исследователей к документам, находившимся ранее на режиме ограниченного доступа или секретном хранении. На обычные формы использования уже переведено более 200 тыс. документов.

В условиях возросшего интереса к истории мы пересматриваем тематику документальных изданий. При помощи партийных архивов, научных институтов и высших учебных заведений планируется приступить к подготовке сборников документов и материалов, которые бы всецело отражали историческую правду, наряду с показом реальных успехов и достижений в строительстве нового общества раскрывали негативные явления и тенденции, имевшие место на разных этапах нашей истории.

Критически оценивая достигнутое, мы вместе с тем стараемся не упускать из виду даже те небольшие крупицы передового опыта, новые методы работы, которые возникают в процессе перестройки деятельности архивных учреждений. Это одна из главных задач в работе научно-информационного бюллетеня Главархива УССР «Архивы Украины».

Способом решения перестроечных задач, стоящих перед архивными учреждениями республики, выступает кадровая политика. С целью улучшения подбора, расстановки и воспитания кадров мы будем использовать аттестацию работников; выдвигать на руководящие посты молодых специалистов, хорошо зарекомендовавших себя на работе; формировать резерв на выдвижение руководящих кадров и специалистов с учетом мнения трудовых коллективов.

П. Н. Нигматов (*Узбекская ССР*)

В госархивах республики хранится более 5 млн. документов (в их числе свыше 300 тыс. фото-, 15 тыс. кино- и 11 тыс. фонодокументов); функционируют 4 центральных, 12 областных архивов и 57 их филиалов и один городской госархив. Кроме того, имеются более 9600 ведомственных архивов и 64 междуведомственных хозрасчетных архива по личному составу.

В республике ведется работа по совершенствованию сети архивных учреждений, направленная на укрепление госархивов. Так, в 1986 г. вместо 12 филиалов ЦГА Қара-Қалпакской АССР оставлено 5.

В то же время, идя по линии укрепления государственных архивов, предполагается расширить сеть междуведомственных хозрасчетных архивов по личному составу при райгорисполкомах, так как практика показала, что это — наиболее прогрессивная форма удовлетворения запросов граждан социально-правового характера. Намечается создание таких архивов в каждом районе.

Больше внимания стало уделяться материально-технической базе госархивов. В 1987 г. сдано в эксплуатацию здание Госархива Хорезмской области, приступили к строительству зданий Центрального государственного архива научно-технической и медицинской документации УзССР и Госархива Ташкентской области, планируется спроектировать и построить 8 зданий для госархивов.

Впервые на 1986—1990 гг. составлен комплексный план технического оснащения центральных госархивов республики; такие планы стали составляться и в облгосархивах.

Практика показывает, что на местах невозможно решить вопрос обеспечения госархивов металлическими картотеками, шкафами для хранения магнитных лент и другим специальным оборудованием. Эту проблему необходимо решить в союзном масштабе более оперативно, чтобы намеченные планы по оснащению госархивов были реализованы.

Осуществляется кадровая перестройка. За последние два года были заменены руководители архивных отделов ряда облисполкомов и госархивов, приняты меры по укреплению трудовой и исполнительской дисциплины. В госархивах республики создается резерв кадров на выдвижение с учетом мнения коллективов.

В практику деятельности архивных учреждений республики вошла выборность руководителей различных рангов. Так, в 1987—1988 гг. на демократичной основе собраниями трудовых коллективов на должности руководителей избраны 8 человек (в том числе директор ЦГА УзССР, директора Госархива Сырдарьинской области и его Сырдарьинского филиала). Практикуется заслушивание отчетов руководителей всех уровней на открытых партийных собраниях.

Новые пути наметились в области подготовки кадров. По договоренности с Минвузом УзССР, начиная с сентября 1987 г., ведется подготовка на историческом факультете Ташкентского государственного университета 10 человек по специальности «историко-архивоведение».

В целях повышения ответственности сотрудников госархивов за порученное дело и улучшения качества работ проводятся конкурсы: на лучшую постановку работы в хранилищах госархивов, находящихся в г. Ташкенте, и на лучшее противопожарное состояние госархивов республики.

Перестройка в межотраслевом управлении архивным делом видится в укреплении контактов с министерствами и ведомствами республики, в организации совместных отраслевых проверок с обсуждением их итогов на совместных заседаниях коллегиальных органов. Эти проверки являются одновременно обменом опытом между работниками государственных и ведом-

ственных архивов, а также делопроизводственных служб. Только по результатам проверок можно будет поднимать проблемные вопросы совершенствования внутриведомственного контроля за сохранностью документов и составить реальные графики передачи документов на государственное хранение.

Первые шаги в этом отношении уже сделаны. Например, совместно с Госкино УзССР и Минпросом республики обсужден вопрос о состоянии архивного дела и делопроизводства в системе этих ведомств.

В целях координации деятельности учреждений республики, заинтересованных в сборе документов личного происхождения, создан междуведомственный научно-методический совет, куда кроме архивистов вошли представители Минкультуры и Минпроса республики, Общества охраны памятников истории и культуры, Совета ветеранов войны и труда, Центрального архива АН УзССР. По инициативе совета подготовлено и разослано «Обращение работников государственных архивов Узбекской ССР к участникам Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. о передаче на госхранение документов»; подготовлены временные методические указания по отбору, описанию, учету и хранению документальных памятников в общественных музеях при учебных заведениях, на предприятиях, в организациях и учреждениях республики.

Перестройка работы по использованию документов ГАФ СССР связана с укреплением связей с Институтом истории партии при ЦК КП Узбекистана, Ташкентским филиалом Центрального музея В. И. Ленина, Институтом истории АН УзССР, Домом научного атеизма, с редакциями республиканских газет и журналов.

Госархивы не остались в стороне от экономической реформы, проводимой в стране. Принимаются необходимые меры по активизации экономической работы, улучшению финансовой деятельности, организации платных услуг, кооперативов по обработке архивных документов и другие. Планируется, например, расширить платные услуги государственных архивов министерствам, ведомствам, учреждениям, организациям, предприятиям и гражданам.

В этих целях с Госкомцен УзССР разработан и утвержден «Прейскурант на услуги, оказываемые населению государственными архивами Узбекской ССР».

Первые шаги перестройки принесли положительные результаты. План развития архивного дела в Узбекской ССР на 1987 г. впервые за несколько лет был выполнен по всем основным показателям.

Т. С. Сарбанов *(Киргизская ССР)*

Положительное воздействие на работу архивных учреждений республики оказало принятое в сентябре 1985 г. постановление ЦК Компартии Киргизии и Совета Министров Киргизской ССР «О мерах по дальнейшему развитию архивного дела и улучшению материально-технического оснащения государственных архивов республики».

В ходе перестройки работы архивных учреждений должное внимание уделяется совершенствованию научной организации труда. Эти вопросы обсуждались на республиканском совещании-семинаре.

В центре внимания архивистов республики находятся вопросы обеспечения сохранности документов, укрепления материально-технической базы государственных и ведомственных архивов. Уже завершена подготовка проекта на строительство нового здания ЦГА КиргССР вместимостью на 1,5 млн. дел. В конце 1985 г. во Фрунзе создана Центральная лаборатория по микрофильмированию и реставрации документов.

Архивные органы республики усилили организационно-методическое руководство ведомственными архивами. Повысился внутриведомственный контроль за состоянием делопроизводства и обеспечением сохранности документов в подведомственных учреждениях со стороны Прокуратуры, Верховного суда, министерств юстиции, здравоохранения, социального обеспечения Киргизской ССР.

Заметно улучшились условия хранения документов в большинстве межведомственных архивов по личному составу.

Проведено уточнение источников комплектования научно-технической документацией. В двенадцатой пятилетке ЦГА КиргССР осуществляет меры по расширению источников комплектования за счет вузов и ряда научно-исследовательских учреждений. Для улучшения работы с научно-технической документацией принято решение о создании в республике Центрального государственного архива научно-технической документации.

Новым в работе центральных архивов явилось участие в еженедельных телепередачах программы «Время». Заметно улучшились контакты архивных учреждений с Институтом истории партии при ЦК КП Киргизии, Институтом истории Академии наук, Киргосуниверситетом, благодаря чему подготовка всех документальных сборников осуществляется при непосредственном участии ведущих специалистов республики.

В перестройке работы архивных учреждений республики определенные трудности связаны с кадровыми вопросами. В республике мало специалистов с высшим историко-архивным образованием, не во всех коллективах создан резерв на выдвижение кадрового состава, не проводится планомерная учеба. Потребуется определенное время на то, чтобы привести этот важнейший участок работы в соответствие с требованиями времени.

Сейчас решено передать Главархив республики в ведение Министерства юстиции, несмотря на то, что архивы созданы на основе ленинского декрета о централизации архивного дела, 70-летие которого было торжественно отмечено и в нашей республике, доказали свою жизнеспособность, выдержали проверку временем. Не грех ли в пылу недальновидных расчетов вбивать клин в основание того здания, которое с таким трудом строилось архивами. Провомерно ли рассматривать архивное дело с узковедомственной и экономической точек зрения, оставляя в стороне его социальный и воспитательный эффект, когда XIX Всесоюзной конференцией КПСС подчеркнута необходимость «законодательно упорядочить пользование архивными материалами».

Необходимо свести интересы архивов с интересами общенародными и на этой основе повышать ответственность за качество и развитие темпов архивного дела.

П. Г. Сафян *(Армянская ССР)*

В республике каждым ЦГА, лабораторией составлены планы перестройки работы и план социально-экономического развития коллективов на 1987—1990 гг. Активную работу развернули созданные в 1986 г. ЦГАЛИ АрмССР, филиалы ЦГАОР в гг. Иджеване и Раздане. Завершено строительство подземного фильмохранилища страхового фонда и кинодокументов, ряд райгосархивов улучшили условия хранения документов, все филиалы ЦГА и райгосархивы в централизованном порядке снабжены металлическими стеллажами и коробками для хранения дел, изготовление которых налажено Центральной республиканской лабораторией. Разработаны комплексные программы по оптимизации состава документов, интенсификации их использования, работе с кадрами.

Проведено учредительное заседание межведомственного совета по координации работ с документами личного происхождения.

Кроме ведущегося с 1983 г. республиканского соцсоревнования между отдельными категориями архивов (ЦГА, филиалы, райгосархивы) в 1986—1987 гг. осуществлялось соревнование за звание «Лучшее архивохранилище», «Лучший информатор», «Лучшая бригада».

Новый подход к вопросам сохранности документов ГАФ СССР проявился в передаче в государственные архивы документов учреждений Академии наук республики. В 1987 г. только от президиума АН принято на хранение более 12 тыс. дел, начата работа по сбору документов личного происхождения академиков АН Армянской ССР.

Завершено внедрение новой системы планово-отчетной документации в госархивах республики, во всех ЦГА разработаны нормы выработки, в результате чего количество нормированных работ составило около 80 %.

Придавая большое значение человеческому фактору в осуществлении программы перестройки, много внимания уделяется работе с кадрами. В 1987 г. проведена аттестация руководящих работников и специалистов ЦГА республики.

В ЦГА внедрен рациональный режим труда и отдыха, ведется систематическая работа с молодыми специалистами; в 1986—1987 гг. два работника ЦГАОР защитили кандидатские диссертации.

Расширены права ЦГА в решении кадровых, финансовых вопросов, в работе с ведомствами, в планировании своей деятельности; намного сокращен список должностей, на которые назначает Главархив АрмССР.

В последние два года госархивы проводят большую работу по расширению информационной базы исторической науки.

С 1 января 1988 г. при Разданском филиале ЦГАОР создан первый в республике межведомственный отдел по хранению и использованию документов по личному составу, опыт работы которого предполагается в дальнейшем распространить и в других регионах.

Осуществляется большая предварительная работа над списками учреждений — источников комплектования всех категорий госархивов, которые будут утверждены после завершения реформы органов управления в стране. Разработаны типовая должностная инструкция для заведующего ведомственным архивом, примерные номенклатуры дел для школ и др.

Собираются документы личного происхождения участников Великой Отечественной войны, организуются экспедиции работников ЦГИА в районы республики для сбора документов по истории Армении.

Вместе с тем перестройка еще в полной мере не затронула все участки работы архивных учреждений республики. В ЦГА и лабораториях много устаревшего оборудования, нет возможности проверять стабильность основы кинофотофонодокументов, не имеет своего здания ЦГАНТД республики, не все здания архивов обеспечены пожарно-охранной сигнализацией.

Не в полной мере развернута в госархивах целевая экспертиза документов, затягивается работа над сборниками и справочниками. Большой объем работ предстоит в связи с совершенствованием научно-справочного аппарата. Нуждается в совершенствовании работа дирекций ЦГА.

Все еще мало среди работников ЦГА с историко-архивным образованием, а вопрос о введении специализации по архивному делу на историческом факультете Ереванского госуниверситета еще не решен.

Б. М. Коюнлиев *(Туркменская ССР)*

За годы Советской власти архивное дело в Туркменистане выросло в стройную систему, оказывающую посильную помощь в развитии народного хозяйства, науки, культуры, пропаганды и агитации, удовлетворении социально-правовых запросов граждан.

На учете в госархивах находятся 2,5 тыс. учреждений, организаций и предприятий, документами которых они комплектуются. Ежегодно в госархивы на госхранение поступает более 20 тыс. дел управленческой документации, документы на пленочных носителях, личного происхождения, НТД.

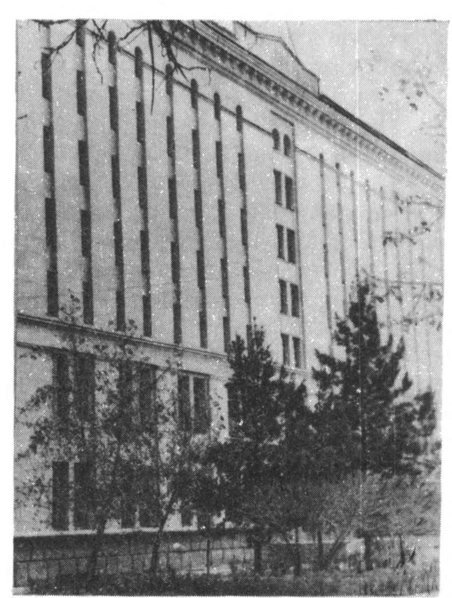
В связи с курсом партии на ускорение социально-экономического развития общества архивисты Туркменистана проводят значительную работу по всестороннему использованию документов как на бумажной основе, так и материалов на пленочных носителях, через средства массовой информации (печать, радио, телевидение, ВДНХ СССР, ВДНХ ТССР, международные, всесоюзные и республиканские выставки), к юбилейным и памятным датам. Архивные материалы о динамике развития важнейших отраслей промышленности республики широко использованы Госпланом ТССР при составлении перспективного плана развития народного хозяйства республики.

К документам госархивов часто обращаются исследователи-ученые, специалисты министерств и ведомств, студенты. Только за последние 5 лет документы архивов легли в основу пяти докторских и 58 кандидатских диссертаций, 20 монографий, 24 научных разработок, 15 книг и брошюр. Работниками госархивов подготовлены и опубликованы более 30 сборников документов по различным проблемам истории Туркменистана.

Архивные учреждения республики активно сотрудничают с органами массовой информации, широким кругом заинтересованных учреждений. Большое значение для укрепления контактов с научно-исследовательскими учреждениями и организациями имеет участие архивистов в качестве членов в работе ученых советов Координационного совета АН ТССР, Института истории имени Ш. Батырова АН ТССР, Туркменского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, Объединенного государственного историко-краеведческого музея, редколлегий республиканских периодических изданий, общества «Знание», агитпоездов ЦК ЛКСМТ и др.

Здание архивного отдела и ЦГА ТССР, разрушенное землетрясением 6 октября 1948 г.

Здание Главархива и ЦГА ТССР, построенное после землетрясения

В заключение хотелось бы сформулировать волнующие нас проблемы: строительство новых зданий для архивов (15 лет не удается осуществить строительство зданий ЦГАКФФД республики, госархивов Ашхабадской и Красноводской областей), укрепление материально-технической базы, приобретение и установка нового оборудования, организация соцсоревнования по выполнению решений XIX партконференции.

Об информационной деятельности архивных учреждений страны

В. И. Пономарева, Л. И. Солодовникова

Перестройка всех сфер общественной жизни стала серьезным импульсом развития информационной деятельности архивных учреждений, повышения ее эффективности и качества на основе интенсификации всех процессов, связанных с организацией использования документов ГАФ СССР. Основные направления активизации этой работы сформулированы в «Программе интенсификации использования и публикации документов ГАФ СССР на 1986—1990 гг.».

Особо широкий размах это направление деятельности приобрело в связи с проведением мероприятий, посвященных 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, и подготовкой к празднованию юбилея советского архивного дела, что проявилось, в частности, в заметном увеличении масштабов работы в 1987 г., когда итоговые показатели значительно превысили плановые задания года. При этом наблюдался отчетливо выраженный рост объемов по инициативным формам использования в сравнении с уровнем предыдущего года: на 165 тыс. больше подготовлено инициативных информаций, на 3 тыс.— архивных публикаций в печати, на 2 тыс.— радио- и телепередач, на 1 тыс.— документальных выставок. Интенсификация инициативных форм использования документов в существенной степени способствовала увеличению потока тематических запросов и числа исследователей в читальных залах архивов — соответственно на 11 и 17 тыс. по сравнению с плановыми цифрами. Особенно активно и плодотворно работали ЦГАКФД СССР, ЦГАОР СССР, ЦГАНХ СССР, ЦГАЗ СССР, архивные учреждения РСФСР, Украины, Белоруссии, Казахстана, Туркмении.

Важной чертой интенсификации использования документов Государственного архивного фонда СССР является усиление ее общественно-политической направленности. Об этом свидетельствует все более активный выход архивных учреждений на всесоюзную и международную аудиторию потребителей ретроспективной информации. В комплексе мер, предпринимаемых с этой целью, следует выделить укрепление традиции участия государственной архивной службы СССР в экспозициях ВДНХ СССР. В 1987—1988 гг. документы ГАФ СССР были представлены в экспозициях «70 лет под знаменем Великого Октября», «Ускорение социально-экономического развития страны», а также «Государственный архивный фонд СССР и его роль в перестройке». За участие в подготовке выставок к 70-летию Октября ряд трудовых коллективов и работников учреждений государственной архивной службы СССР награжден почетными дипломами и медалями ВДНХ СССР. Сам факт предоставления возможности показать широкой общественности достижения советского архивного дела в связи с 70-летним юбилеем говорит о признании общественно-политической значимости архивной службы страны.

На всесоюзную зрительскую аудиторию рассчитаны документальные фильмы, подготовленные в 1986—1987 гг. с участием представителей отрасли. Один из них, «Документы Октября», в преддверии юбилея Советской власти был показан по Центральному телевидению. На Центральном телевидении вышло в эфир несколько программ, сделанных с участием работников ЦГАОР СССР, ЦГАНХ СССР, ЦГАСА, ЦГАДА, ЦГАКФД СССР, ЦГАЗ СССР (телецикл «Уроки истории», передача «От первых коммун до массовой коллективизации», репортажи в тележурнале «Служу Советскому Союзу» и др.).

Заметно увеличилось число публикаций с привлечением архивных документов в центральной прессе (во многом благодаря энергичным усилиям архивистов, а также в результате возросшего интереса всех социальных слоев общества к прошлому страны). Например, публикация статей и подборок документов в газетах «Правда», «Социалистическая индустрия», в «Неделе» и других периодических изданиях получила широкий общественный резонанс и положительную оценку руководящих партийных органов. Большим спросом пользуются издаваемые ЦГАЗ СССР в сотрудничестве с фирмой «Мелодия» альбомы грампластинок «Звуковая летопись Октября», «Дни, которые потрясли мир», «Эстафета трудовой доблести», «Говорит Красная площадь», «Энтузиазм, рожденный Октябрем», «Непобедимая и легендарная», «За власть Советов!». Всесоюзному читателю адресован ряд документальных сборников[1].

Ознакомление общественности зарубежных стран с документальным богатством ГАФ СССР наиболее активно проводится на международных выставках и посредством издания международных документальных сборников. Так, в 1987 г. архивными учреждениями страны были выявлены и переданы Советскому комитету ветеранов войны для экспонирования на выставке в США документы о зверствах немецко-фашистских оккупантов в годы второй мировой войны. Архивные документы были представлены также на выставках: в США — «Человек, семья, общество» (центральные государственные архивы СССР), в Женеве — в Международном музее Красного Креста (ЦГАКФФД БССР), в ФРГ (города Киль и Гамбург) — «Архитектурное развитие Таллина в XIX—XX вв.» (ЦГАОР ЭССР, ЦГАНТД ЭССР), а также в советских посольствах в Румынии, Кувейте, Алжире. Главархивом СССР проведена работа по подготовке документальной экспозиции в Дели в рамках фестиваля СССР в Индии. За последние годы подготовлен ряд сборников документов о дружественных связях народов СССР с зарубежными странами.

Дальнейшее расширение круга потребителей архивной информации во всесоюзном и международном масштабах связано с увеличением разнообразия форм информационной деятельности. Интересной и весьма перспективной формой является сотрудничество архивистов в рамках дружественных связей городов-побратимов. Хороший опыт имеется у херсонских архивистов, которые вместе с коллегами из болгарского г. Шумена разработали и успешно реализуют план совместных мероприятий по использованию документов. Все шире распространяются фотокомплекты, подготовленные Главархивом СССР. Опыт направления их в архивные ведомства социалистических стран («Архивное дело в СССР», 1986 г., «Великий Октябрь в документах и фотографиях», 1987 г.), а также рассылка их через Всесоюзный Дом политического просвещения при ЦК КПСС («Великий Октябрь в документах и фотографиях») показали заинтересованность потребителей информации в развитии этой формы сотрудничества. Ряд партийных органов, ЦК ВЛКСМ, общество «Знание» и другие организации обратились с просьбой информировать их в дальнейшем о готовящихся фотокомплектах.

Практикуется выявление архивных материалов для зарубежных средств массовой информации. Ряд передач для Афганского радио подготовлен архивными учреждениями Таджикской ССР. ЦГАКФД СССР совместно с ТАСС и АПН пишет очерки о работе архива для отечественной и иностранной прессы. ЦГАЗ СССР сделал передачу для Софийского радио, посвященную 70-летию советского архивного дела. Примечателен опыт сотрудничества ЦГА Московской области с творческими организациями, позволяющий использовать архивные документы для пропаганды советского искусства за рубежом. Так, в 1987 г. перед поездкой в Японию Театра зверей им. В. Л. Дурова архив выявил материалы по его истории.

В последнее время особенно заметно укрепление взаимодействия архивных учреждений с партийными и советскими органами. От партийных органов и Советов народных депутатов в значительной мере зависят темпы ускорения социально-экономического развития страны, поэтому представление им ретроспективной информации, которая может быть использована в решении современных политических, государственных, социальных и хозяйственных задач, должно быть поставлено на первое место в деятельности архивной отрасли. Все более широкое распространение получает практика выявления актуальной информации по истории социалистического строительства для руководящих партийных органов союзных республик. Наиболее успешно работают в этом направлении архивисты Киргизии и Туркмении, активизировалась деятельность архивных учреждений Молдавии, Таджикистана, Армении по информационному обслуживанию ЦК Компартий союзных республик. В связи с юбилеями в жизни страны (70-летие Великого Октября, 70-летие Советской Армии и Военно-Морского Флота СССР) для местных партийных и советских органов госархивы РСФСР, Украины, Казахстана, Азербайджана, Киргизии, Армении и других республик подготовили хроники исторических событий и перечни документов. Эта информация была использована повсеместно при проведении юбилейных мероприятий, принятии решений об увековечении памяти героев революции, войны, труда и т. п.

Значительных успехов в развитии контактов с партийными органами добился ЦГАКФД СССР в результате применения разнообразных форм сотрудничества: участие в проведении занятий в сети партийного просвещения на предприятиях, в мероприятиях областных курсов партийных работников и идеологического актива, в заседаниях клуба политического кино Всесоюзного Дома политпросвещения и т. д.

В течение 1987 г. партийные органы различных регионов страны обращались 46 раз в ЦГАОР СССР с заявками о выявлении информации, в том числе ЦК КПСС, 26 обкомов КПСС, 6 горкомов партии, 8 райкомов, 2 партийных комитета промышленных предприятий и др.

Практика показывает, что наиболее действенными являются контакты с партийными и советскими органами, имеющие долгосрочную, перспективную направленность. В этом смысле заслуживает внимания опыт ЦГА Литовской ССР в г. Каунасе, который изучив достижения ленинградских архивистов в информационном обслуживании партийных комитетов на договорных основах, нашел возможности для их творческого применения и развития. В 1986 г. на совместном совещании архивных работников и представителей партийного актива Кедайнского района принят план сотрудничества архива с райкомом партии, РК ЛКСМ и райисполкомом на двухлетний период. Планом предусмотрены подготовка статей, информаций, выставок, проведение встреч с общественностью и т. д. Успехи в реализации намеченных мероприятий позволили в 1988 г. заключить аналогичное соглашение с партийными, советскими и комсомольскими органами Пренайского района.

Архивисты Павлодарской области Казахской ССР организовали в стенах архива пресс-конференцию для первых руководителей партийных, советских и хозяйственных органов и учреждений, которая стала событием в общественной жизни области и способствовала укреплению взаимополезных контактов.

Главархивом СССР в 1988 г. обобщена практика работы архивных учреждений по информированию партийных, советских и хозяйственных органов.

Развитие интенсификации использования документов ГАФ СССР связано и с внедрением договорных начал, применением экономического стимулирования сотрудников архивных учреждений. Практика информационного обслуживания потребителей на договорной основе положительно зарекомендовала себя в ЦГАНХ СССР, ЦГИА СССР, других архивах. С целью обобщения имеющегося в этом направлении опыта и выработки рекомендаций по его применению Главархивом СССР проведена соответствующая аналитическая работа и подготовлены «Методические рекомендации по организации работы по использованию документов ГАФ СССР отделов (групп) государственных архивов, содержащихся за счет специальных (внебюджетных) средств» (М., 1988).

В условиях реализации радикальной общегосударственной экономической реформы особое значение для архивных учреждений приобретает задача предоставления партийным, советским, хозяйственным органам, научным, производственным организациям сведений, использование которых может оказать реальную помощь в решении актуальных народнохозяйственных проблем.

Интересно работают в этом направлении ЦГАНХ СССР, ЦГАОР СССР, архивные учреждения РСФСР, которые активно включились в подготовку материалов для осуществления программ развития Сибири, Дальнего Востока, Нечерноземья и др. Специалисты, использующие информационные документы, подчеркивают, что полезными для них оказываются не только сведения о положительном опыте прошлого, но и допущенных ошибках, а также данные о методах и подходах к решению различных проблем, совокупном влиянии человека на развитие регионов. ЦГАНХ СССР координирует выполнение «Плана подготовки в 1987—1990 гг. информаций о развитии агропромышленного комплекса», согласованного с Госагропромом СССР. Архивисты Московской области предоставили Госагропрому СССР документы по развитию овцеводства. Заслуживает поддержки и поощрения пример калининских архивистов, которые, учитывая сложность ситуации по проблеме Ржевского гидроузла, подготовили обстоятельные информационные документы и направили их в компетентные органы.

Главархивом АзССР разработан и реализуется перспективный план инициативного информирования учреждений и организаций республики по народнохозяйственной тематике на период до 1990 г. Особенно успешно участвует в его выполнении ЦГАНТМД АзССР. Так, информации о борьбе с коррозией металлов, причинах аварий в бурении и другие вызвали значительный интерес специалистов и получили конкретное применение в научно-прикладных исследованиях и хозяйственной практике.

О значительных возможностях экономически эффективного применения архивной информации в решении современных народнохозяйственных задач свидетельствует практика работы ЦГАНТД БССР: в результате использования хранящейся в архиве технической документации сэкономлены государственные средства в сумме 105 тыс. руб. Использование материалов ЦГАНТД г. Ленинграда при реконструкции Новосибирской ГЭС позволило сберечь более 10 тыс. руб.

Во многих городах страны архивные документы используются при

реставрации и реконструкции зданий и сооружений. В 1987 г. документы ЦГАВМФ СССР помогли осуществить реконструкцию крейсера «Аврора», а материалы ЦГА ЛитССР в г. Каунасе принимаются во внимание при реставрационных работах в старой части города. Эффективной, по мнению специалистов, оказалась и новая форма информационной деятельности ЦГАНТД СССР — «Ярмарка научно-технических идей», которая позволила ознакомить с ценными документами широкий круг заинтересованных организаций.

Положительное значение для развития использования документов ГАФ СССР в народнохозяйственных целях имеет подготовленное ВНИИДАД справочное пособие «Архивы — народному хозяйству», рассчитанное на более активное привлечение к изучению архивных документов специалистов-практиков, изобретателей и рационализаторов.

Признавая, что в информационной работе архивных учреждений по народнохозяйственной тематике в последнее время отмечается оживление, следует одновременно подчеркнуть, что здесь предстоит еще существенно наращивать ее темпы и качество. Эффективность применения ретроспективной информации в народнохозяйственной практике должна стать главным критерием в оценке этой работы. В настоящее время о низкой эффективности, отсутствии в ряде случаев отзывов потребителей на предоставляемые сведения говорят работники центральных государственных архивов СССР, Украины, Латвии и др. Частично такое положение объясняется проводимой в стране реорганизацией управленческой структуры народного хозяйства Однако нельзя не отметить, что в немалой степени это связано с уровнем изучения потребностей общества в ретроспективной информации, формальным подходом к выбору тематики, низким качеством и непродуманностью формы подачи материала.

В области интенсификации использования документов ГАФ СССР в научных целях центральным звеном является обеспечение научных исследований достаточной источниковой базой. В этой связи необходимо подчеркнуть принципиальное значение комплекса мероприятий по расширению информационной базы обществоведческих исследований, о которой подробно сказано в ряде статей[2]. Со всей ответственностью к этой проблеме подошел ЦГАНХ СССР: он обратился к ряду министерств и ведомств с конструктивными предложениями о путях ее решения, которые были поддержаны учреждениями-фондообразователями. Значительную работу провел в 1987—1988 г. ЦГАОР СССР. Однако такой подход присущ далеко не всем государственным архивам. Недостаточно еще сделано в этом направлении ЦГИА СССР, архивами Белоруссии и Таджикистана. На Всесоюзном семинаре по проблемам расширения информационной базы (Москва, март 1988 г.) было обращено внимание на трудности, недостаточную координацию, слабое методическое обеспечение этой работы.

Более тесными становятся контакты архивных учреждений с научной общественностью. В декабре 1986 г. проведено совместное заседание Бюро отделения истории АН СССР и коллегии Главархива СССР, наметившее пути их укрепления. С 1987 г. академические институты начали предоставлять архивным учреждениям перспективные планы исследований. Главархив СССР ознакомил с ними ЦГА СССР и главархивы союзных республик. Важность этой формы взаимодействия историков и архивистов обусловливается заложенными в ней возможностями заблаговременной подготовки архивных учреждений к обслуживанию плановых научных исследований. Однако, как показало обследование работы читальных залов ЦГА СССР, проведенное Главархивом СССР в 1987 г., их сотрудники не знакомы с содержанием планов академических институтов, тематика этих планов не учитывается при определении направлений развития

научно-справочного аппарата.

Укрепление контактов историков и архивистов отмечается и в союзных республиках: проводятся совместные научные конференции (РСФСР, Украина, Узбекистан, Латвия и др.), совместная подготовка сборников документов. Следует особо отметить работу архивистов Латвии, которые в содружестве с историками республики издали сборник документов «Восстановление Советской власти в Латвии и вхождение Латвийской ССР в состав СССР» на русском языке (ранее сборник вышел на латышском языке), готовят к изданию сборники «Политическая зависимость буржуазной Латвии от империалистических держав. 1919—1920 гг.», «Создание буржуазной Латвии. 1917—1919 гг.» В настоящее время архивисты Латвии и Литвы принимают активное участие в подготовке документальных изданий об иностранной интервенции и гражданской войне.

Весьма успешно используют документы ГАФ СССР в научных целях архивисты Татарии. В результате информирования профильных научных учреждений о деятельности в Казани ряда ученых (А. Е. Арбузова, В. М. Бехтерева, П. Ф. Лесгафта и др.) в научный оборот включены их труды, выявленные архивистами. Большой общественный резонанс имела выездная сессия Казанского филиала АН СССР, посвященная 125-летию Бездненского восстания (1986 г.), в подготовке и проведении которой принимали участие архивисты. Большое содействие оказывает ЦГА ТАССР Казанскому университету в научно-популяризаторской деятельности, помогая пополнять уникальную музейную экспозицию старейшего вуза России, имеющего богатые научные традиции.

Архивные учреждения принимают участие в решении задачи ускорения развития социальной сферы советского общества.

С целью привлечения внимания широкой общественности к документальному богатству ГАФ СССР все более активно используются в союзных республиках возможности показа документов на республиканских ВДНХ (Казахстан, Таджикистан, Туркмения), устанавливаются стабильные контакты с органами массовой информации. Архивисты Туркмении в 1986—1987 гг. провели несколько встреч с представителями печати, радио и телевидения с целью выбора главных направлений сотрудничества, обсуждения их форм и т. д. Это способствовало улучшению качества материалов, подготавливаемых архивами для средств массовой информации. В результате передачи и публикации, подготовленные архивными работниками, неоднократно отмечались благодарностями и грамотами редакций, занимали призовые места в конкурсах журналистских работ (ЦГА ТуркмССР, ЦГАКФФД ТуркмССР).

Повсеместное применение получила практика подготовки циклов передач на радио и телевидении, ведения постоянных рубрик в газетах, например: «От Февраля к Октябрю» (Московская область), «Шаги Октября» (Свердловская область), «Дневник Алтая. День за днем» (Алтайский край), «Краеведческие страницы» (Горьковская область), «Декреты Советской власти» (Тюменская область), «70 пламенных лет» (Павлодарская, Семипалатинская, Мангышлакская области Казахстана), «История архивов» (Грузия), «Рожденные бурей» (Азербайджан), «Архивные документы рассказывают» (Литва), «Хроника революционных событий» (Молдавия), «Страницы биографии» (Киргизия), «Документы рассказывают» (Армения), «Страницы истории» (Таджикистан) и др.

В связи с задачами реализации реформы общеобразовательной и профессиональной школы особое значение приобретает деятельность архивных учреждений, направленная на развитие сотрудничества с учебными заведениями, воспитание молодежи на революционных, боевых и трудовых традициях. Архивисты уделяют значительное внимание оказанию помощи в

проведении Всесоюзной экспедиции пионеров и школьников «Моя Родина — СССР», военно-патриотической работе с молодежью. ЦГАСА в московских школах и ПТУ, а также в 10 городах и поселках Калужской области проводит устный журнал «Архивные документы рассказывают». В подготовке выпусков журнала участвуют вместе с архивистами местные партийные работники, сотрудники музеев и краеведы. Так, за последнее время организованы тематические выпуски к 70-летию Октября и Вооруженных Сил СССР; о деятельности Ф. Э. Дзержинского, Г. К. Жукова, С. М. Кирова, И. П. Уборевича, В. И. Чапаева и др. ЦГАВМФ СССР успешно работает в молодежных клубах г. Ленинграда. В Уральской области Казахской ССР по инициативе архивистов создан городской кружок юных следопытов. Кружок для школьников, интересующихся военной историей, в 1986—1987 гг. работал в ЦГВИА СССР. В РСФСР, УССР, БССР, КиргССР, ТуркмСССР, ЭССР архивисты проводят уроки мужества в школах. В РСФСР, УССР, КазССР и других республиках организуются дни открытых дверей для учителей средних школ и семинары для преподавателей истории. Архивисты Московской и Карагандинской областей имеют опыт заключения договоров о творческом содружестве с учреждениями народного образования. ВНИИДАД завершает подготовку пособия «Архивы — школе».

Среди множества актуальных социально-политических проблем, которые находят отражение в информационной деятельности госархивов, особо пристального внимания в настоящее время требует работа по интернациональному воспитанию трудящихся. Использование архивных материалов в этой работе особенно важно в силу уникальных возможностей документального показа истоков, процессов развития и совершенствования национальных отношений. Интересный опыт такой работы имеется в Киргизии. По заданию ЦК Компартии республики с помощью архивистов в 1987 г. оформлен методический кабинет по проблемам межнациональных отношений при горкоме партии г. Фрунзе, на его базе работает постоянно действующий семинар партийных работников, подготовлена выставка «Интернациональное воспитание в Советском Киргизстане», включающая более 50 документов. Важное значение имеет публикация подлинных документов по этой теме. Успешно ведут работу архивные учреждения РСФСР и Украины. В УССР издается серия областных сборников под названием «В семье единой», включающая документы о вкладе трудящихся республики в экономическое и культурное строительство народов СССР. В работе по интернациональному воспитанию трудящихся важное значение имеет активизация творческих контактов архивистов союзных республик. Например, по запросу Главархива Армянской ССР в ЦГАМО проведено широкое выявление документов об армянах, чья деятельность в разные годы была связана со столичной областью. Примеры аналогичной работы имеются на Украине, в Белоруссии. Существенно активизировать информационную деятельность по интернациональной тематике предстоит архивным учреждениям Узбекистана, Армении, Азербайджана, южных областей РСФСР.

Актуальной является задача совершенствования атеистической пропаганды на основе архивных документов. Заслуживает внимания опыт литовских архивистов, в частности, подготовка филиалом ЦГА республики в г. Укмерге выставки «За свободу мысли и совести». В ней убедительно и наглядно показана реакционная роль церкви в буржуазной Литве, особенно по отношению к гражданам других вероисповеданий.

Архивные учреждения имеют хорошие традиции в области проведения историко-краеведческой работы. Условия расширения демократии и гласности в стране положительно сказываются на ее эффективности, обуслов-

ливают появление новых интересных форм. В РСФСР, Молдавии, Киргизии документы используются при проведении праздников улиц, районов, населенных пунктов. По инициативе Панфиловского филиала Госархива Талды-Курганской области Казахстана был созван сход граждан г. Панфилова для обсуждения предложений об увековечении памяти павших в борьбе за установление Советской власти. Работники Госархива Владимирской области восстановили имена революционеров-политзаключенных, умерших и казненных во Владимирской тюрьме. По инициативе архива горисполком принял решение о занесении их имен на мемориальную доску памятника жертвам революции, торжественное ее открытие состоялось накануне 70-летия Великого Октября. На I Всесоюзной конференции по историческому краеведению была отмечена информационная работа ЦГИА СССР по истории городов и населенных пунктов. Богатый опыт информирования о документах по истории городов и сел страны имеют ЦГАДА, архивные учреждения Украины. В Литовской ССР подготовлен сборник «Литовцы — участники Октябрьской революции и гражданской войны», получивший высокую оценку общественности; ЦГАКФФД ЛитССР создает кино- и звуковую летопись республики, демонстрирует свои материалы на предприятиях, в колхозах, учебных заведениях и совхозах. ВНИИДАД заканчивает работу над справочным пособием «Архивы — краеведению».

В соответствии с задачами социального развития Советского государства важное значение имеет использование архивных документов для обеспечения социально-правовых запросов граждан. В 1987 г. исполнено 437 тыс. таких запросов.

Анализ информационной деятельности архивных учреждений позволяет сделать вывод, что выполнение «Программы интенсификации...» осуществляется по всем основным направлениям, ее разработка сыграла положительную роль в повышении уровня скоординированности и организации работы государственных архивов, сориентировала их на увеличение объемов информационной деятельности, вовлечение в нее архивных учреждений всех звеньев, включая городские и районные. Значительно активизировалось использование кинофотофонодокументов и научно-технической документации, как в архивных учреждениях общесоюзного подчинения (ЦГАКФД СССР, ЦГАЗ СССР, ЦГАНТД СССР), так и в союзных республиках.

В ходе осуществления «Программы...» обнаружились проблемы, требующие неотложного решения. Архивные учреждения всех союзных республик справедливо отмечают трудности материально-технического и кадрового порядка. Однако они не исчерпывают причин и факторов, затрудняющих проведение курса на интенсификацию информационной деятельности. В числе факторов решающее значение имеет несбалансированность усилий, направленных на совершенствование работы, которая находит практическое выражение как в чрезмерном увлечении количественным ростом показателей в ущерб качеству работы в одних госархивах, так и напротив, в игнорировании объективных возможностей увеличения объемов работы в других.

Кроме того, существующее серьезное различие уровня работы по использованию документов в разных архивах одной республики позволяет за счет активности лучших архивов благополучно отчитываться о достижениях, не обращая достаточного внимания на отстающих и не спрашивая за это должным образом. Некритичный подход к оценке результатов собственной работы во многих архивных учреждениях стал сильным тормозом для ее развития.

Настоятельной необходимостью в настоящее время является проведение

каждым госархивом, каждым архивным управлением серьезного анализа работы по использованию документов ГАФ СССР. Основное внимание при этом должно быть сосредоточено на имеющихся недостатках и путях их преодоления. Без этого невозможно практически осуществить стоящие перед всеми архивными учреждениями страны задачи активизации и ускорения темпов реализации «Программы интенсификации использования и публикации документов ГАФ СССР на 1986—1990 гг.»

Новые возможности открываются перед архивными учреждениями в связи с применением экономических стимулов для развития и интенсификации информационной деятельности, заключающихся в расширении платных услуг, оказываемых архивами учреждениям и гражданам. В частности, архивные учреждения имеют право расширить перечень работ, выполняемых за счет специальных средств, в том числе, за счет включения в него исполнения запросов генеалогического характера, поступающих от советских граждан. Главархив СССР может выдавать гражданам, постоянно проживающим за рубежом, по их запросам архивные справки, выписки и копии документов со взиманием платы в иностранной валюте. Для обеспечения нормативно-методической базы этой работы Главархив СССР приступил к подготовке норм, прейскуранта, методических рекомендаций.

* * *

Для укрепления сотрудничества архивистов с партийными, советскими и хозяйственными органами, научными учреждениями, учреждениями культуры, общественными организациями в целях эффективного использования ретроспективной информации в деле перестройки первостепенное значение имеют решения XIX Всесоюзной конференции КПСС. В условиях демократизации советского общества возрастают реальные возможности повышения вклада архивных учреждений страны в идеологическое обеспечение процессов перестройки. Важнейшими путями реализации этих возможностей являются развитие инициативы и гласности, последовательное осуществление мер по расширению источниковой базы обществоведческих исследований, внедрение договорных начал в организацию информационной деятельности.

---

[1] Вопросы научно-издательской работы архивных учреждений заслуживают специального обсуждения и в данной статье упоминаются лишь в самом общем плане.

[2] Ваганов Ф. М. Интенсивнее использовать документы Государственного архивного фонда СССР в интересах развития истории // Вопросы истории. 1987. № 10; Он же. ГАФ СССР — источниковая база исторической науки // Советские архивы. 1987. № 6; Архивы снимают ограничения // Известия. 1987. 23 мая.

К вопросу о каталогизации документов в государственных архивах

И. В. Волкова, кандидат исторических наук,
Н. А. Карпунова

Государственный архивный фонд СССР (ГАФ СССР) — документальная память советского народа, его национальное достояние. Значение архивных документов особенно возрастает в наше время в связи с ростом в обществе интереса к истории, духовному и культурному наследию прошлого. Вместе с тем интенсивность использования архивных документов

находится в прямой зависимости от степени информированности широких кругов общественности о составе и содержании документов архивных учреждений страны.

С этой целью в государственных архивах создается система научно-справочного аппарата (система НСА), одно из ведущих мест в которой занимает каталог.

Проблема каталогизации, т. е. подготовки, составления и ведения каталогов, приобрела в настоящее время особую остроту. Это вызвано недостаточной эффективностью каталога как информационно-поисковой системы. В статье авторы пытаются предложить наиболее рациональные пути выхода из сложившейся ситуации, акцентируя внимание на узловых пунктах проблемы: место каталога в системе НСА, рациональный состав системы каталогов государственного архива, пути каталогизации и приемы описания, ведение каталогов и перспективы их развития.

Каталог — тип архивного справочника, в котором вторичная документная информация сгруппирована по предметам (темам, отраслям), образующим деления каталога, расположенные в соответствии с принятой для того или иного вида каталога схемой классификации документной информации. Каталог является межфондовым справочником. Он в отличие от описей не выполняет функции учета, составляется вне зависимости от фондовой принадлежности документов и не закрепляет системы их хранения.

Любой справочник в системе НСА целесообразен лишь тогда, когда несет в себе самостоятельные возможности поиска. Если опись рассчитана на полноту информирования в функционально-отраслевом направлении, то каталог обеспечивает точность поиска и ориентирует потребителя информации в предметно-аспектном или предметном направлении поиска. Каталог дает информацию не об отдельных документах или их комплексах, а о предметах (вопросах), отраженных как в документе (его части), так и деле (группе дел).

Вопрос может заключаться в названии описи или ее структурной части, если в них четко выражены функции или направление деятельности, заголовки дел относятся к одному классификационному делению схемы того или иного раздела каталога. Вопрос может быть отражен также в названии фонда, если оно совпадает с классификационным делением схемы каталога. Это касается в основном узкоотраслевых, малообъемных фондов, документы которых освещают только один вопрос, нашедший отражение в названии фонда. Например, Комиссия помощи голодающим Поволжья, центральные избирательные комиссии по выборам в Верховный Совет СССР (1937—1966 гг.). В обоих случаях составляются отсылочные карточки, содержащие формулировку вопроса и ссылку соответственно на страницы описи или на номер фонда.

В зависимости от принципа группировки информации, закрепленного в схеме классификации, каталоги могут быть систематическими, тематическими[1] или предметными. Основанные на различных схемах классификации и имеющие различное целевое назначение создаваемые в архиве каталоги представляют единую систему. В систему каталогов государственного архива входят только те каталоги, которые создаются целенаправленно, в соответствии с «Основными правилами работы государственных архивов СССР» (М., 1984) в отделах, занимающихся разработкой научно-справочного аппарата.

В ряде государственных архивов, главным образом исторических, имеются и активно используются сотрудниками архива и исследователями предметно-тематические картотеки. Они могут включаться в каталоги или существовать самостоятельно. В каталоги вливаются картотеки, созданные в соответствии с правилами, существующими для составления каталогов.

Поэтому отделы, в которых создаются картотеки (отдел использования, хозрасчетные группы и др.), должны передавать в отделы, занимающиеся разработкой научно-справочного аппарата архива, картотеки правильно организованными и описанными в соответствии с современными требованиями, предъявляемыми к описанию документов на каталожной карточке.

Целесообразность самостоятельного существования предметно-тематических картотек решается архивом в каждом конкретном случае и четко аргументируется. При этом необходимо учитывать актуальность и эффективность использования темы, полноту ее раскрытия по фондам архива, состояние картотеки и т. п. Самостоятельно существующие предметно-тематические картотеки взаимосвязаны с системой каталогов путем отсылочных карточек.

Система каталогов может обеспечить научно-информационную деятельность государственных архивов, если будут учитываться постоянные потребности науки, культуры, народного хозяйства своего региона в ретроспективной информации; специфика состава и содержания фондов данного архива; специфика формирования и описания дел, включенных в описи; использоваться и углубляться принципы дифференцированного подхода к описанию документов при каталогизации фондов разных категорий. Это позволит не только применить обоснованную методику описания при каталогизации, но и определить направленный рост тех подразделений каталогов, которые могут обеспечить документной информацией актуальные исследования по фондам архива.

Центральным элементом системы является систематический каталог. Документная информация в нем классифицируется по отраслям знаний и практической деятельности общества, расположенным в логической последовательности. Поиск информации в систематическом каталоге ведется от общего к частному. Благодаря комплексному характеру содержания и логической структуре построения, систематический каталог способен выдавать информацию в целом по отраслям знания и деятельности общества, воспроизводить связи между событиями и явлениями, зафиксированными в документах. Все это и определяет его центральное положение в системе каталогов архива. Однако комплексный характер информации систематического каталога, особенности схемы классификации, удовлетворяя задачам проблемного поиска информации, в то же время могут затруднять поиск информации по конкретному вопросу или отдельному объекту. Организовать такой поиск в систематическом каталоге позволяет предметный указатель к каталогу или к отдельным его подразделениям, который состоит из расположенных в алфавитном порядке основных предметных понятий, содержащихся в систематическом каталоге, и соответствующих им индексов систематического каталога. Предметный указатель обычно организовывается на основе алфавитно-предметного указателя к схемам единой классификации документной информации в систематических каталогах государственных архивов СССР.

Близок к систематическому каталогу тематический каталог. Он, как и систематический, организуется по логической структуре, но содержание его в отличие от систематического каталога ограничивается одной темой. Внутри темы документная информация классифицируется по подтемам, рубрикам, подрубрикам, расположенным в логической последовательности. Выбор темы каталога, правильность его создания определяются прежде всего задачами развития современной науки, особенно исторической, степенью изученности проблем истории советского общества с учетом специфики развития данного региона, отраженной в документах архива, наличием в архиве документов, которые с достаточной степенью полноты

могут осветить данную тему. Тематический каталог может создаваться в архивах наряду с систематическим каталогом только по тематике непреходящего значения, характерной для данного архива. Обязательным условием его самостоятельного существования в этом случае является группировка сведений по признаку, отсутствующему в систематическом каталоге. Кроме того, тематические каталоги могут создаваться в тех архивах, в которых ведение систематического каталога нецелесообразно.

В ряде государственных архивов наряду с систематическим каталогом создаются на правах самостоятельных тематические каталоги по отдельным темам, фактически представляющие углубленную разработку одного из подразделений систематического каталога. Такие каталоги не могут рассматриваться как самостоятельные, так как являются частью систематического каталога и в дальнейшем должны вливаться в соответствующие его разделы.

Так, например, создаваемый в ЦГАНХ СССР тематический каталог «Великая Октябрьская социалистическая революция. Борьба за установление и упрочение Советской власти. 25 октября 1917 г.— июль 1918 г.» представляет по существу отдел А систематического каталога (см. СЕК советского периода) и его неотъемлемую часть.

Разновидностями тематического каталога являются каталог по истории учреждений и каталог по истории административно-территориального деления.

В систему каталогов входят также предметные каталоги, прежде всего, именной и географический как разновидности предметного. Целесообразность географического каталога определяется возможностью поиска информации в специально заданном аспекте с достаточной гарантией его надежности. Географический и именной каталоги могут быть заменены соответствующими указателями. Подготовка указателя требует меньших затрат, чем создание каталога, так как объем информации на карточке указателя меньше, чем на карточке каталога. Однако, если иметь в виду эффективность поиска (его полноту, быстроту), то объем информации в системе каталогов различного целевого назначения и смыслового содержания больше, чем в систематическом каталоге с указателями к нему. Кроме того, составление указателей влечет за собой концентрацию всей информации в систематическом каталоге и значительное увеличение его объема.

При определении состава системы каталогов конкретного государственного архива учитываются состав и содержание хранящихся документов, характер и задачи поиска, интенсивность использования документов, вид носителя, материально-технические возможности, объем массивов имеющихся каталогов. Именно поэтому в центральных государственных архивах СССР, союзных и автономных республик, государственных архивах краев, областей, автономных областей и округов в систему каталогов могут входить все виды каталогов. При этом обязательную ее основу составляют систематический и именной каталоги. Необходимость создания тематического каталога должна быть четко аргументирована.

В филиалах центральных государственных архивов союзных и автономных республик, филиалах краевых и областных государственных архивов целесообразно создавать тематические, именные каталоги, каталоги по истории учреждений и по истории административно-территориального деления. В данных архивах нет необходимости вести систематический каталог. Исключение могут составлять филиалы краевых и областных архивов, которые хранят большое количество интенсивно используемых фондов досоветского периода, имеющих значительную историческую значимость, или фондов советского периода учреждений областного под-

чинения.

Так, например, возможно создание систематического каталога на документы досоветского периода в филиалах Государственного архива Ярославской области в гг. Ростове, Андропове, Угличе, хранящих материалы XVI—XVIII вв.; в ряде филиалов областных архивов Белорусской ССР — филиалах Государственного архива Брестской области в гг. Барановичи и Пинске, в филиале Государственного архива Витебской области в г. Полоцке, хранящих фонды ликвидированных в 1954 г. учреждений областного подчинения.

В районных и городских архивах с постоянным составом для поиска информации, на наш взгляд, достаточно иметь описи.

Необходимым условием эффективной работы системы каталогов является установление связи между ними. Взаимосвязь осуществляется с помощью отсылочных карточек и дублирования. Дублирование может применяться только для взаимосвязи систематического каталога с именным в том случае, если принятая форма карточки именного каталога повторяет форму карточки систематического каталога с графическим выделением фамилии, имени, лица. Во всех других случаях целевое распределение информации между каталогами исключает применение дублирования.

В государственных архивах каталогизация проводится в основном двумя путями: во-первых, в процессе самостоятельного вида работы (целевая каталогизация), во-вторых, в процессе других видов работ, связанных с выявлением и описанием документов (попутная каталогизация). Однако опыт работы архивов показал, что каталогизация в процессе других видов работ проводится упрощенно, сводится только к поединичному описанию дел на каталожных карточках, не выявляет полностью сведения о документах фонда. Поэтому создание каталогов целесообразно осуществлять путем целевой каталогизации.

В системе каталогов архива должны быть, в конечном итоге, сосредоточены сведения о содержании его фондов, представляющих научный и практический интерес и открытых для использования. Это не означает, что в каталоги войдут сведения о каждом единичном документе или о деле из каждого фонда. В систему каталогов войдут сведения о содержании фондов архива с разной степенью свертывания информации о них — от каталожной карточки, составленной на предмет, отраженный в части документа, до отсылочной карточки к описи, фонду в целом.

Задача выбора фондов состоит в определении очередности их каталогизации и решении вопроса, с какой степенью свертывания информации должны войти в каталог сведения о данном фонде. Основное внимание при этом обращается на категорию архивного фонда. Как правило, для систематического каталога каталогизация начинается с фондов первой категории. При этом первоочередной разработке из них будут подлежать те фонды, документная информация которых сможет в первую очередь обеспечить информационную базу общегосударственных, республиканских и региональных программ развития народного хозяйства, комплексных программ развития приоритетных направлений исторических исследований. Однако при определении очередности каталогизации тех или иных фондов следует учитывать такие поправочные коэффициенты, как комплексность разработки фондов, интенсивность и перспективы использования документов, состав и качество системы научно-справочного аппарата архива в целом и ее элементов, направленность работы архива, степень сохранности документов конкретного фонда. Это приводит к тому, что каталогизируются фонды второй и третьей категорий.

Метод комплексной разработки фондов организаций, связанных между собой временем происхождения и масштабом деятельности в рамках одной

административно-территориальной единицы, часто применяется в практике работы государственных архивов РСФСР, УССР и БССР. Он дает возможность группировки сведений на каталожной карточке, и, следовательно, способствует экономии времени и повышает эффективность каталога в целом. Поскольку каталог на длительное время располагает информацией лишь в определенных хронологических рамках, метод комплексной разработки оправдан в том случае, если он применяется по отношению к документам фондов отраслевых систем, которые наиболее интенсивно используются. В тех случаях, когда необходимо, исходя из интересов использования, углубленно разработать определенные подразделения систематического каталога, каталогизации подвергаются фонды всех категорий, содержащие соответствующую информацию. Так же поступают и при разработке тематического каталога.

В фонде, намеченном к каталогизации, не все структурные части будут каталогизироваться в обязательном порядке, и из числа отобранных не все подвергнутся каталогизации одновременно. Необходимо проведение внутрифондового категорирования. Оно дает возможность выделить группы дел различных категорий внутри фонда (в фонде первой категории могут быть дела не только первой категории, но второй и третьей, а в фонде третьей категории отдельные дела могут относиться ко второй и даже первой категории).

Отбор дел, документов и сведений из них при каталогизации проводится на основе общих требований к архивным справочникам. Однако он имеет и свои особенности. Особое значение при каталогизации приобретает информационная оценка документов. Качество отбора сведений в конечном итоге определяет полноту разделов каталога, степень освещенности тех или иных исторических фактов и событий. Описание отобранных для каталогизации сведений проводится на основе дифференцированного подхода. Он заключается в выборе и применении комплекса рациональных приемов описания для каждой характерной группы документов фонда.

Выбор приемов описания зависит от категории фонда, принципов формирования дел фонда, характера использования его документов и принципа организации сведений в каталоге (его разделе), для которого данная информация предназначена. В первую очередь проводится подокументное описание дел, содержание которых в описи не раскрыто, фондов первой и второй категорий. При этом его целесообразно сочетать с таким групповым описанием, при котором на одной карточке описывается содержание группы документов одного дела по одному вопросу.

При пополнении каталога имеет право на существование и поединичное описание. Оно возможно в том случае, если дело сформировано по одному вопросу, формулировка которого совпадает с классификационным делением схемы каталога. Обязательным условием при этом является его сочетание с таким групповым описанием, при котором на одну карточку выносится содержание нескольких дел по одному вопросу.

Целесообразность поединичного описания должен определять сам государственный архив, подходя к этому вопросу творчески, учитывая принципы формирования дел в фондах, пути пополнения каталогов в предыдущий период, возможности составления отсылочных карточек к описям или их частям. Так, например, в ЦГАОР СССР целевой каталогизации за период 1966—1980 гг. отводилось от 92,6 до 71,7 % в общем объеме работ по составлению каталогов. Процент каталожных карточек, составленных поединично, достиг лишь 10 % от общего объема карточек, включенных в систематический каталог. Поэтому архив может в дальнейшем при преимущественном подокументном описании пополнять каталог и путем поединичного описания, конечно, с широким применением группового. В то же

время в ЦГАНХ СССР до 1981 г. целевая каталогизация проводилась в ограниченных объемах. Основной объем работ в 1966—1975 гг. был проведен при переработке описей, а в 1976—1980 гг.— при тематическом выявлении. Процент карточек, созданных путем попутной каталогизации, составил в 1966—1970 гг.— 96,3 %, а в 1976—1980 гг.— 86,4 %. При этом основным приемом было поединичное описание — от 70 до 76 %. Естественно, что в настоящее время архив делает акцент на подокументное описание. Правильно, на наш взгляд, подошел ЦГА РСФСР к путям каталогизации и приемам описания. Каталоги создавались преимущественно путем целевой каталогизации. За период 1966—1980 гг. целевая каталогизация занимала 86,6 % от общего объема работ по каталогизации, при этом проводилось как подокументное описание (более 70 % карточек, включенных в систематический каталог, разработано подокументно), так и поединичное. При поединичном описании глубина разработки на одно дело составила 0,3—0,4 карточки, что говорит о широком применении архивом группового описания[2].

Основой для описания каталогов является предмет (вопрос, тема). В систематическом и тематическом каталогах при обозначении предмета необходимо включать понятие о действии, совершаемом лицом или характеризующем состояние, развитие объекта. Это делает информацию более конкретной. Для именного каталога помимо предмета указываются также имеющиеся в документе сведения о профессии, звании или другие данные, характеризующие общественное положение данного лица. При отсутствии таких сведений на карточку выносится фамилия, имя, отчество.

Создание любых видов каталогов — процесс длительный, а для комплектующихся архивов — постоянный, так как по мере поступления фондов документная информация, содержащаяся в них, постепенно включается в тот или иной каталог. Для обеспечения функционирования каталогов необходимо проведение комплекса работ (ведение каталога), в который входят научно-методическое обеспечение работы, индексирование (для каталогов логической структуры), систематизация карточек по индексам, рубрикам, расстановка их в каталоге, составление отсылочного аппарата к каталогу, разделителей, оформление каталожных ящиков, усовершенствование каталогов, ведение учетных форм работ по каталогизации и использованию каталогов. Говоря о научно-методическом обеспечении работы, следует подчеркнуть, что каталогизация проводится в соответствии с существующими нормативно-методическими документами, разработанными Главархивом СССР и ВНИИДАД[3]. Поэтому государственные архивы должны составлять методические пособия только в тех случаях, когда они не находят нужного ответа в вышеназванных разработках или вынуждены в чем-то принципиально отойти от предложенной в них методики работы.

После завершения описания подготовленный в соответствии с правилами описания карточный массив индексируется составителем. Однако в некоторых государственных архивах индексирование проводится не сразу после описания. В таких случаях рекомендуется при индексировании осуществить проверку правильности составления каталожных карточек; объединение однородных по содержанию каталожных карточек; в необходимых случаях — уточнение соответствия шифров карточек и дел.

Несмотря на накопленный опыт работы с каталогом, индексирование остается наиболее сложным и ответственным видом работы по его ведению. Рост объема каталога и усложнение его структуры требуют уточнения или изменения ранее принятых решений о распределении всей суммы понятий между разделами СЕК.

Для решения сложных и спорных вопросов индексирования, а также вопросов, не нашедших отражения в СЕК, архивам необходимо обра-

щаться в Главархив СССР и ВНИИДАД с предложениями о введении новых индексов или просьбой дать рекомендации по применению существующих индексов. Кроме того, следует вести «картотеку решений», где на карточках свободной формы должны фиксироваться принятые решения по индексированию тех или иных сведений. Карточки должны располагаться в картотеке по алфавиту предметов. В процессе индексирования или его уточнения при усовершенствовании каталога необходимо повысить роль коллективного обсуждения сложных вопросов, так как именно при индексировании больше всего проявляется субъективизм исполнителей.

Индексирование карточек тематического каталога может осуществляться по схеме, разработанной архивом для данного каталога. При этом нужно соблюдать все принципы и требования, применяемые при индексировании карточек систематического каталога, так как в принципах построения классификационных схем этих каталогов нет существенных отличий. В некоторых случаях индексирование не делается, а осуществляется работа по определению места каждой карточки в каталоге одновременно с систематизацией карточек и их расстановкой. Такая же работа проводится в каталоге по истории учреждений.

В процессе описания и индексирования карточки разделяются в зависимости от того, в какой каталог они будут включены. Карточки, подлежащие включению в систематический каталог, должны располагаться по фондам и номерам дел, что дает возможность пользоваться ими до включения в каталог.

Особое внимание при ведении каталога должно быть уделено его усовершенствованию. Под усовершенствованием каталогов понимаются уточнение структуры каталога, схем классификации его подразделений в соответствии с содержанием документной информации и потребностями в ее использовании, проверка содержания и оформления каталога, устранение обнаруженных в ходе проверки недостатков. Усовершенствование каталога может быть текущим и целевым плановым. Текущее усовершенствование осуществляется в ходе обычной работы с каталогом в процессе расстановки новых карточек. Иногда при включении карточек в каталог возникает необходимость в объединении карточек, составлении новых рубрик, детализации уже имеющихся рубрик и т. д. Однако нужно иметь в виду, что даже самое тщательное текущее усовершенствование не в состоянии ликвидировать все недостатки ведения каталога. Отдельные дефекты ведения каталога выявляются только при специальной углубленной работе — целевом плановом усовершенствовании. Особенно это касается больших по объему фондов, тематическая разработка которых длится годами. Лишь в процессе целевой плановой работы по усовершенствованию возможны улучшение структуры каталога, повышение информационного уровня всех его классификационных делений, тщательная проверка содержания и оформления каталога, перераспределение всего карточного массива, определение окончательного местоположения той или иной карточки в каталоге.

Весь комплекс работ по созданию каталогов подлежит учету. Кроме этого, ведется учет использования каталогов. На данном этапе развития системы каталогов целесообразно также проводить анализ интенсивности использования каталогов.

Существующая система учета использования каталогов позволяет определить характер запросов, выявить круг пользователей, наиболее часто обращающихся к каталогам, выяснить, какой из каталогов использовался при наведении справок наиболее результативно, вычислить соотношение положительных и отрицательных ответов. Однако такая статистика достаточно поверхностна и в настоящее время уже не может удовлетворять архивистов.

Для того, чтобы правильно определить дальнейшую работу по каталогизации, необходимо фиксировать не только вид используемого для наведения справки каталога, но и его раздел (для систематического каталога) или отраслевую систему учреждений (для каталога по истории учреждений). Анализ позволит выявить интенсивность использования отдельных разделов и отраслевых систем, покажет недостаточно разработанные разделы каталогов, укажет на необходимость первоочередного усовершенствования наиболее интенсивно используемых разделов и систем.

Для повышения отдачи каталогов важно проводить глубокое изучение отрицательных ответов, особенно их причин. Причины отрицательного ответа каталога на запрос могут быть как объективные, так и субъективные. В частности, к разряду объективных причин можно отнести следующие: документы не сохранились; документы еще не поступили на государственное хранение; не проводилось подокументное описание; не все документы, подлежащие каталогизации, подверглись разработке; имеются не включенные в каталог карточки. Однако встречаются и субъективные причины отрицательных ответов каталогов, а именно: неправильно сформулирован запрос или запрос непрофильный; имеются недостатки и ошибки в описании, индексации, систематизации и расстановке каталожных карточек; методы описания и отбора информации не соответствуют целям ее использования, т. е. информация недостаточно детализирована. При продуманной, целенаправленной работе по созданию, ведению и усовершенствованию каталогов субъективных причин отрицательных ответов, зависящих от работников государственного архива, не должно быть.

С целью повышения эффективности использования документов ГАФ СССР может предприниматься целенаправленное издание всех видов каталогов. Систематический каталог может издаваться не в полном объеме, а отдельными подразделами. Их выбор зависит прежде всего от задач использования, полноты включенных в них сведений. Наиболее рациональным является подготовка межархивных, межфондовых и фондовых каталогов документов, являющихся особо ценными историческими источниками, документов личного происхождения деятелей литературы, искусства и др., межархивных и межфондовых каталогов документов, относящихся к наиболее значимым и важным периодам, проблемам и темам отечественной истории. При подготовке каталогов к изданию должны соблюдаться требования, предъявляемые к справочно-информационным изданиям — научности и актуальности. Принцип отбора информации, включаемой в справочно-информационные издания, при подготовке каталогов выступает в наибольшем объеме. Кроме того, каталоги должны быть совместимы с теми справочниками, на базе которых они создаются.

Издаваемые каталоги не избавляют архивы от необходимости иметь карточные каталоги как для работы исследователей непосредственно в архивах, так и для работы самих сотрудников. Эти каталоги значительно полнее издаваемых, так как они имеют возможность постоянно пополняться новыми сведениями, связаны с другими каталогами и архивными справочниками через отсылочные карточки. Проблема издания каталогов в настоящее время связывается с внедрением в государственные архивы автоматизированных средств обработки информации.

Современный период развития НСА характеризуется значительными темпами каталогизации. За последние десять лет объем информационных массивов каталогов вырос на 45,9 %, количество фондов, прошедших тематическую разработку,— на 54,8 %, а единиц хранения, подвергшихся тематической разработке,— на 49,2 %[4]. Однако тематическую разработку прошли только 9,1 % архивных фондов и 14,5 % единиц хранения[5].

В целом состояние каталогов и степень их доступности исследова-

телям не в полной мере соответствуют задачам государственной архивной службы СССР в области использования документов. Практика работы архивных учреждений не выработала единого подхода к построению системы каталогов, не определена целесообразность создания тематических каталогов. Погоня за количественными показателями в ущерб качеству привела к чрезмерно широкому распространению поединичного описания, результатом которого явился неоправданный рост объемов каталогов за счет снижения возможности группового описания документов, взаимосвязи каталогов между собой и с другими архивными справочниками, прежде всего описями. Незначительное место в работе по каталогизации занимает работа по усовершенствованию каталогов, имеется большое количество карточек, не включенных в каталоги. Не всегда архивы в состоянии были правильно выбрать генеральное направление каталогизации, оценить состав и содержание фондов, намечаемых к каталогизации, определить рациональную последовательность их разработки. Не налажены учет и анализ использования каталогов. Основные недостатки в работе по каталогизации объясняются тем, что архивы плохо знают и применяют на практике существующие нормативно-методические документы, не развивают их творчески.

Задачей архивной службы является совершенствование структуры и повышение информационных свойств системы каталогов, усиление их взаимосвязи, расширение доступа исследователей к ним. В читальном зале каждого государственного архива следует иметь схему справочников архива, в том числе каталогов. Исследователи должны иметь свободный доступ к каталогам.

Итак, определение рационального состава каталогов архива, выбор целесообразных путей и приемов описания, четкое ведение каталогов, в котором особое внимание должно быть уделено усовершенствованию каталогов, учету и анализу их использования — вот необходимые меры, позволяющие каталогам занять то место в системе научно-справочного аппарата, которого они достойны в соответствии с заложенными в них объективными возможностями.

Совершенствование архивных каталогов является важным элементом подготовки архивных учреждений к автоматизации информационных процессов, внедрению в практику архивной работы микропроцессорной техники. Применение автоматизированных средств обработки информации на уровне документа может идти по разным направлениям. Прежде всего это создание межархивных информационных систем по определенной тематике, имеющей важное историческое и общественно-политическое значение или пользующейся постоянным спросом исследователей для решения важных народнохозяйственных проблем. Примером таких систем являются созданные автоматизированные информационные системы «Победа Великой Октябрьской социалистической революции и борьба за установление и укрепление Советской власти (25 октября 1917 — июль 1918 гг.)» и «История памятников архитектуры и градостроительства Москвы, Ленинграда и их пригородов». В будущем возможно также создание автоматизированных каталогов.

К числу перспективных направлений применения автоматизированных средств обработки информации в государственных архивах относится создание баз данных для каждого архива, в рамках которых станут возможными тематические информационные системы на наиболее используемые фонды или части фондов первой и второй категорий.

Для определения таких перспективных направлений государственные архивы должны прежде всего учитывать потребности своего архива в использовании хранящихся в нем документов, установить комплексы дел и документов, информацию о которых целесообразно вводить в ЭВМ. Успех

выявления, отбора и описания документов для ввода в автоматизированные информационные системы целиком будет зависеть от состояния и качества традиционной системы НСА, в том числе и каталогов.

---

[1] Вместо принятого в архивной терминологии «предметно-тематический», так как термин «тематический» более правильно отражает содержание каталога.

[2] Статистический анализ проведен авторами на основе планов и отчетов вышеперечисленных архивов, их обзоров по каталогизации.

[3] Дифференцированный подход к описанию документальных материалов. (Методические рекомендации). Вып. 2. Основы дифференцированного подхода при каталогизации. М., 1972; Схема единой классификации документной информации в систематических каталогах государственных архивов СССР (советский период). М., 1978; Основные положения развития системы научно-справочного аппарата к документам государственных архивов СССР. М., 1981; Схема единой документной информации в систематических каталогах государственных архивов СССР (XVIII — нач. XX вв.). М., 1983; Основные правила работы государственных архивов СССР. М., 1984; Методы описания документной информации. (Методические рекомендации). М., 1986.

[4] Статистические данные получены сектором учета и НСА ВНИИДАД в результате анализа показателей паспортов государственных архивов на 01.01.76 и 01.01.86.

[5] То же на 01.01.86.

О документационном обеспечении сферы социального развития предприятий

Т. А. Быкова

Перевод предприятий на новые условия хозяйствования значительно расширил сферу их деятельности, права и возможности в решении трудовых и социальных вопросов. При этом особую актуальность приобретает повышение эффективности сферы социального развития коллективов предприятий, являющегося в настоящее время важнейшим структурным элементом системы управления, необходимым условием и компонентом комплексного развития трудовых коллективов[1]. Совершенствование документационного обеспечения сферы социального управления — одно из направлений решения этой задачи. Несмотря на важность проблемы, вопросы документирования данной сферы управления практически не нашли отражения в литературе. Между тем исследование комплекса документов, их информационного содержания имеет большое значение для рациональной организации документирования социального сектора управления.

Управление социальным развитием коллективов предприятий — упорядоченная целенаправленная деятельность, в основе которой предполагается наличие ряда функций. Специфику социального управления определяют специальные функции, каждая из которых направлена на решение конкретных социальных задач. Их состав и решение определяются на каждом предприятии, так как каждое из них отличается только ему присущим уровнем социального развития и те или иные социальные проблемы имеют неодинаковую значимость для разных коллективов. Это дает возможность формировать круг показателей социального развития конкретного коллектива, характеризующих социальные процессы и явления в комплексе, т. е. представляющих собой совокупность многоцелевых данных.

Сложность и своеобразие социального развития предприятий заключается в том, что деятельность всех структурных подразделений и служб пронизана социальной направленностью и в той или иной степени нацелена на

решение именно социальных задач. Даже при наличии специальных служб социального развития имеется определенная традиционно сложившаяся децентрализация социальных функций. Отсюда — распыленность социальной информации. Документация социального профиля образуется в настоящее время в деятельности целого ряда подразделений и служб предприятий (отделов кадров, труда и заработной платы, служб главного экономиста, главного механика и т. д.). Концентрация специальных функций социального управления, связанная с созданием и развитием социологических служб предприятий, привела в последнее время к усложнению взаимосвязей между различными компонентами системы социального управления, что нашло отражение в разработке ряда интегрированных документов, издающихся специально для реализации социальных задач.

Характерной особенностью документации по управлению социальным сектором развития трудовых коллективов является ее многоаспектный характер. Социальные показатели в зависимости от их целевого назначения входят в состав различных функциональных систем: плановой, организационно-распорядительной, отчетно-статистической и др. Однако все документы связаны информационным единством и создаются и используются с целью комплексного решения проблем именно социального развития: совершенствования социальной структуры коллективов, улучшения условий труда и быта работников, удовлетворения их материальных и духовных потребностей, повышения трудовой и общественной активности и т. д. Поэтому комплекс документации по управлению социальной сферой развития коллектива должен рассматриваться в информационной взаимосвязи всех составляющих его групп, отражающих и соответствующие управленческие функции.

Регулирующее воздействие на функционирование социальной сферы предприятий и документирование процессов управления трудовыми коллективами оказывают нормативные акты, нормативно-методическая и нормативно-справочная документация, издаваемая органами управления (министерствами, комитетами).

На основе этих документов предприятия разрабатывают материалы, отражающие конкретные направления управленческой деятельности и обеспечивающие организационно-правовое регулирование, планирование, учет, анализ и контроль в социальной сфере.

Типовое положение о службе социального развития предприятия, организации, министерства, предусматривающее разработку на его основе положений о конкретных службах предприятий, было утверждено лишь в 1986 г.[2]. До этого времени на многих предприятиях порядок функционирования служб социального развития не получил закрепления в соответствующих нормативных актах. Положения о службах, действовавшие на ряде предприятий, в большинстве не обеспечили должного уровня организации их работы, в том числе по причине недостаточности документационного фактора.

Важное место в данной группе занимают нормативно-методические документы, определяющие и закрепляющие порядок и способы решения задач в социальной сфере.

К этой группе относится организационно-распорядительная документация (ОРД), закрепляющая локальные управленческие решения по различным проблемам социального развития: приказы, протоколы и т. д. Обеспечивая организацию системы и процессов социального управления на предприятии, ОРД оказывает влияние на документирование управленческих функций. Так, например, процессы социального планирования и социальной паспортизации на предприятии начинаются с издания распорядительных документов (приказов, распоряжений), закрепляющих порядок разработки планов и паспортов; приказами оформляется внедрение рекомендаций, принимаемых по результатам социологических исследований; результаты

обсуждения социальных мероприятий и их выполнения фиксируются в протоколах и т. п.

Главным элементом сферы социального развития на предприятии является планирование. Плановая документация в социальном секторе позволяет научно определить цели развития и средства их достижения на определенный промежуток времени. При этом особенность материалов по социальному планированию заключается в том, что, несмотря на использование при подготовке межотраслевых и отраслевых нормативно-методических документов, они прежде всего носят инициативный характер, так как их создание диктуется необходимостью изменения сложившейся на предприятии социальной ситуации и определения задач, решаемых по ее оптимизации.

На предприятиях плановая документация в области социального управления должна быть представлена документами, различающимися по уровням и объектам управления (отраслевые, внутризаводские); по периодичности (пятилетние, годовые); по масштабам (планирование по всему комплексу социальных задач и по отдельным их группам). Основным среди них является пятилетний план развития коллектива. К документам данной группы относится также коллективный договор, играющий важную роль в планировании социальных перемен в коллективе.

Требования к структуре, содержанию и формам планов социального развития устанавливаются как межотраслевыми типовыми нормативно-методическими разработками, так и выпускаемой на их основе отраслевой и заводской документацией. Однако до сих пор имеется существенный разнобой как в структуре планируемых показателей, так и в форме представления содержания планов различных предприятий даже в пределах отрасли. Несмотря на естественное своеобразие в содержании планов, зависящее от уровня социального развития и возможностей предприятия решать те или иные социальные проблемы, унификация структуры и частично плановых показателей возможна и необходима. Это требование вытекает из «общности многих функций коллективов предприятий одной отрасли, из непрерывной связи отрасли со всей социалистической экономикой»[3]. План социального развития производственного коллектива является одним из звеньев системы отраслевого и регионального социально-экономического планирования, что предполагает обязательную сопоставимость социальных показателей и на разных уровнях управления. Поэтому в настоящее время со всей остротой ставится проблема упорядочения содержания и форм социальных плановых документов в соответствии с требованиями регламентирующей документации. Формирование целей управления социальным развитием и путей их достижения зависит от точного выявления социальных проблем и потребностей коллектива. Поэтому важное место в социальном управлении на предприятиях отводится формированию его информационной базы, т. е. документированному учету состояния различных социальных параметров как коллектива, так и производства.

Июньский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС подчеркнул значение оперативной и достоверной статистической информации как важного инструмента гласности, социально-экономического анализа, повышения компетентности в решении экономических и социальных вопросов[4]. В группу документов, содержащих статистические показатели социального развития, входят социальные паспорта предприятий, статистическая отчетная документация, отчетные и справочные документы предприятий. Кроме того, ее подгруппами считаются первичные учетные материалы и документы социологических исследований (анкеты, таблицы обработанных анкетных данных и т. д.). Основным в этой группе является социальный паспорт — документ, содержащий «отобранную, упорядоченную совокуп-

ность статистических показателей, характеризующих развитие предприятия как социотехнической системы»[5]. Социальные паспорта являются в настоящее время главным компонентом системы социальной информации. Основная сложность социального анализа связана с разбросанностью показателей по документам, создающимся в различных структурных подразделениях управлений и общественных организаций. Социальная паспортизация по своей сути явилась приведением разрозненных потоков информации в систему для ее дальнейшего использования в управлении социальным развитием коллективов предприятий.

Постановлением ГКНТ СССР, Госплана СССР, ЦСУ СССР, Госстандарта и Госстроя СССР от 4 октября 1979 г. было утверждено Положение о паспорте производственного объединения (предприятия)[6], которое закрепило требования к порядку его разработки, структуру и формы документа, таблицы, включающие совокупность показателей деятельности предприятия. В структуру паспорта вошел раздел, объединивший показатели по труду и социальному развитию. Через два года, исходя из накопленного опыта паспортизации, Положение было переработано и утверждено совместным постановлением тех же органов[7]. Паспорт предприятия отнесен к системе плановой документации. Разрабатываемые в настоящее время социальные паспорта предприятий, представляющие собой по существу дополнение и развертывание социального раздела паспорта предприятия, в силу этого также могут быть отнесены к плановой документации.

Для информационного наполнения паспортов служат данные первичных учетных материалов по кадрам, заработной плате, использованию рабочего времени и т. д., входящих в унифицированную систему первичной учетной документации; статистических и отраслевых отчетов; ряда других официальных документов предприятий, а также данные результатов социологических исследований. Однако в силу ограниченности объема паспорта предприятий не могут вместить все данные, необходимые для социального управления и, в частности, планирования. Это является причиной сбора сведений учетных и отчетных материалов предприятий, не вошедших в социальные паспорта, к самостоятельному социальному анализу. Наиболее значительную роль играют статистические отчеты, которые, исходя из общего назначения системы отчетно-статистической документации, обеспечивают государственные, хозяйственные и другие органы информацией, характеризующей ход выполнения государственных планов, эффективность общественного производства, рост народного благосостояния, наличие и распределение трудовых ресурсов и т. д.

Статистические отчеты используются не только на самих предприятиях, но служат источником для составления статистических сводок по отраслям и другим иерархическим уровням управления, что позволяет сравнить отчетные данные с плановыми заданиями и проанализировать ход их выполнения. Следует однако отметить, что ни на общегосударственном уровне, ни на уровне отраслей не разработан комплексный отчетный документ, который бы учитывал выполнение социальных заданий и мероприятий. Отдельные сведения о социальном развитии коллективов фиксируются различными функциональными подразделениями предприятий в формах статотчетности, входящих в унифицированную систему отчетно-статистической документации и закрепленных в Общесоюзном классификаторе управленческой документации. Как правило, это отчеты по труду, кадрам и т. д., показатели которых имеют социальную направленность.

Неразработанность документации, учитывающей итоги социального управления и планирования, отражает отсутствие реального контроля за

выполнением планируемых социальных заданий, что в свою очередь свидетельствует об отношении к планам социального развития коллективов предприятий как к документам рекомендательного характера. Кроме того, это приводит к неоправданному и нерегулируемому росту числа отчетных и справочных материалов в области социального управления и в значительной степени увеличивает трудоемкость сбора, учета и анализа информации для управления социальным развитием.

Особенностью информационной базы управления социальным развитием трудового коллектива является наличие, помимо объективных показателей официальных документов, аналитических данных, получаемых с помощью анкетирования и других методов социологических исследований. Анкетирование дает возможность получить адекватную информацию о социальных процессах, отражающую единство объективного и субъективного факторов социальной ситуации в коллективе. Анкеты и другие оперативные материалы являются универсальным инструментом социологических исследований (вопросники, таблицы суммированных данных, справки о результатах исследований и т. д.), составляют особую группу документов социального управления, поскольку целью проведения социологических исследований является анализ как отдельных социальных проблем для выработки обоснованных управленческих решений, так и их комплекса для разработки социальных паспортов предприятий и планов социального развития трудовых коллективов.

В настоящее время это тесно связано с комплексным совершенствованием материалов, входящих в группы документации по социальному управлению. Проблема достаточно сложна и требует серьезного изучения. Однако даже краткий анализ документирования процесса управления социальным развитием коллективов предприятий позволяет выделить ряд направлений ее решения: организационно-правовое обеспечение функционирования системы социального управления; достижение соответствия документов задачам системы; приведение к единообразию форм и содержания документации, создаваемой на разных предприятиях с целью решения однотипных задач (например, документов по планированию социального развития); повышение информативности документов, что позволит сократить число документов, используемых, например, в социальном анализе, и уменьшить или исключить вторичный анализ данных. Не менее важной задачей является увязка показателей, входящих в различные документы, в частности, в социальные паспорта, статистические отчеты и планы социального развития. Так, например, практика социального управления на предприятиях электротехнической промышленности показала, что почти 50 % показателей планов социального развития не имеют сопоставимых данных в социальных паспортах, и это в значительной степени увеличивает число дополнительных документов, которые привлекаются в качестве источников информации для социального планирования.

Совершенствование документации является важным условием повышения эффективности социального управления не только в условиях традиционных приемов обработки информации, но и открывает перспективу перехода к системам информации, основанным на технологии банка данных. Использование такой системы значительно повышает возможности управления социальным развитием, так как позволяет устранить недостатки, связанные с ручными методами сбора и обработки данных: низкую информативность многих документов, избыточность ненужной информации и недостаток полезной для управления и т. д. Система социальной информации включает несколько комплексов разнохарактерных данных, с наибольшей полнотой характеризующих социальную подсистему

предприятия: социальные параметры коллектива, производства и непроизводственной сферы. Появляется возможность максимальной централизации всех социальных характеристик, их сопоставления и эффективного анализа. Функционирование банка социальных данных предполагает единый подход к систематизации и формам представления информационных показателей, что требует упорядочения содержания и форм документов по управлению социальным развитием в соответствии с государственными стандартами на унифицированные системы документации[8].

[1] Социальное управление и эффективность производства (Опыт социологического исследования проблемы). М., 1983. С. 5.

[2] Социалистический труд. 1986. № 8. С. 119—122.

[3] Социально-экономические проблемы труда: организация, планирование, управление. М., 1977. С. 162.

[4] Материалы Пленума ЦК КПСС, 25—26 июня 1987 года. М., 1987. С. 103.

[5] Использование информации социального паспорта предприятия в социальном управлении. М., 1983. С. 3.

[6] Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств. М., 1980. № 2. С. 11.

[7] Совершенствование хозяйственного механизма. М., 1982. С. 59—92.

[8] ГОСТ 6.10.5—87. Унифицированные системы документации. Требования к построению формуляра-образца. М., 1987. С. 15.

К вопросу о передаче микрокопий отчетов о НИР в ЦГАНТД СССР

И. В. Карапетянц, кандидат исторических наук

Отчеты о НИР, содержащие полную, последовательно изложенную информацию о выполненных научных исследованиях и научно-технических разработках на всех этапах, являются одним из ценнейших источников, которому при комплектовании государственных архивов научно-технической документацией уделяется особое внимание[1]. О важном значении отчетов о НИР для науки и практики как документов свидетельствует факт создания на базе Всесоюзного научно-технического информационного центра (ВНТИЦентр) ГКНТ СССР специализированного фонда, организующего хранение и использование их микрокопий.

Целью настоящей статьи является освещение вопросов, связанных с необходимостью перехода на качественно новый уровень отношений между ВНТИЦентром ГКНТ СССР, осуществляющим временное хранение микрокопий отчетов о НИР, и ЦГАНТД СССР, получающим эти микрокопии для постоянного хранения; привлечения при проведении экспертизы отчетов о НИР на бумажных носителях, начиная с 1968 г. (когда посредством микрофильмирования отчетов было начато создание общегосударственного фонда непубликуемых источников по науке и технике), сведений, имеющихся во ВНТИЦентре и существенно дополняющих основные критерии отбора научной документации на государственное хранение.

Во ВНТИЦентр, концентрирующий микрокопии непубликуемых научно-технических документов, регулярно поступают отчеты, в том числе и промежуточные, о всех зарегистрированных НИР с целью последующего их использования. Но представление промежуточных отчетов по каждому этапу НИР не регламентировано, в то время как заключительного — обязательно, что закреплено в ГОСТ 7.32—81[2]. В случае, если по каждому этапу НИР во ВНТИЦентр ежегодно или с другой периодичностью поступали бы отчеты, то практически по завершении определен-

ной темы там формировался бы комплекс документов (отчетов о НИР и отчетов о патентных исследованиях, их составляющих, как первичных документах, информационных и регистрационных карт как вторичных информационных документов) о всей выполненной работе, начиная с момента ее регистрации и кончая внедрением результатов, что являлось бы целесообразным при обслуживании потребителей научными документами, составленными по конкретной теме исследования.

Поступающие от различных учреждений, организаций и предприятий отчеты о НИР хранятся в фонде ВНТИЦентра в виде микрофотокопий[3] Микрофотокопирование НТД позволяет существенно повысить скорость обработки и дублирования документов, сократить площади, занимаемые НТД, использовать в целях создания страхового фонда особо ценных материалов.

Оперативный фонд микрофотокопий отчетов о НИР, поступающих во ВНТИЦентр, хранится в его СИФе 5 лет. По истечении этого срока документы передаются в архивный фонд ВНТИЦентра. Срок хранения первичных документов (микрофильмы самих отчетов о НИР) архивного фонда — 10 лет со дня поступления во ВНТИЦентр. После 10-летнего срока хранения в фонде микрофотокопий отчетов о НИР (а также пояснительных записок к ОКР) ВНТИЦентр обязан передавать их негативы на госхранение в ЦГАНТД СССР согласно «Порядку передачи негативов отчетов о НИР и пояснительных записок к ОКР из ВНТИЦентра в ЦГАНТД СССР», утвержденному ГКНТ СССР 5 июля 1979 г. В качестве научно-справочного аппарата в архив поступают информационные карты. Негативы один раз в квартал передаются на госхранение отснятыми на рулонную пленку (35 мм и 16 мм) в специальных металлических коробках — яуфах. На каждый рулон составляется опись негативов каждого вида документов отдельно. В описи учитываются каждая единица хранения и каждая единица учета. За единицу хранения принимается рулон микропленки, помещенный в яуф (негатив), за единицу учета — каждая работа (отчет), включенная в этот рулон. В описи указывается инвентарный номер единицы хранения, присвоенный ей по журналу регистрации во ВНТИЦентре. При передаче на госхранение микрофотокопий, которые будут затем являться страховым фондом, составляется акт приема-передачи, в котором указываются название организации-сдатчика, дата и основание передачи на госхранение, наименование микрофильмов, номера описей, количество экземпляров описей и информационных карт. Акт передачи составляется на каждую партию документов и представляется в ЦГАНТД СССР в двух экземплярах, один из которых после завершения приема микрофильмов на госхранение возвращается во ВНТИЦентр.

Механизм организации хранения отчетов о НИР во ВНТИЦентре и порядок передачи их микрофотокопий на госхранение приводится довольно подробно для того, чтобы показать взаимосвязь ВНТИЦентра как общегосударственного фонда микрокопий непубликуемой НТД и ЦГАНТД СССР, осуществляющего государственное хранение научно-технической документации.

Согласно специальному договору ВНТИЦентр имеет исключительное право на использование микрофотокопий страхового фонда. Проблема состоит, однако, в том, что ВНТИЦентр хранит и организует использование отчетов, составленных в течение последних 10 лет. Если же специалисту понадобится получить информацию о более ранних отчетах, то это сделать достаточно сложно. Здесь как один из выходов мог бы быть предложен поиск отчетов о НИР на бумажных носителях, смикрофильмированных в свое время во ВНТИЦентре и возвращенных в соответствующие учреждения, организации и на предприятия, которые по истечении срока хранения в ведомственных архивах передаются на госхранение

в ЦГАНТД СССР. Но сроки передачи отчетов на бумажных носителях в ЦГАНТД СССР и этих же отчетов в виде микрофотокопий из ВНТИЦентра в ЦГАНТД СССР не совпадают.

В настоящее время в ЦГАНТД СССР из ВНТИЦентра поступают отчеты о НИР конца 1960-х — начала 1970-х годов и даже более поздние, а из архивов учреждений, организаций и предприятий — отчеты, составленные в конце 1950-х — начале 1960-х годов. Практически выпадает из сферы использования потребителей информации значительная часть отчетов о НИР, разработанных в течение 10 лет. Правда, можно обратиться в ведомственные архивы, но эта процедура достаточно сложна, тем более, что отчет является научным, авторским трудом, которым организация-разработчик НИР разрешает пользоваться потребителям информации лишь в немногих случаях.

В связи с вышеизложенным, на наш взгляд, целесообразно было бы рассмотреть вопрос о продлении сроков хранения микрофотокопий НТД во ВНТИЦентре. Обоснованием этого предложения может служить следующее. ВНТИЦентр является единственным централизованным хранилищем непубликуемой НТД в г. Москве, который обслуживает информацией о НИР и разработках учреждения, организации и предприятия всей страны. Продление сроков могло бы обеспечить более широкое, глубокое и многоаспектное использование этих документов для решения практических задач. Кроме того, система информационного обслуживания, организованная во ВНТИЦентре, базируется на высокоразвитой вычислительной технике и современных технических средствах, которых в силу объективных причин не имеется в ЦГАНТД СССР. При проведении же в настоящее время исследований фундаментального характера глубина поиска источников информации по какой-либо научной проблеме (особенно по узкоспециальной) требует изучения и анализа документов, сроки разработки которых выходят за рамки 10-летнего периода. К тому же, фонд ВНТИЦентра не знает ведомственных барьеров, что облегчает активное обращение к нему потребителей самых разных профессиональных интересов.

В связи с этим повышается оперативность использования ретроспективной информации, которую содержит непубликуемая научно-техническая документация, в том числе отчеты о НИР.

Конечно, продление сроков хранения микрофотокопий отчетов о НИР во ВНТИЦентре и использование в общесоюзном масштабе не только оперативной, но и ретроспективной информации, содержащейся в них, предъявляет некоторые дополнительные требования к организации и ведению общегосударственного фонда непубликуемой НТД. Во-первых, до поступления во ВНТИЦентр отчеты, на наш взгляд, должны пройти в ведомстве предварительную проверку на научную и практическую ценность. Это, с одной стороны, позволит сократить входной поток документов, с другой — реально обеспечить необходимые условия для создания в ЦГАНТД СССР (после передачи микрофотокопий документов из ВНТИЦентра) страхового фонда действительно особо ценных документов. Во-вторых, уже на этапе государственной регистрации во ВНТИЦентре каждая новая работа должна пройти экспертизу на новизну и эффективность (хотя бы ориентировочную). Это стало бы определенным фильтром при поступлении отчетов в общегосударственный фонд микрофотокопий НТД и концентрации в нем наиболее значимых документов.

Постановка вопроса о продлении срока хранения документов (даже в виде микрофотокопий) во ВНТИЦентре в целях повышения эффективности их использования является своевременной, так как процент использования исследователями НТД в государственных научно-технических архивах остается еще очень незначительным.

При непринятии данного предложения (по объективным или субъективным причинам), выходом из создавшегося положения могло бы служить разрешение ГКНТ СССР организовывать ЦГАНТД СССР использование микрофотокопий отчетов о НИР до поступления на государственное хранение НТД на бумажных носителях.

Что же касается вопросов проведения экспертизы ценности отчетов при передаче их микрофотокопий в ЦГАНТД СССР, решение их, на наш взгляд, может осуществляться следующим образом.

В настоящее время ВНТИЦентр не проводит экспертизу ценности НТД, хотя как орган, который осуществляет временное хранение документов, обязан ею заниматься. Отчасти это объясняется тем, что ВНТИЦентр является общегосударственным информационным фондом, в который поступают отчеты, являющиеся результатом научных работ, выполняемых другими учреждениями, организациями и предприятиями, и вроде бы не имеет права проводить экспертизу их документации и тем более, выделять ее к уничтожению. К тому же, организации-разработчики НИР по истечении срока хранения отчетов в ведомственных архивах будут в полном объеме проводить работу по экспертизе этих отчетов при передаче на госхранение. Но тем не менее, обладая фондом отчетов на микроносителях, организуя их обработку, анализ (при составлении аналитических обзоров по определенным темам) и широкое использование, ВНТИЦентр может и должен давать рекомендации, которые могли бы иметь значение при проведении экспертизы отчетов на бумажных носителях. Эти рекомендации должны учитывать: сведения об интенсивности и характере использования документов; об основании проведения той или иной НИР (например, если работа проводилась в соответствии с научно-технической программой ГКНТ СССР, Госстроя СССР, это говорит о ее значимости (целевые комплексные программы включают в себя самые актуальные темы научно-исследовательских работ); о характере НИР (фундаментальная, прикладная); экономической эффективности внедрения НИР (этапа, его части)[4], получении по завершении НИР (ее этапа) авторского свидетельства или патента; информации о передаче документации по НИР для внедрения за рубежом и др.

Сведения об интенсивности и характере использования микрофотокопий отчетов, определяющие в какой-то мере информационную, научную и практическую значимость документов, координацию, связь, структуру исследовательской деятельности организаций по решению определенной проблемы в пределах одной или нескольких отраслей народного хозяйства (областей знания), могли бы явиться важным дополнением при применении такого критерия, как значение научно-технической идеи, проблемы в развитии исследований по данной или смежной проблематике[5].

Данные о характере НИР, имеющиеся в информационных картах, могут учитываться при использовании такого критерия экспертизы ценности НТД, как фундаментальность работы[6], так как точная, соответствующая государственному реестру НИР и ОКР информация об отнесении работ к фундаментальным или прикладным позволяет применять этот критерий без предварительного тщательного изучения содержания самих отчетов и целого ряда плановой, организационно-технической и другой документации, связанной с их разработкой.

Информация ВНТИЦентра об экономической эффективности внедрения результатов не только НИР в целом, но и определенных ее этапов, показывает прямую, неразрывную связь науки с производством и дает в конечном итоге представление о практической ценности этапных, промежуточных отчетов при отборе на госхранение.

Сведения о получении по завершении НИР (ее этапа) авторского

свидетельства или патента как факт государственного признания полезности результатов работы также подтверждают народнохозяйственное значение не только всей НИР, но и отдельных ее этапов и, соответственно, конкретных отчетов.

Информация о передаче отчета о НИР за границу, полученная из ВНТИЦентра, может быть полезной при применении такого критерия экспертизы ценности НТД, как «сочетание новизны и оригинальности решения с максимальным использованием имеющихся достижений науки и техники»[7].

---

[1] Карапетянц И. В. Отчеты о НИР как вид научно-исследовательских документов // Советские архивы. 1983. № 4. С. 24.

[2] ГОСТ 7.32 — 81. Отчет о научно-исследовательской работе. Общие требования и правила оформления. М., 1982. С. 1.

[3] Первые машинописные экземпляры отчетов (подлинники) после микрофотокопирования возвращаются организациям-разработчикам НИР.

[4] ВНТИЦентр получает эти сведения после завершения НИР.

[5] Основы отбора на государственное хранение научно-технической документации (Методические рекомендации. М., 1976. С. 28).

[6] Там же.

[7] Там же.

Организация ведомственного контроля за делопроизводством в отрасли

Н. А. Васильев

Одним из эффективных способов поддержания системы делопроизводства на современном уровне является контроль за его состоянием: организацией и функционированием. Главная цель этого контроля — обеспечение правильной постановки делопроизводства, сохранности и упорядочения документов в отрасли.

Контроль за состоянием делопроизводства в системе министерств и ведомств осуществляется самими министерствами и ведомствами, а также Главархивом СССР. Этот контроль организационно и технически можно представить в виде трех ступеней. На первом уровне осуществляется контроль в центральном аппарате министерств. На этом уровне он проводится подразделениями делопроизводственной службы центрального аппарата. На втором — контроль за состоянием делопроизводства на подчиненных предприятиях реализуется вышестоящими организациями. На третьем уровне контроль делопроизводства осуществляется непосредственно в подразделениях предприятий. При этом контроль реализуется силами делопроизводственных подразделений и служб самих предприятий.

Рассмотрим второй уровень — контроль за состоянием делопроизводства на подчиненных предприятиях, производимый вышестоящими организациями, который является собственно ведомственным.

Ведомственный контроль приобретает все большее значение в совершенствовании процессов создания и обработки документов, обеспечения их эффективной организации, сохранности и использования в научных и практических целях, так как именно на предприятиях отрасли создается первичная, наиболее ценная документация, содержащая результаты исследований и раз-

работок в области науки, техники, новой технологии в производстве и являющаяся основным источником комплектования Государственного архивного фонда СССР. Ведомственный контроль занимает важное место в управленческой деятельности, так как оказывает непосредственную помощь предприятиям в совершенствовании делопроизводства и тем самым в оптимизации управления отраслью.

Так, практически во всех министерствах контроль за состоянием делопроизводства в отрасли возложен на управления делами, а между тем контроль на подчиненных предприятиях проводится главными производственными управлениями или промышленными объединениями, не имеющими высококвалифицированных специалистов в области делопроизводства. Подразделения же управлений делами министерств в лучшем случае осуществляют лишь методическое руководство по организации контроля.

Как правило, в качестве основной формы контроля применяются инспекционные проверки, которые проводятся по следующим направлениям: делопроизводственное обслуживание, организация работы и ведение делопроизводства по предложениям, заявлениям и жалобам граждан; контроль исполнения. Проводятся также проверки оперативного хранения документов. Однако в министерствах проверки не всегда являются комплексными и только в отдельных случаях проводятся по всем процессам. В большинстве они носят эпизодический характер или проводятся как разовые, по мере возникновения необходимости или указанию руководства. Лишь в некоторых министерствах они реализуются в соответствии с графиками или общими планами управления делами.

В качестве методических материалов используются различные документы: схемы проверки, вопросники, методики, памятки. Эти материалы различаются не только по наименованиям, но и по функциям и включают весьма различные по составу и содержанию вопросы, по которым необходимо анализировать и оценивать фактическое состояние делопроизводства. Вопросы группируются по различным формам, в виде таблиц, перечней или общих требований, предусматривающих получение информации разностороннего характера, полнота и достоверность которой зависит от многих факторов, как объективных, так и субъективных. Данные материалы позволяют получать информацию только о традиционных, неавтоматизированных методах ведения делопроизводства.

Результаты контроля чаще оформляются актами или даются в виде справок, содержащих перечни выявленных недостатков и рекомендации по их устранению. Содержание как актов, так и справок зачастую не раскрывает общей картины, которая наряду с недостатками отражала бы и положительное в организации и ведении делопроизводства.

Ведомственный контроль за состоянием делопроизводства, как правило, является сложным, слабо формализованным, трудоемким и недостаточно эффективным. Необходимость повышения эффективности ведомственного контроля за делопроизводством требует совершенствования форм и методов его проведения. Рассмотрим один из методов организации и проведения ведомственного контроля, на наш взгляд, позволяющего наиболее эффективно воздействовать на процессы делопроизводства и таким образом управлять этими процессами. В организационном плане этот метод основан на централизации функций контроля в специализированных структурных подразделениях центрального аппарата министерства и обеспечении комплексности, единовременности и единообразия форм контроля, периодичности его проведения и привлечения к участию в контроле самих контролируемых предприятий.

В качестве эффективной и важной формы контроля за состоянием делопроизводства в отрасли признается регулярная инспекционная проверка,

которую целесообразно проводить комиссией (рабочей группой) министерства. В комиссии должны быть специалисты управления делами, которые могли бы не только квалифицированно провести проверку и оценить фактическое состояние, выявить недостатки и определить пути их устранения, но и оказать необходимую методическую и практическую помощь, обобщить опыт в организации и ведении делопроизводства. Для непосредственного участия к проверке следует привлекать подразделения контролируемых предприятий, ответственные за направления делопроизводства, которые обеспечили бы подготовку необходимых исходных данных и предварительный анализ состояния выполнения каждого вопроса. Проверки следует проводить комплексно, безусловно, на плановой основе и, как указывается в Законе о государственном предприятии, с определенной периодичностью, но не чаще одного раза в год[1]. Планы проверок, так же как и методические материалы, определяющие порядок контроля, должны доводиться до контролируемых предприятий, что позволит им заблаговременно подготовить необходимые для проверки исходные данные, провести их предварительный анализ и оценку и выполнить или, по крайней мере, принять меры по приведению делопроизводства в соответствие с требованиями, не дожидаясь замечаний и рекомендаций проверяющих.

В методическом плане рассматриваемый порядок базируется на комплексности проверки и использовании формализованных методов сбора, анализа и оценки данных о состоянии делопроизводства, рациональных методов и форм отображения требуемого и фактического состояния делопроизводства и определения состава работ по его совершенствованию в соответствии с выбранными критериями[2].

Состав исходных данных о делопроизводстве формируется в виде набора показателей (работ, процессов, состояний, явлений, действий) и их содержательных параметров, отражающих качественные и количественные характеристики. Показатели составляются по результатам изучения действующих руководящих и методических материалов, литературы и источников по проблеме с учетом имеющегося передового опыта, содержания процессов делопроизводства и перспективных направлений его развития. Они включают основные и дополнительные вопросы, которые предусматривают получение сведений о фактическом состоянии выполнения показателя, а дополнительные — сведений об отклонениях или данных, подтверждающих выполнение показателя.

В качестве основных показателей экспериментально определено (сформулировано): по делопроизводственному обслуживанию — 45; по организации работ и ведению делопроизводства по предложениям, заявлениям и жалобам граждан — 22; по контролю исполнения документов — 21. Примеры оформления показателей по некоторым из указанных направлений приводятся в табл. 1, 2.

Показатели группируются по разделам, отражающим функции и задачи управления, реализуемые в делопроизводстве. Индексы носят условный характер, учитывают возможность варьирования.

Такая группировка обеспечивает гибкость всей системы показателей, возможность вводить новые, исключать или изменять имеющиеся. Она позволяет также проводить тематическую проверку, анализ и оценку по одной или нескольким группам вопросов.

В качестве наиболее оптимального отображения и представления исходных данных используется метод анкетирования[3]. В соответствии с данным методом показатели по каждому направлению делопроизводства формируются в таблице, выполненной в виде анкеты (см. табл. 2).

Указанный метод обеспечивает достаточную глубину обследования, полноту и достоверность исходных данных и результатов анализа, которые

Таблица 1

Состав разделов, по которым группируются показатели

Номер	Наименование раздела
01	Организационная структура службы делопроизводства и ее обеспечение кадрами
02	Организационно-правовое и методическое обеспечение
03	Планирование работ по совершенствованию и ведению делопроизводства
04	Регистрация, рассмотрение и прохождение документов
05	Подготовка (унификация и типизация) и оформление ОРД
06	Анализ и сокращение документооборота
07	Организация, хранение и использование документов
08	Экспертиза ценности
09	Методическое руководство и контроль за состоянием делопроизводства в структурных подразделениях
10	Подготовка (повышение квалификации) делопроизводственного персонала
11	Организация рабочих мест и условия труда, применение оргтехники
12	Автоматизация процессов делопроизводства

Таблица 2

Состояние контроля исполнения документов

Показатель			Дополнительные сведения, иллюстрирующие отклонения и подтверждающие выполнение показателя
Номер	Содержание (вопрос)	Состояние выполнения (ответ)	
01.1	Создана контрольно-инспекторская группа (КИГ)		
01.2	Назначены ответственные за контроль исполнения в структурных подразделениях		
01.3	КИГ полностью укомплектована кадрами		
02.1	Разработано положение о КИГ		
02.2	Разработаны должностные инструкции сотрудниками КИГ		
02.3	Разработана должностная инструкция (функциональные обязанности) ответственному за контроль исполнения в структурном подразделении		
02.4	Имеется положение (инструкция, стандарт) предприятия по контролю исполнения документов		

проставляются в виде ответов на основные и дополнительные вопросы. При этом ответы на основные вопросы отражают фактическое состояние выполнения показателей, определяемое методом сравнительного анализа или эталона[4]. Это позволяет устанавливать степень соответствия содержания заданных показателей и состояния их выполнения. Ответы могут носить условный характер и иметь следующие значения: «да» — если состояние выполнения показателя (параметра показателя) полностью соответствует заданному содержанию; «не полностью» — если показатель выполняется только частично, не в полном объеме; «разрабатывается» — если показатель находится в стадии разработки или внедрения в соответствии с утвержденным планом или распорядительным документом; «запланировано» — если показатель предписан к разработке утвержденным планом или распорядительным документом; «нет» — если показатель не выполняется.

Ответы на дополнительные вопросы формируются в полном соответствии с их содержанием. Ответы предпочтительнее формировать предварительно. В этом случае контролирующие группы могут проводить только выборочную проверку и больше времени и внимания уделять анализу и разработке рекомендаций по устранению недостатков и дальнейшему совершенствованию делопроизводства.

По результатам анализа может также проводиться оценка его состояния. Она основана на количественных методах определения результатов работы и устанавливается значением рассчетного коэффициента по каждому показателю, звену и по всему процессу делопроизводства на предприятии. Оценка может также проводиться по любой группе предприятий и по отрасли в целом.

Дальнейший анализ направлен на выборку и группировку данных в зависимости от состояния их фактического выполнения. По его результатам выбираются показатели, выполненные не полностью, а также невыполненные. На основании этих данных формируется перечень недостатков по каждому звену делопроизводства. При его формировании за основу принимается содержание соответствующего вопроса, с добавлением отрицания «не» и подходящего по смыслу вводного (связующего) слова (фразы). Например, не внедрена карточная система регистрации документов; не все документы рассматриваются в день их поступления (вход. № ________) и т. п.

При разработке рекомендаций по устранению недостатков готовятся предложения о включении этих работ в план по совершенствованию делопроизводства и проведении мероприятий организационного характера по устранению недостатков, вызываемых низкой исполнительской дисциплиной. При формулировании предложений учитывается также содержание заданных показателей.

Выявленные недостатки и рекомендации отражаются в акте проверки, к которому прилагаются общие сведения о состоянии каждого отдельного звена делопроизводства. Акт оформляется на трафаретном бланке, содержащем пронумерованные разделы и пункты, в которых фиксируются недостатки по каждому участку делопроизводства, включая отмеченные повторно, а также рекомендации по их устранению, в том числе о введении в план по совершенствованию делопроизводства и о проведении соответствующих оргмероприятий. В нем также приводятся требования о необходимости в установленные сроки докладывать в управление делами о выполнении рекомендаций.

Отличительной и весьма важной особенностью предлагаемого метода является также то, что по всему спектру вопросов обследование и анализ проводятся только один раз при первичной проверке. При повторных и последующих проверках анализ проводится только по тем показателям, которые при предыдущей проверке определены как выполненные не пол-

ностью, разрабатываемые, запланированные к разработке, невыполненные. Эти показатели и данные о состоянии их выполнения оформляются в виде изменений и дополнений к акту.

Рассмотренные методы организации и проведения ведомственного контроля нашли применение при организации отраслевого смотра-конкурса сохранности документов и постановки делопроизводства, проведенного в соответствии с указаниями Главархива СССР в системе Минобщемаша, однако они с успехом могут применяться в любом аппарате управления, что придает им характер типовых или примерных.

---

[1] Закон Союза Советских Социалистических Республик «О государственном предприятии (объединении)». Ведомости Верховного Совета СССР. 1987. № 26.Ст. 385.

[2] Васильев Н. А. Вопросы анализа и оценки работ по делопроизводственному обслуживанию на предприятиях и в организациях. Научно-технический сборник. Управление, планирование, экономика. Серия VII ЦНТИ «Поиск». М., 1983.

[3] Кузнецова Т. В., Подольская И. А. Методы обследования, анализа и проектирования делопроизводства. М., 1982. С. 19—21.

[4] Кольцов Н. А. Оценка уровня НОТ на предприятии. М., 1983. С. 10.

О происхождении русских мемуаров

А. Е. Чекунова, кандидат исторических наук

Время появления русских мемуаров[1] связывается с разными периодами (с XI до начала XVIII в.) отечественной истории[2]. В последнее десятилетие работы А. А. Курносова[3] и особенно А. Г. Тартаковского [4] подтвердили мнение тех исследователей, которые относили их возникновение к концу XVII — началу XVIII в.

При изучении источника любого вида важно определить не только время и условия его становления, но и выявить те особенности формы и содержания, которые отличают один вид источника от другого или сближают их. Это начальный и необходимый момент в исследовании проблемы возникновения и эволюции исторических источников.

Возникновение нового вида (разновидности) источника, как правило, связано с изменениями в жизни страны.

Как писал В. И. Ленин, «примерно с 17 века» начинается «новый период русской истории»[5], когда зарождаются капиталистические отношения. При этом менялась не только экономическая, но и социальная, духовная жизнь «поднимающейся нации»[6]. В XVII в. «происходили, хотя и неравномерно, существенные изменения по всему фронту идеологических надстроек», средневековое мышление постепенно сменялось мировоззрением, «в основе которого лежало утверждение человека, свободы и достоинства человеческой личности»[7].

В XVII в. (особенно во второй половине) создаются и приобретают широкую популярность литературно-публицистические произведения, в которых обнаруживаются первые признаки нового подхода к изображению человеческой личности, ее роли в обществе и ее духовной жизни[8].

Правда, в повестях и сказаниях, посвященных Смутному времени, личные взгляды и цели их авторов еще мало заметны, и «приемы древнерусской агиографии сказались... на всех подобных произведениях»[9]. Но особо среди них выделяются сочинения келаря Троицкого монастыря А. Палицына и дьяка И. Тимофеева. От более ранних исторических повестей и некоторых сказаний современников их отличает прежде всего попытка «найти причины развернувшейся в начале XVII в. ожесточенной борьбы»[10]. А. Палицын стремился показать читателям «како грех ради наших попусти господь бог праведное свое наказание на Русскую землю»[11]. И. Тимофеев так же размышляет о том, «за какие грехи... наказана земля наша»[12].

Подобные мысли авторов, вызванные внутренней потребностью «продумать, уяснить для себя и других события, потрясшие родную землю» в начале XVII в., были несвойственны для древнерусской литературы[13]. Одним из основных источников для написания названных и других произведений послужили устные воспоминания участников и свидетелей событий Смутного времени[14].

По автобиографиям, появившимся в XVII в., еще больше можно проследить самостоятельность в оценках авторами себя и происходящих событий. Самыми яркими автобиографическими сочинениями второй половины XVII в. являются жития пустозерских узников, старообрядцев Аввакума и Епифания, отразивших те моменты своей жизни, «которые казались им самим наиболее важными и поучительными», и оставили «за своими пределами все то, о чем они предпочитали умолчать»[15]. По мнению А. Н. Робинсона, «Епифаний делает первый шаг от житийной традиции к условно-схематической автобиографии, а Аввакум создает первую в русской литературе уже реальную в своей основе развернутую биографию»[16]. Аввакум и Епифаний «сами пишут свои жития, сами утверждают свое право на внимание к своей жизни». До них жития составлялись только после смерти «святого»[17]. Но это еще не «первые русские мемуары»[18], так как по способу подачи обоими авторами своей личности и душевных переживаний, по приемам построения они тяготели к традиционным житиям и преследовали «агитационные задачи»[19]. В своих житиях Аввакум и Епифаний создают образы мучеников за веру, борцов за «дело божье» и наделяют их апостольскими чертами[20].

Таким образом, на исходе XVII в. появляются произведения, написанные на основе личных воспоминаний или воспоминаний современников с зачатками рационалистического мышления[21]. Их авторы имеют самостоятельную точку зрения на себя и происходящие события, но при этом никогда не упускают «из виду религиозно-нравственной дидактической цели»[22].

Бурная эпоха петровских реформ (в рамках абсолютистского государства) оказала влияние на общественное мышление человека, заставила его более внимательно всматриваться в происходящие события, людей, на свою роль и значение в жизни страны. Постепенно ослабевало «безраздельное господство церкви во всех областях человеческой деятельности»[23], по сравнению с предшествующим периодом люди больше начинают заниматься анализом окружающей действительности. В XVII в. (особенно со второй половины) возрастают международные связи страны со всеми важнейшими государствами Запада, «Россия окончательно становится участником общеевропейских дел»[24]. Активному развитию духовных возможностей человека способствовали переведенные на русский язык сочинения западноевропейских мыслителей, книги по истории, архитектуре, науке и др. Петр I посылал учиться за границу многих представителей дворянских семей. У русских людей появилась «возможность сравнивать свое с чужим, развивалось... критическое отношение к русской действительности»[25].

Вторая половина XVII в. в России отличалась от предшествовавшего и последующего периодов необыкновенной активностью новой, светской культуры, новым пониманием личности. Не было такой области духовной жизни человека, где бы это не проявлялось[26]. Философия конца XVII — начала XVIII в. постепенно отделяется от теологии. В философских построениях все большее место начинает занимать учение о человеке, его земных делах[27]. В центре внимания русской живописи со второй половины XVII в. стало портретное изображение реального человека, «человеческая личность уже заявила о своем праве быть увековеченной в живописи наравне с небожителями»[28]. В портретах художники стремились к углубленной характеристике облика своих современников, их психологии[29].

Рационалистическое объяснение реальных причин исторических событий можно найти и в историографии эпохи петровских преобразований. В сочинениях историков «исторический процесс, рассматриваемый ранее как проявление божественных предначертаний, теперь начинает трактоваться как цепь событий, вызванных человеческими деяниями»[30]. Значительное место историки стали отводить человеку, выяснению его роли в жизни страны.

Постепенная демократизация происходит и в литературе: расширяются круг читателей и тематика печатных и рукописных книг светского содержания, появляется больше конкретных черт в обрисовке действующих лиц. Создаются светские повести, «лишенные церковно-религиозных рассуждений»[31], в них новый тип человека противопоставляется уходящей старине, сильно чувствуется отклик на современность[32].

В условиях, когда человеческая личность постепенно освобождается «от оков традиций и догм, осознает себя, свою ценность, вырабатывает новые социально-психологические настроения, эмоции, связанные с тягой к свободе, освобождению от безусловного господства религиозных догм»[33], возникает потребность к большему самовыявлению, создаются произведения «личностного звучания», где основным стержнем повествования становится человек, его мысли и чувства, его отношение к окружающей действительности. Авторы начинают видеть идеал человека в реальной жизни. В предшествующий период, как уже отмечалось, создавались сочинения с элементами воспоминаний, но все они «никогда не разрастались в самостоятельные мемуарно-автобиографические произведения»[34], и поступки человека в них были, как правило, заранее предопределены «божественной волей».

В. О. Ключевский очень верно подметил, что «возбуждающее действие на историческое мышление» оказывают общественные потрясения. «Они заставляют людей, их переживших, невольно оглядываться на пережитые бедствия и спрашивать себя: отчего и как они произошли, почему не были предусмотрены и предотвращены и что нужно сделать, чтобы предупредить их повторение?»[35]. Такими событиями в XVII в. были прежде всего восстания, начиная с московского 1648 г. и кончая стрелецкими выступлениями конца XVII в., которые особенно потрясли современников своим размахом, а главное — кровавым итогом.

В начале 80-х годов XVII в. вскоре после стрелецкого восстания 1682 г. появились записки-воспоминания о московских восстаниях 1648 и 1662 гг. боярина Г. Н. Собакина (ум. в 1689 г.), одного из представителей московской знати. Однако вряд ли он сам составлял их тексты; по всей вероятности, он поручил это дьяку или приказному писцу, а сам, таким образом, выступил в роли заказчика. Но рассказ о восстаниях исходил, несомненно, от него самого[36].

Воспоминания о взятии в 1670 г. Астрахани С. Т. Разиным были написаны сыном боярским П. Золотаревым, служившим в то время у астраханского митрополита Иосифа. «Сказание летописно о Астрахани» он соста-

вил по приказу астраханского воеводы И. М. Салтыкова в 1679 г., т. е. почти 10 лет спустя после описанных им событий[37]. Автор определяет причины появления своего сочинения так: «...чтоб впредь тех новых страдальцев мучение их незабвенно было во вся роды»[38].

Видный деятель просвещения, «чернец великого ума и остроты ученой» С. Медведев (1641—1691) был одним из первых, написавших воспоминания о стрелецком восстании 1682 г., назвав их «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве». Исследователи относят время написания мемуарных записок С. Медведева ко второй половине 1684 г.[39]. О причине написания своего сочинения автор объясняет в предисловии: «... подобает нам содеявшия в наша времена кия либо дела не предавати забвению»[40]. С. Медведев смотрит на себя как на человека, который может и должен «писанием оставити вежество, ибо мнози о тех делех глаголют и соперство между себе творят... абаче инии истинствовати не могут»[41]. А. А. Прозоровский полагает, что С. Медведев написал «Созерцание» не только по собственному желанию, но и по совету или даже по настоятельной просьбе своего друга Ф. Л. Шакловитого[42].

Автором других воспоминаний о стрелецком восстании 1682 г. был современник С. Медведева известный дипломат и государственный деятель граф А. А. Матвеев (1666—1728). Ему было 16 лет, когда на его глазах восставшими стрельцами был убит его отец — боярин Артамон Матвеев. Потрясение от увиденного и пережитого было таким сильным, что А. А. Матвеев и через много лет сохранил в памяти все подробности бурных событий весны 1682 г. Из предисловия видно, что он хорошо понимал историческую необходимость и ценность своих мемуарных записок: «...сей автор не за любочестие свое и не праздную себе хвалу, но для общей всех памяти о том потщился сей малый труд принять, дабы всегда в Российском государстве благоразумные и любопытные читатели, вразумляющиеся полезно, к будущему известию своему, для познания родящихся сыновей своих от род в род оставляли незабвенно»[43]. Воспоминания написаны в 20-е годы XVIII в.

Кроме воспоминаний, связанных, как правило, со значительными внутриполитическими событиями страны, в конце XVII — начале XVIII в. появляются мемуары — автобиографии и биографии. Они отличаются от житийной литературы прежде всего реальностью описываемых фактов. Их авторов объединяет желание разобраться в своей или чужой жизни. Так, известный государственный и военный деятель и дипломат А. Л. Ордин-Нащокин (ок. 1605—1680) приступил к составлению автобиографии («Ведомство желательным людям») в 70-е годы XVIII в., писал он в Крыпецком монастыре под Псковом, куда был пострижен после служебных и личных неудач[44]. Создавая автобиографию, он «преследовал вполне определенную цель... привлечь внимание к личности «облихованного» дипломата» и оправдать свои действия[45].

Автор мемуарных записок о возвращении из ссылки и трагической гибели весной 1682 г. боярина А. С. Матвеева не называет себя, но сообщает, что он был «свидетель сей очевидный всем оным бедствам самовидец и присутственный сострадалец»[46]. Судя по языку и приводимым в тексте ссылкам на евангелие, автор, по-видимому, был человеком духовного звания и написал свое «объявление» («изъяснение») в начале XVIII в.[47]. Свою задачу он видел в том, чтобы «нелицемерно», «неложно» и «без ласкательства... разумному свету сообщить... о невинном осуждении» А. С. Матвеева с сыном[48].

В конце XVII столетия в возрасте около 80 лет написал автобиографию стольник и воевода В. А. Даудов (ок. 1620—1701). Он родился в Персии, а в 1653 г. приехал в Россию, где прослужил на разных должностях

почти 40 лет[49]. Причину появления его воспоминаний помогает понять заголовок к ним[50]. Они посвящены только «выезду» и служебной деятельности автора. Видимо В. А. Даудов как глава большой семьи решил оставить в памяти детей и родственников рассказ о своем прошлом — о службе на новой родине.

Яркий представитель петровского времени, рано и близко познакомившийся с Западом, видный дипломат Б. И. Куракин (1676—1727) в отличие от других мемуаристов своего времени, которые говорили о себе в третьем лице или не упоминали совсем, написал биографию от первого лица («Описание самого себя и моего жития»). Он начал работу над ней в 1705 г., когда русские, по его словам, «не были обычайны в таких письмах». В предисловии автор замечает, что «не от себя самого то учинил, но ведав обычай всех, как высших, так и средних, и самых шляхетских персон, которые описывают свой живот. Понеже и я тому последовал»[51]. На примере сочинения Б. И. Куракина видно, что «автобиография становится потребностью образованного, мыслящего человека»[52].

По своей форме большинство мемуарных записок конца XVII — начала XVIII в. схожи с летописями, т. е. события в них распределены в хронологической последовательности с указанием года, месяца (как правило) и числа (не всегда). Видимо, это дало основание некоторым исследователям относить воспоминания к летописям[53].

Хроникальное изложение событий многих мемуарных записок конца XVII — начала XVIII в., отсутствие у них самостоятельной формы еще раз свидетельствует о недавнем их появлении. В связи с этим возникает вопрос о причинах заимствования авторами мемуарных записок внешних видовых особенностей летописей и других источников. Перелом в социально-экономической, политической и культурной жизни страны, новые задачи, которые вставали перед государством, делали существование многих старых видов письменных источников в конце XVII — первой четверти XVIII в. невозможным, так как на этом этапе их социальные функции были уже в основном исчерпаны. Старая форма «уже не могла вместить новое, более богатое содержание исторического познания»[54]. Наряду со статейными списками, писцовыми и переписными книгами, наказами, памятями, отписками и другими источниками постепенно исчезают летописи. Летописание к концу XVII в. «утрачивает свой официальный характер, отличительные особенности своего содержания, стиля языка»[55]. Погодная запись событий сковывала автора, она была тесна и не давала ему возможности показать внутреннюю, причинную связь событий как личной, так и общественной жизни. Летопись не всегда позволяла высказать авторское отношение к реальным событиям. В этих условиях зарождается потребность в иных формах исторического повествования. Поэтому в конце XVII — первой четверти XVIII в. получают распространение краткие летописцы, летописные записи об отдельных событиях, в которых «преобладает сплошной, а не погодный рассказ»[56]. С новым периодом в истории России и, в частности, в истории общественной мысли возникли новые задачи в осмыслении и построении «истории страны и вместе с тем вырастала потребность в новых формах исторического изложения»[57]. Но многовековая традиция составления летописей не могла не повлиять на вновь появляющиеся сочинения. Характерная для летописей форма «в лето» перешла в исторические труды, записки, повести и другие произведения. Так, исторические произведения первой четверти XVIII в., хотя и были «достаточно далеки от образцов летописной поры», по форме напоминали летописи[58]. «История Российская с самых древнейших времен» В. Н. Татищева (автор начал ее писать с 20-х годов XVIII в.) имела анналистическую форму. Даже «История Российская» М. М. Щербатова (Т. 1 — VII, СПб. 1770—1791 гг.) «походила на прокомментированный

летописный свод»[59]. В исторической же повести конца XVII в. чувствуется стремление к более связному изложению событий, но «годовые статьи летописи продолжают оставаться действенными и для нее»[60].

Авторам мемуарных записок кроме летописей были хорошо известны и статейные списки с их хронологическим изложением событий. А. Л. Ордин-Нащокин, И. А. Желябужский, А. А. Матвеев, Б. И. Куракин и другие во второй половине XVII — начале XVIII в. выполняли дипломатические поручения русского правительства. По общему правилу, установленному Посольским приказом, посланники должны были составлять статейные списки, т. е. ежедневные отчеты о деятельности посольства в той или иной стране. «Черновики статейных списков... отлагались не только в Посольском приказе, но и в частных архивах и использовались как свидетельства государственной деятельности представителей того или иного рода»[61]. Календарно-хронологическую последовательность изложения событий имели и другие документы этого периода, связанные с дипломатией и военными делами: дворцовые разряды, походные журналы или поденные записки и др.[62].

Летописно-дневниковый характер записей имеют воспоминания И. А. Желябужского (1638—1709), который выполнял важные поручения русского правительства в Венгрии, Польше, Австрии, Англии и других странах. Начинаются записки с 1682 г., когда «учинилась в Москве всемирная печаль: не стало великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича»[63]. Но больше всего поразило автора в этом году стрелецкое восстание, которое им подробно описано и охарактеризовано как «смятение великое». С 1683 по 1691 г. И. А. Желябужский сообщает наиболее памятные для него события за каждый год (без указания месяца и числа): царские указы, воеводские назначения, стихийные бедствия и т. д. С 1694 г. он ведет дневниковые записи (как правило, со ссылкой на месяц и число) интересующих его событий конца XVII в.[64]. Азовский поход 1696 г. он описывает в настоящем времени: «А за Доном в городке, что в прошлом году сидел князь Яков Федорович Долгорукой, войска нашего нет, для того, что через Дон мосту еще не сделано. И в тот городок присылают из Азова на ночь, сказывают, что будто человек по сту. А мост через Дон делают на стругах, а ширина поперек мосту четыре сажени трех аршинах». Или еще: «...февраля в 14 день нынешнего 1702 году». С 1700 г. дневниковые записи И. А. Желябужский посвящает в основном событиям Северной войны (до 1709 г.). Время составления мемуарных записок не указывается. Анализ их содержания убеждает в том, что автор приступил к написанию воспоминаний в 1692—1693 гг.[65] в возрасте 55—56 лет, когда, по всей видимости, отошел от государственной службы[66].

Воспоминаниям И. А. Желябужского близки по форме мемуарные записки второй половины XVII в. земского дьячка Аверкия с Ваги[67] и неизвестных приказных людей[68]. Они написаны, как правило, очевидцами событий и содержат сведения о введении медных денег в стране, о расправе со С. Разиным, о стрелецком восстании 1682 г., о личной службе и т. д. Записки составлены «в традиционной летописной манере»[69], а по субъективно-личностному изложению событий они напоминают и мемуары и дневники.

Таким образом, создавая новые по содержанию сочинения, многие авторы первых мемуарных записок восприняли хорошо им знакомую форму хроникального изложения событий. Эта форма была, конечно, консервативной, так как не всегда позволяла придать мемуарам не анналистический характер записей.

Итак, русские мемуары появились примерно в последней трети XVII в. Как и на Западе, они отражали дальнейший рост национального самосознания, необходимость создания произведений, в центре повествования ко-

торых был бы реальный человек, где события группируются только вокруг него, его мировоззрения. Их авторами были в большинстве своем представители социальных верхов русского общества.

Большая часть воспоминаний конца XVII — начала XVIII в. тесно связана с наиболее важными политическими событиями того времени. Это объединяет их с летописями, фиксировавшими не обыденные явления, а прежде всего события общественного и государственного значения. Но в отличие от летописца у автора мемуарных записок было собственное видение современной ему действительности. Мемуаристы этого периода отразили в основном опыт личного участия в политических событиях прошлого, которые должны были, по их мнению, служить уроком для будущих поколений. В этом они видели свою основную задачу. Их объединяло осознание своей причастности к истории страны, а также стремление донести до потомков точные сведения о событиях, участниками или свидетелями которых они были.

---

[1] Дневники, являющиеся как и мемуары (воспоминания) источниками личного происхождения, в данной работе не анализируются.

[2] Подробнее см.: Тартаковский А. Г. 1812 г. и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого анализа. М., 1980. С. 9—14.

[3] Курносов А. А. К вопросу о природе видов источников // Источниковедение отечественной истории. 1976. М., 1977.

[4] Тартаковский А. Г. Указ. соч.

[5] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 153—154.

[6] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 10. С. 589.

[7] Клибанов А. И. К характеристике новых явлений в русской общественной мысли второй половины XVII — начала XVIII в. // История СССР. 1963. № 6. С. 87.

[8] Кожинов В. В. Происхождение романа. М., 1963. С. 204; Робинсон А. Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания: Исследование и тексты. М., 1963. С. 135.

[9] Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1913. С. 437.

[10] Державина О. А. Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник» // Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 395.

[11] Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 95.

[12] Временник Ивана Тимофеева. С. 263.

[13] Державина О. А. Указ. соч. С. 355.

[14] Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. II. С. 71.

[15] Робинсон А. Н. Указ. соч. С. 64.

[16] Там же. С. 85.

[17] Моисеева Г. Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980. С. 11.

[18] Костюхина Л. М. Литературные и публицистические памятники (XI — XVII вв.) // Источниковедение истории СССР. М., 1981. С. 150.

[19] Робинсон А. Н. Указ. соч. С. 64.

[20] Там же. С. 77, 79.

[21] Краснобаев Б. И. О некоторых понятиях истории русской культуры второй половины XVII — первой половины XIX в. // История СССР. 1978. № 1. С. 68.

[22] Пигарев К. В. Русская литература и изобразительное искусство (XVIII—I четверть XIX в.). М., 1966. С. 104.

[23] Николаева М. В. К вопросу о формировании стиля русской повествовательной литературы первой половины XVIII века (Повести и мемуарная литература) // Учен. зап. Ленинград. пед. ин-та имени А. И. Герцена. Л., 1963. Т. 245. С. 153.

[24] Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XIII—XVII в. М., 1973. С. 320.

[25] Богословский М. М. Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII века. М., 1906. С. 19.

[26] Пушкарев Л. Н. Общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVII века: Очерки истории. М., 1982. С. 8.

[27] Ничик В. М. Из истории отечественной философии конца XVII — начала XVIII в. Киев, 1978. С. 270—271.

[28] Алпатов М. В. Всеобщая история искусств. М., 1955. Т. III. С. 312.

[29] Коваленская Н. К. История русского искусства XVIII в. М.; Л., 1940. С. 31; Овчинникова Е. С. Портрет в русском искусстве XVII в. М., 1955. С. 316.

[30] Черепнин Л. В. Русская историография до XIX века: Курс лекций. М., 1957. С. 158.

[31] Очерки русской культуры XVII века. Ч. II. С. 37.

[32] Бакланова Н. А. Русский читатель XVII века // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967. С. 192; Она же. Эволюция русской оригинальной бытовой повести на рубеже XVII—XVIII веков // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII — начала XVIII в). М., 1971. С. 170; Берков П. Н. О литературе так называемого переходного периода // Там же.

С. 20—21; Демин А. С. Русская литература второй половины XVII — начала XVIII века. Новые художественные представления о мире, природе, человеке. М., 1977. С. 281.

[33] Буганов В. И. О роли социально-психологического фактора в истории // Труды VIII советско-финляндского симпозиума историков. Петрозаводск, 21—23 октября 1981 г. Л., 1985. С. 57.

[34] Тартаковский А. Г. Указ. соч. С. 10.

[35] Зимин А. А., Киреева Р. А. Из рукописного наследия В. О. Ключевского (новые материалы к курсу по русской историографии) // История и историки: Историографический ежегодник. 1972. М., 1973. С. 316—317.

[36] Буганов В. И. Записки о московских восстаниях 1648—1662 гг. // Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1960. С. 104—105.

[37] Тихомиров Б. Источники по истории разинщины // Проблемы источниковедения. 1933. № 1. С. 59.

[38] Золотарев П. Сказание летописно о Астрахани и о мучении преосвященного Иосифа митрополита и болярина и воевод князя Ивана Семеновича Прозоровского с товарыщи и... // Полное собрание русских летописей. М., 1968. Т. 31. С. 206.

[39] Прозоровский А. А. Сильвестр Медведев // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1896. Кн. 3. С. XXXV; Колосова Е. В. К проблеме традиции древнерусской исторической повести в литературе // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967. С. 210; Буганов В. И. Московские восстания конца XVII в. М. 1969. С. 24.

[40] Прозоровский А. А. Сильвестра Медведева «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве». М., 1894. С. 5.

[41] Там же. С. 16.

[42] Там же. С. XXIII.

[43] Записки Андрея Артомоновича графа Матвеева // Записки русских людей. События времен Петра Великого. СПб., 1841. С. 2.

[44] Копреева Т. Н. «Ведомство желательным людям» (Из автобиографических материалов А. Л. Ордина-Нащокина) // Археографический ежегодник за 1964 год. М., 1965. С. 336.

[45] Там же. С. 335, 343.

[46] Объявление о возвращении из заточения ближняго боярина Артемона Сергиевича Матвеева и о кончине его // История о невинном заточении ближняго боярина Артемона Сергиевича Матвеева. М., 1785. С. 369.

[47] Об этом свидетельствует следующий отзыв мемуариста о стрельцах как уже упраздненном роде войск:«... те воры и бунтовщики, и истинные отступники християнския веры, кровопийцы, московские стрельцы, яко дым со всем семенем своим уже изчезшие, и с памятью их до конца погибшие законнонечестивии» (Там же. С. 427).

[48] Там же. С. 369—370.

[49] Селифонтов Н. Н. Очерк служебной деятельности и домашней жизни стольника и воеводы XVII столетия Василья Александровича Даудова // Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1871. Вып. V.

[50] Выезд из Персии и службы стольника Василья Александровича Даудова, который выехал из города Казмина, а имя ему было Алимарцан, был Бабаев сын Даудов // Русский архив. 1889. Кн. 2. Вып. 5. С. 6.

[51] Куракин Б. И. Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим описанная // Архив кн. Ф. А. Куракина. Кн. I. СПб., 1890. С. 244.

[52] Шмурло Е. Ф. Новый свидетель эпохи преобразований // Журнал Министерства народного просвещения. 1891. Январь. С. 187—222.

[53] Богданов А. П. Начало московского восстания в современных летописных сочинениях // Летописи и хроники. 1984. М., 1984.

[54] Алпатов М. А. Указ. соч. С. 384.

[55] Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 373.

[56] Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969. С. 497.

[57] Там же. С. 499.

[58] Пештич С. Л. Русская историография XVIII века: В 3 ч. Л., 1961. Ч. 1. С. 84.

[59] Там же. Ч. 3. Л., 1971. С. 36.

[60] Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 378.

[61] Рогожин Н. М. Посольские книги XVII в. как исторический источник: Автореф. ...канд. ист. наук. М., 1983. С. 16.

[62] Пештич С. Л. Указ. соч. Ч. 1. С. 86; Глаголева А. П. Повседневные записки кн. А. Д. Меншикова // Проблемы источниковедения. 1956. Т. V; Она же. «Денные записки» Военно-походной канцелярии Б. П. Шереметева как исторический источник // Там же. 1962. Т. X.

[63] Записки Ивана Афанасьевича Желябужского // Записки русских людей... С. 1.

[64] О некоторых событиях И. А. Желябужский сообщает без точного указания месяца и числа, и тогда они вводятся в дневник словами: «В том году», «После того». А иногда, видимо в расчете на будущее уточнение, автор оставляет свободное место для даты.

[65] А. П. Богданов относит начало составления записок к лету — осени 1682 г. или началу 1683 г. (См.: Богданов А. П. Указ. соч. С. 140).

[66] В сборнике (Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886. С. 263), составленном в целом на основании архивных докуметнов Департамента герольдии, приводятся сведения о назначениях И. А. Желябужского с 1661 по 1689 г. В 1689 г. ему был 51 год. По всей вероятности, после этого года Желябужский уже не получал назначений, что и не нашло своего отражения в этом сборнике. До 1694 г. Желябужский, перечисляя запомнившиеся ему события (с 1682 г.), указывает только год. Полную дату (15 мая 1682 г.) он сообщает один раз, повествуя о начале стрелецкого восстания. Можно привести еще одно свидетельство о начале работы автора

над воспоминаниями в 1692—1693 гг. Среди сообщений за 1687 г. Желябужский приводит следующее: «В том же году зачат строить на Москве реке у Всесвятского мосту каменный мост. И того году только сделан один столп каменный. Всего тот мост делан 5 лет» (Записки Ивана Афанасьевича Желябужского... С. 9).

[67] Тихомиров М. Н. Заметки земского дьячка второй половины XVII в. // Исторический архив. 1939. Т. 2. С. 95—100.

[68] Тихомиров М. Н. Записки приказных людей конца XVII в. // Труды отдела древнерусской литературы института русской литературы. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 444—457.

[69] Там же. С. 442; Тихомиров М. Н. Заметки земского дьячка... С. 94.

В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС состоялись чтения, посвященные 170-летию со дня рождения Карла Маркса. В центре внимания стояли вопросы, связанные с собиранием документов и изучением архивных материалов, хранящихся в ЦПА.

Сообщение старшего научного сотрудника ИМЛ к. и. н. Б. М. Рудяка было посвящено итогам поиска и собирания документов в 1968—1988 гг. в связи с подготовкой издания Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языках оригинала. Предварительные подсчеты показали, что в целом издание должно составить не менее 150 томов. Поэтому с самого начала была предпринята интенсивная поисковая работа. С этой целью была изучена переписка ИМЛ за весь период его существования. В результате удалось восстановить контакты с родственниками и потомками К. Маркса и Ф. Энгельса, с потомками их соратников и корреспондентов, связаться с целым рядом архивов, организаций, с учеными, в архивах которых могли оказаться интересующие ЦПА документы.

Особое внимание уделялось связям с Международным институтом социальной истории в Амстердаме, где с 1938 г. хранятся уникальные подлинники рукописного наследия К. Маркса и Ф. Энгельса, ранее входившие в состав архива Социал-демократической партии Германии. В ноябре 1969 г. было заключено соглашение о сотрудничестве с этим институтом. За период с 1972 по 1980 г. институт передал в ЦПА ИМЛ фото- и ксерокопии 1473 документов. Кроме того, выявлены и получены копии 146 писем членов семьи К. Маркса (жены и трех дочерей), которых не было в ЦПА.

Большое внимание было уделено координации поисковой работы между московским и берлинским институтами марксизма-ленинизма. Пополнению ЦПА новыми документами способствовали связи с родственными институтами стран социализма, с учреждениями и институтами, работающими под руководством коммунистических партий в ряде капиталистических стран. Копии интересных документов получены из Дома-музея К. Маркса в Трире и Дома-музея Ф. Энгельса в Вуппертале (ФРГ), из Института Джианджиакомо Фельтринелли в Италии.

Ценные материалы поступили от 6 правнуков К. Маркса из Франции. Так, например, в июне 1978 г. Поль Лонге передал оригинал французского издания I тома «Капитала» с дарственной надписью Маркса своей дочери Женни от 30 апреля 1876 г. В книге — многочисленные дополнения, правки, пометы, подчеркивания, сделанные К. Марксом. Этот документ приобретает особое значение, если учесть, что рукопись «Капитала» не сохранилась.

Интересные документы поступили также и от родственников Ф. Энгельса. Более полутора десятков подлинных документов в разные годы были переданы в дар Советскому правительству американским бизнесменом и общественным деятелем Армандом Хаммером.

Важное значение имели научные связи с рядом видных ученых-марксоведов и историков рабочего движения в Англии, Франции, ФРГ, Швейцарии, Японии, США.

Сотрудники ЦПА ИМЛ постоянно наблюдают за появлением документов К. Маркса и Ф. Энгельса на аукционах и по мере возможности стремятся проследить за их дальнейшей судьбой.

В докладе было показано, как в результате целенаправленной работы, проводимой Центральным партийным архивом ИМЛ при ЦК КПСС, удалось собрать необходимую основу для обеспечения Полного собрания сочинений Маркса и Энгельса. Но работу нельзя считать завершенной, ее необходимо активно продолжать.

Выступление заведующей секцией документов К. Маркса и Ф. Энгельса ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС О. Б. Воробьевой содержало аналитический обзор готовящегося к изданию второго тома «Переписки Карла Маркса, Фридриха Энгельса и членов семьи Маркса (1871—1883)», в котором значительная часть писем членов семьи Маркса будет опубликована впервые.

Старший научный сотрудник ИМЛ Г. В. Иванова посвятила свое сообщение некоторым научным выводам, сделанным в процессе работы над вторым томом «Переписки...». Она рассказала об установлении на основе изучения одного из писем Шарля Лонге, зятя К. Маркса, фамилии переводчика на французский язык Воззвания Генерального совета I Интернационала, известного под названием «Гражданская война во Франции», написанного К. Марксом. Письмо Шарля Лонге Женни Маркс от 19 апреля 1872 г. на сегодняшний день является единственным известным источником, который дает возможность предположительно считать, что им был Проспер Оливье Лиссагаре.

Кандидат исторических наук И. М. Синельникова выступила с сообщением о воспитании детей в семье К. Маркса, главными принципами которого были трудолюбие, стремление к самообразованию, упорство в достижении целей.

Публикации документов

Показания Г. А. Лопатина

Герман Александрович Лопатин (1845—1918) — один из ярких представителей революционного народничества.

Г. А. Лопатин известен как друг К. Маркса, первый переводчик «Капитала» на русский язык, член Генерального Совета I Интернационала.

В начале 1884 г. Г. А. Лопатин возглавил руководство революционной организации «Народная воля». В октябре того же года был арестован.

Революционная деятельность Г. А. Лопатина, особенно народовольческий ее этап, изучены еще недостаточно. Объясняется это не только ограниченностью числа дошедших до нас источников, но и малой их известностью.

Попытка введения в научный оборот материалов, относящихся к «процессу 21-го» (26 мая — 5 июня 1887 г.), была предпринята С. Н. Валком, опубликовавшим в конце 20-х годов часть показаний П. Ф. Якубовича[1]. Хранящиеся в Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА) СССР показания Г. А. Лопатина в ходе следствия по «процессу 21-го» расширяют источниковую базу для изучения народовольческого движения 1883—1884 гг., дополняют представления о масштабах и направлениях деятельности Г. А. Лопатина в рядах «Народной воли», помогают восстановить общую картину ее развития.

Впервые публикуются показания Г. А. Лопатина на следствии от 9, 10 октября, 22 ноября 1884 г., 12 февраля и 19 октября 1885 г., характеризующие некоторые формы и методы деятельности народовольцев, разногласия между ними, тактику Г. А. Лопатина на следствии.

В первом документе опущены малозначительные подробности. Все документы представляют собой автографы и, поскольку хранятся в одном деле (Д. 6203) одной и той же описи (Оп. 1) фонда (Ф. 1351) ЦГВИА СССР, при публикации указаны только номера листов этого дела.

Вступительная статья, комментарии и подготовка публикации **О. А. Сайкина,** кандидата исторических наук.

---

[1] См.: Письма и показания П. Ф. Якубовича // Красный архив. 1929. Т. 5 (36), 6 (37). 1930. Т. 1 (38).

№ 1

9 октября 1884 г.

...С марта нынешнего года, вследствие сделанных мною в Париже знакомств, состоял в очень близких дружеских сношениях со многими выдающимися членами партии «Народной воли» и оказывал им всякие услуги как личного, так и политического свойства[1]. Но от подробных объяснений моей деятельности в этом направлении отказываюсь; за исключением тех случаев, когда мои объяснения могут облегчить положение невинно страдающих лиц.

К организации партии не принадлежал и членом Исполнительного комитета на состоял[2]. Относясь сочувственно ко многим пунктам программы и деятельности этой партии, далеко не разделял безусловно всех ее взглядов[3]. Но так как я призван отвечать за свои поступки, а не за мнения, то посему и не вдаюсь в подробное изложение пунктов согласия и несогласия моего с программою партии.

Взятые у меня два динамитные снаряда с относящимися к ним запалами были вручены мне в Москве в первых числах сего октября с тем, что за ними явится потом ко мне некоторая личность, имеющая получить их по условленному паролю.

Г. Лопатин

Л. 55 об.— 56.

№ 2

10 октября 1884 г.

По поводу взятой у меня в бумажнике черновой прокламации от имени И[сполнительного] к[омитета] (о намерении умертвить прокурора Моск[овской] суд[ебной] палаты

М[уравьева][4], а также клочка бумаги, начинающегося словами: «Ростов. 1) Центр[альная] группа», имею честь объяснить, что они были вручены мне в Москве для доставления в Париж, куда я собирался выехать в самом скором времени.

Переписав своею рукою (мелким почерком и на тонкой бумаге) означенную выше прокламацию, я, конечно, не мог не понять ее значения; но не нашел путным расспрашивать о сроке имеющего быть события, об имени будущего исполнителя и о других подробностях готовящегося покушения[5].

Смысл посылки этой прокламации в Париж мне с точностью неизвестен, то-есть я не знаю наверное: было ли это просто заблаговременным сообщением о предпринимаемом деле, или же просьбою о разрешении как самого дела, так и редакции публичного извещения о нем.

Две приписки в конце прокламации представляют две редакции телеграммы в Париж на случай успеха или не успеха вышеозначенного покушения. Единственное извлеченное мне обстоятельство по этому делу заключается, по сообщенным мне сведениям, в том, что какой-то студент собирался скомпроментировать себя слегка, то-есть в такой мере, чтобы быть призванным к допросу, не будучи подвергнутым предварительному аресту[6].

Клочок бумаги, начинающийся словами: «Ростов. 1) Центр[альная] группа», представляет, по моему мнению, проект людей, намеченных для местной организации, посылаемый для сведения в Париж[7].

Все четыре почтовые листка, взятые у меня в кармане (кроме оговоренных выше), имеют один характер: тут поименовано множество личностей, которые могли бы быть интересны или полезны в каком бы то ни было отношении, личном или общественном. Кроме того, тут же записывал я для памяти и разные поручения, которые давались мне при моих переездах с места на место. Относительно многих из этих устаревших заметок я не в силах даже вспомнить теперь, что они значат или для чего мне полезно бы было познакомиться с теми или другими личностями.

С Феодосьей Михайловной Лобойко[8] познакомился за границею. Все же прочие обстоятельства нашего знакомства предоставляю выяснить ей самой. Проживала она по Преображенской улице, д. № 20, кв. № 6; я у нее бывал; она у меня тоже. Об Анне Павловне Саввиной[9] слышал издавна, как об очень услужливой барышне, имевшей, по своей должности секретаря «Устоев», частные и близкие сношения с литераторами. Лично узнал ее недавно, сколько помню, в Москве, когда она служила в конторе нотариуса Орлова[10]; бывал с нею в театрах; бывала и она у меня; но я не говорил ей своего настоящего имени, не считая ее никоим образом человеком революционного (или какого бы то ни было **определенного***) образа мыслей.

Ни об Подосеновой, ни о Познер, ни о Введенской[11] не имею ни малейшего представления. Первые две были записаны в списки, данных мне для доставки в Париж, с очевидною целью указать на них внимание партии; но заслуживали ли они этого внимания, я — конечно — не знаю, не видав их ни разу в жизни. Введенская была записана у меня потому, что я знал, что я могу встретить у нее одного из ее знакомых, которого считал полезным посмотреть. Все поправки, сделанные в этом протоколе моею рукою, сделаны действительно мною.

Герман Лопатин

Л. 72, 73 об.

№ 3

22 ноября 1884 г.

Предъявленные мне письма, а именно: 1) химированное письмо, начинающееся словами «сообщаю прежде всего», и 2) пять чернильных писем (от 21 мая, 4 авг[уста], 5 авг[уста], 2 сент[ября] и 27 сент[ября]] 1884 г.— писаны ко мне Тихомировым[12], а сохранены мною вследствие того, что некоторые из пунктов этих писем оставлены были мною без ответа до личного свидания, которое я надеялся иметь с ним в октябре нынешнего года. Содержание этих писем относится по большей части к делам партии «Н[ародной] в[оли]», о которых Т[ихомиров] обыкновенно писал мне со всею дружескою откровенностью, вполне рассчитывая на мою готовность оказать ему и партии все доступные для меня услуги. Я не признаю за собою нравственного права объяснять следователям смысл этих дружески-откровенных сообщений и просьб, тем более, что в большинстве случаев — смысл их, по соображению, слишком ясен сам собою, и без моих объяснений. Однако же в интересах лиц я считаю себя обязанным указать на одно обстоятельство, содержащееся в письме от 4 авг[уста]. Ввиду того систематического, ожесточенного преследования, которому подверглась в последнее время скромная, легальная литература внутри России, Тихомиров весьма справедливо полагал, что мы переживаем в эту мин ту исторический момент, очень похожий на блестящий период существования герценовского «Колокола»[13] и что в эту минуту имеется масса шансов на основание и успех талантливого и влиятельного заграничного органа. Он не без основания считал, что около такого органа охотно сомкнутся все честные и живые элементы нашего общества, не желаю-

* Здесь и далее выделено в тексте.

щие видеть своего отечества в унизительном положении Турции, куда его насильственно ведет нынешнее правительство с строго неуклонной последовательностью. Вся задача состояла только в том, чтобы устранить из такого органа строго «партийный» и особенно «фракционный» характер (как говорил Т[ихомиров] в своем письме); ибо только при таком условии могли найти доступ к нему многие талантливые и благородные, но умеренные люди, и только при таком условии этот орган мог бы найти себе многочисленных читателей и серьезную материальную поддержку среди умеренных элементов честной интеллигенции, согласных с партией «Н[ародной] в[оли]» только в одном: в искреннем отвращении и ненависти к нынешнему образу правления и к его наемным представителям и слугам. В этих видах Т[ихомиров] просил меня поискать будущих сотрудников этому органу не среди «радикалов» и «крайних», а среди легальных литераторов умеренного образа мыслей. Зная умеренность и робость этих людей, их крайнюю неохоту сходить с легального пути и связываться с революционерами, он находил, что знакомство и общение с ними не могут быть завязаны через «радикалов» и т. п. лиц; а потому просит заняться этим **меня**, как человека, «у которого не горит слишком ярко на лбу радикальная печать», то есть как человека, который ни в своей внешности, ни в своих речах (ни даже в своем образе мыслей, скажу я в скобках) не представляет человека очень крайнего и красного.

Приступить к прямому выполнению этого поручения Т [ихомирова] я не успел, но и не отказался от него; а потому стал тщательно собирать адреса и всякие сведения о литераторах, а также адреса тех промежуточных личностей, которые могли помочь мне сблизиться с ними, не открывая ни тем, ни другим моей самоличности[14]. Я не знаю, сколько таких литературных и промежуточных адресов окажется в моих бумагах, но я считаю своим нравственным долгом указать по отношению ко всем им нижеследующее:

1. Все эти литературные и промежуточные личности **не знали** и **не могли знать** о тех надеждах, которые возлагали на них некоторые из представителей партии «Н[ародной] в[оли]».

2. Адреса их были добыты мною **не от них самих**, а стороною.

3. Сам же Тихомиров в своем письме, не предназначавшемся для полиции, называет их «умеренными» и вовсе не рассчитывает на их сочувствие программе партии «Н[ародной] в [оли]».

4. Мало того: он ясно видит, что даже и сблизиться с ними можно только через лиц умеренных или искусно притворяющихся умеренными.

5. Наконец, как известно, я еще не успел приступить к выполнению этого поручения.

Вот почему я считаю, да и всякий, вероятно, согласится со мною, что эти лица безответственны за нахождение их адресатов у меня. В частности, мне был предъявлен до сих пор только адрес Е. С. Некрасовой[15]; а я заявляю еще раз, что она интересовала меня только как одна из тех промежуточных личностей, через которых я мог, при благоприятных обстоятельствах, сойтись с московским литературным миром.

Предъявленные мне три письма, писанные рукой П. Л. Лаврова[16] и помеченные 22 мая, 2 сент[ября] и 28 сент[ября], я признаю писанными ко мне. В них говорится как о делах партии, так и о многих чисто личных делах. Большинство употребленных здесь фраз вполне ясно и само собой. Объяснять же темных мест я не считаю себя вправе. Но есть один пункт, который находится в связи с тем, что говорено было мною выше, и по которому я считаю возможным и полезным сказать несколько слов. Как из писем Тихомирова, так и из писем Лаврова видно, что среди редакции «Вестника»[17] существовали некоторые разногласия, по поводу которых обе стороны обращались ко мне и которые даже грозили скорым выходом из редакции самого старого из двух ее членов, то есть П. Л. Лаврова. Дело это крайне просто. Лавров — по преимуществу мыслитель, а не практик, и человек, отличающийся крайнею последовательностью и продуманностью в каждой печатной строчке, хотя бы и в ущерб требованиям житейской практики, упорно настаивал всегда на строгом проведении в журнале чисто социалистического идеала и третировал собственно так называемые «политические» вопросы как второстепенные, служебные и временные задачи, имеющие лишь подчиненную важность, приобретенную ими, да и то ненадолго, лишь в силу особенных, преходящих условий данной минуты. Отношение Тихомирова и близких ему людей к этой же самой задаче было несколько иное. Конечно, и они социалисты в своем последнем, конечном идеале. Но практическая жизнь убила в них веру в возможность осуществления ближайшими поколениями социалистического идеала не только во всей его полноте, но даже и в **очень** значительной степени. Напротив того, та же жизнь научила их очень наглядным и чувствительным образом той истине, что как социалистический идеал, так и всякое стремление к улучшению нашей родной и общественной жизни натыкается у нас, на Руси, прежде и главнее всего на наше бюрократическое самодержавие, которое раздавливает их в самом зародыше, не делая само ничего ни для народа, ни для общества. Таким образом, они пришли мало по малу к тому убеждению, что борьба на смерть с нашим самодержавием, во имя социализма и всякого прогресса, есть главнейшая и настоятельнейшая задача данной минуты, заслоняющая собою или отодвигающая пока на второй план все остальное[18]. Понятно, что такое различие во взглядах, несмотря на взаимное личное уважение обоих редакторов друг к другу, вело к неизбежным столкновениям при оценке каждой поступившей в редакцию статьи и даже отдельных фраз уже принятых статей.

Утомленный этою борьбою Лавров очень желал выйти из редакторов; тем более что он считал, что мнения Тихомирова более гармонируют с нынешним настроением русских революционеров, а в особенности русского общества.

Тихомиров отлично сознавал всю невыгодность для партии такого исхода, всячески старался предупредить его, но в то же время понимал его неизбежность в более и менее близком будущем. Вот почему он так и просил меня приискать заблаговременно подходящего редактора, который согласился бы разделять с ним его бремя. Правда, не желая повредить партии, Лавров не только обставлял свой выход из редакции не какой-либо размолвкою, а просто «болезнью и дряхлостью», но и предлагал редакции свое деятельное сотрудничество и прежнее участие в ее работах трудом и советами, снимая с себя только **ответственность** за руководство журналом. Но это-то и было важно, и Т[ихомиров] ни за что не хотел оставить эту ответственность на себя **единолично** и непременно желал разделить ее с человеком, имеющим некоторое литературное имя на родине. Понятно, что по случаю грозящего выхода Лаврова он мог искать теперь этого человека между людьми более умеренного оттенка, то-есть не между чистыми социалистами-антигосударственниками, а между радикальными «политиками» и наиболее энергическими либералами, в прежнем хорошем смысле этого слова. Он отлично понимал, что подобный товарищ мог бы привлечь к «Вестнику Н[ародной] в[оли]» почти всех живых и талантливых писателей, а вместе с ними — широкое и энергическое общественное сочувствие к самой партии, представляемой этим журналом[19]. Вот этим и объясняются все те инструкции, которые он дает мне по этой части в своих письмах. Это все, что я считаю возможным объяснить в них. Все поправки в этом показании, писанные моей рукою, сделаны действительно мною.

Герм[ан] Лопатин

Л. 214—218.

№ 4

12 февраля 1885 г.

По поводу предъявленных мне показаний секретаря газеты «Новости» Федора Грекова[20] от 16 апр[еля] 1884 г. и от 29 окт[ября] того же 1884 г. объясняю: у Грекова я действительно был вскоре по приезде моем в Петербург, чтобы попросить его свести меня с Неонилою Саловой[21], которая вскоре должна была тоже приехать в Петербург и явиться к Грекову, чтобы узнать у него о моем адресе. И я и она должны были сойтись между собою через него по предложению Тихомирова[22]. Но каким образом Тихомиров получил право пользоваться услугами Грекова, этого я не знаю. Из расспросов Грекова о каком-то Воскресенском[23] и из его письма я понял, что он говорит о некоем господине, которого я встречал мельком в Париже под именем Воскресенского. Я ответил, что знал его, но очень мало. К Раппопорту[24] Греков меня никогда не посылал, и я ничего не слышал об этом человеке ни от Грекова и ни от кого другого. О Степурине[25] и об Иване Андреевиче[26] я у него не спрашивал и, что это за люди, я не знаю. Черновой[27] я тоже никакой никогда не знавал.

Предъявленную мне карточку, названную мне Воскресенским, я признаю за плохой портрет того самого Воскресенского, о котором я сказал выше. Карточку, названную мне портретом Сухомлина[28], признаю за изображение личности, мне совершенно неизвестной. То же самое я должен сказать и о карточках, названных мне портретами Степурина, Черновой и Якубовича[29].

Герман Лопатин

Л. 306.

№ 5

19 октября 1885 г.

Относительно отобранных у меня заметок, касающихся до г. Харькова, объясняю:

Все эти заметки были получены мною весною 1884 г. от разных лиц на тот случай, если мне доведется быть в этом городе. С какою целью были даны мне те или другие из этих заметок и что значат имеющиеся при некоторых из них указания, этого я теперь решительно не помню, тем более что я не воспользовался ни одним из этих указаний. Помню только, что меня просили люди партии «посмотреть» Гончарова[30] и Елько[31] и узнать «что это за люди». Но Гончаров — ко времени приезда моего в Харьков — был уже арестован, а Елько не был в Харькове.

Студенты Иордан и Манучаров[32] были записаны мною в самом Харькове по случаю их побега, имевшего место в ночь с 23 на 24 сентября. Меня просили сообщить об этом факте редакции «Народной воли».

Кто такие «Кирило»[33] и «Петруччио»[34] и для чего стоят эти два имени в моих записях, этого я теперь сообразить не могу.

Что касается до Гурского, Хлобыщиной, Яковлевой, Иваницкой, Улановской и Реута[35], то очевидно, что эти лица были указаны мне для того, чтобы розыскать с их помощью разных других личностей. Но так как я отыскал кого мне было надо при помощи более свежих

словесных указаний, полученных мною в Ростове, то я не воспользовался ни одним из этих устаревших указаний и не видал никого из этих лиц. Лично никого из них я никогда не знавал и решительно не в состоянии сказать — имели ли они какое-нибудь касательство к партии, и если да, то какое именно. Все, что говорилось мне об этих лицах в момент составления записей, не будучи укреплено личным свиданием с ними и собственными наблюдениями, давным давно вылетело у меня из головы. Кого именно я видел в мое кратковременное пребывание в Харькове, это я сказать не могу. В Харькове я был дня два или три, в 20-х числах сентября 1884 г., проездом из Одессы в Петербург[36].

Герман Лопатин

Л. 318—318 об.

Примечания

[1] Весной 1883 г. в Париже Г. А. Лопатин сблизился с членами Исполнительного комитета «Народной воли» М. Н. Ошаниной и Л. А. Тихомировым, а затем официально был принят в ряды «Народной воли». В феврале 1884 г. на парижском съезде народовольцев Г. А. Лопатин избирается в состав ее руководства — распорядительной комиссии (П о п о в И. И. Г. А. Лопатин. М., 1926. С. 43, 44, 47).

[2] Отрицание своей принадлежности к «организации партии» на следствии Г. А. Лопатин разъяснил потом на суде так: «Если бы я признал мою принадлежность к «Народной воле» при первом же допросе, то, согласно нашим уставам, я должен бы и отказаться от всяких показаний, и от участия во всей дальнейшей следственной и судебной процедуре; а между тем мне н у ж н о было давать показания, чтобы ослабить роковую силу взятых у меня заметок, мне н у ж н о было говорить здесь, чтобы защитить перед смертью мою личную честь и интересы моих доверителей и партии. Но теперь, когда эта цель до некоторой степени уж достигнута... я не боюсь и не стыжусь открыто стать под знамя «Народной воли» и признать себя агентом Исполнительного комитета» (см.: Последнее слово Г. А. Лопатина на суде 5 июня 1887 г. // Советские архивы. 1970. № 6. С. 27).

[3] «...Те... разногласия,— заявил Г. А. Лопатин на суде 5 июня 1887 г.,— между мною и «Народной волей»... на которые я указывал на следствии, ничуть не устраняли... совместной деятельности на практике... Я признаю, что те пункты устава, которые стесняли мою свободолюбивую натуру, не были помехою моему вступлению в организацию, так как они... были обойдены для человека с моим прошлым» (см.: Советские архивы. 1970. № 6. С. 27).

[4] В деятельности Г. А. Лопатина — руководителя «Народной воли» в 1884 г.— определенное место занимала и подготовка террористических актов, в частности, против прокурора Н. В. Муравьева, прославившегося судебными расправами с народовольцами.

[5] Исполнителем покушения на Н. В. Муравьева, намеченного на 3 ноября 1884 г., был определен член «Общестуденческого союза», студент Петровской академии в Москве П. А. Ковалев, с которым Г. А. Лопатин познакомился весной 1884 г. (Показания П. А. Ковалева 14 июня — 2 июля 1885 г. // ЦГВИА СССР. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 6214. Л. 100, 115 об.).

[6] Здесь также имеется в виду П. А. Ковалев, который был арестован 1 августа 1884 г. и содержался в Сретенской части. Учитывая условия содержания заключенных здесь, народовольцы имели возможность передать ему пистолет. Намечалось, что П. А. Ковалев, получив оружие, на допросе у прокурора сумеет устранить его. Но этот план не удалось осуществить, так как Ковалев по неосторожности попал в сети ловкого провокатора М. Е. Беллино-Бржозовского. Это обстоятельство привело к аресту 6 октября 1884 г. Г. А. Лопатина. П. А. Ковалев потом был выслан в Восточную Сибирь на 5 лет. (см.: Показания П. А. Ковалева // ЦГВИА СССР. Ф.1351. Оп. 1. Д. 6214. Л. 100, 105 об., 109 об., 113).

[7] В Ростове-на-Дону имелась крупная народовольческая группа. Ее видных представителей П. К. Пешекерова и Н. К. Чернышова Г. А. Лопатин намечал ввести в состав руководства «Народной воли» (см.: Показания П. А. Елько // ЦГВИА СССР. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 6211. Л. 199).

[8] По паспорту на это имя жила в столице Н. М. Салова (см.: прим. 21).

[9] Сотрудница журналов «Детское чтение», «Устои» — была знакома с Г. И. Успенским, С. Н. Кривенко и другими писателями. Подверглась 7 октября 1884 г. аресту и привлечена к дознанию по делу Г. А. Лопатина.

[10] Орлов Николай Павлович (1840—?) — нотариус, литератор, близкий знакомый Г. И. Успенского и Г. А. Лопатина. В 80-х годах — эмигрировал.

[11] А. П. Подосенова, Д. И. Познер, Е. И. Введенская — петербургские курсистки, знакомые Г. А. Лопатина. Они сотрудничали с народовольческой организацией, а Познер одновременно помогала и группе Благоева. Осенью 1884 г. арестованы и привлечены к дознанию по делу Г. А. Лопатина.

[12] Тихомиров Лев Александрович (1852—1923) — участвовал в революционном движении 70-х годов, был «чайковцем», членом «Земли и воли». После ее раскола вошел в Исполнительный комитет «Народной воли», был также редактором газеты «Народная воля». В 1882 г. эмигрировал, входил в состав заграничного центра «Народной воли», был соредактором «Вестника Народной воли». Потом отошел от революционного движения, подал царю прошение о помиловании. Вернувшись в Россию в 1888 г., стал сотрудником и редактором реакционной газеты «Московские ведомости».

[13] «Колокол» — журнал, издававшийся А. И. Герценом и Н. П. Огаревым за границей с 1857 по 1867 г. Как боевой орган вольной русской прессы, он откликался на все важнейшие события в России и пользовался большим влиянием во всех сферах русского общества.

[14] Г. А. Лопатин не испытывал никаких трудностей в этом. Через своих друзей И. С. Тургенева, Г. И. Успенского, Н. К. Михайловского и других он, понятно, имел множество знакомых в литературных кругах Петербурга.

[15] Некрасова Екатерина Степановна (1842—1905) — писательница, переводчица, историк литературы. Была близка к революционному подполью 70—80-х годов.

[16] Лавров Петр Лаврович (1823—1900) — видный деятель и идеолог революционного народнического движения, философ и публицист. Член «Земли и воли» 60-х годов. В 1866 г. сослан в Вологодскую губернию, откуда в 1870 г. с помощью Г. А. Лопатина бежал за границу. Был членом I Интернационала, участвовал в Парижской коммуне. В Лондоне, куда был послан коммуной, познакомился с К. Марксом и Ф. Энгельсом. Издавал в 1873—1877 гг. газету и журнал «Вперед!» в Цюрихе и Лондоне. В 1883 — 1886 гг. был соредактором «Вестника Народной воли».

[17] «Вестник Народной воли» — журнал, издававшийся в Женеве эмигрировавшими членами Исполнительного комитета «Народной воли» в 1883—1886 гг. Вышло 5 номеров. Редакция (находилась в Париже): Л. А. Тихомиров, М. Н. Ошанина, П. Л. Лавров. В журнале освещались общественно-политическая жизнь в России, социалистическое движение в Западной Европе.

[18] Эти взгляды разделял и Г. А. Лопатин. Он видел в самодержавии главного виновника бедственного положения народа. «Самодержавие отжило свой век,— писал Лопатин в статье «Вместо внутреннего обозрения», опубликованной в № 10 «Народной воли»,—... а потому неустанная, неумолимая борьба против него... борьба без отдыха, без пощады и без перемирия,— есть священнейший долг всего живого и честного на Руси» (см.: Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 226).

[19] Здесь речь идет о попытке расширить социальную основу как этого журнала, так и партии «Народная воля».

[20] Греков Федор Константинович (1849—?) — с декабря 1883 г. секретарь редакции петербургской газеты «Новости». Был знаком с К. А. Степуриным, Г. А. Лопатиным, Н. М. Саловой, В. И. Сухомлиным и др. Арестован 3 марта 1884 г. и выслан в Вологодскую губернию под гласный надзор полиции на три года.

[21] Салова Неонила Михайловна (нелегальные клички — «Евгения Александровна», «Александра Ивановна», по паспорту — Лобойко) (1860—1941) — участница народовольческого движения. В 1880 г. вступает в ряды «Народной воли», входит в центральную группу по работе с учащейся молодежью. После 1 марта 1881 г.— активный участник народовольческой группы в Одессе. Избрана членом распорядительной комиссии, вела борьбу против П. Ф. Якубовича и других «молодых народовольцев», отстаивая единство в партии. Арестована 6 октября 1884 г. На лопатинском процессе в 1887 г. приговорена к смертной казне, замененной 20 годами каторги.

[22] См.: прим. 12.

[23] Воскресенский А.— нелегальная фамилия рабочего-народовольца Феофана Крылова. С 1881 г.— член рабочей группы в Москве. В 1882 г.— вел пропаганду в Тверской губернии, а в 1883 г.— хозяин нелегальной типографии в Харькове. Подвергся аресту, но бежал. В 1886 г. снова арестован и сослан в Сибирь.

[24] Раппопорт Захарий был привлечен к дознанию Петербургским жандармским управлением по делу Г. А. Лопатина вместе с Ф. Грековым, М. Никоновой, Ф. Коном и другими.

[25] Степурин Константин Алексеевич (1857—1886) — штабс-капитан, с 1880 г. член военной организации «Народной воли». Был знаком с Н. Н. Колодкевичем, С. П. Дегаевым. Осенью 1883 г. введен в состав организации «Народной воли», фактически возглавлял ее. Г. А. Лопатин отмечает, «что он знал Степурина достаточно, чтобы утверждать, что это был верный слуга и безусловно преданный человек» (см.: Каторга и ссылка. 1931. № 75. С. 99). Арестованный 9 марта 1884 г. К. А. Степурин фактически не давал показаний. В тюрьме заболел психически и покончил с собой.

[26] «Иван Андреевич» — нелегальная кличка народовольца В. И. Сухомлина.

[27] Чернова Любовь Давыдовна (1855—1930) — принимала участие в делах петербургской группы «Народной воли». Весной 1884 г. арестована и привлечена по делу Г. А. Лопатина. Подлинную роль в народовольческом движении следствие не установило. В результате чего отделалась административной ссылкой в Сибирь на 3 года.

[28] Сухомлин Василий Иванович (1860—1938) (нелегальные клички «Комар», «Иван Андреевич»). С 1882 г.— член одесской группы «Народной воли», вел пропаганду среди рабочих, избран в состав распорядительной комиссии. В марте 1884 г. приехал в Петербург. Участвовал на переговорах с «Молодой партией Народной воли». Затем работал на юге (Харьков, Одесса, Ростов). Арестован 31 августа 1884 г. На «процессе 21-го» приговорен к смертной казни, замененной 15 годами каторги. После Октябрьской революции член Общества политкаторжан. Написал воспоминания «Из эпохи упадка партии «Народная воля» (см.: Каторга и ссылка. 1926. № 3, 4, 6, 7, 8). В феврале 1938 г. репрессирован. В 1957 г. посмертно реабилитирован.

[29] Якубович Петр Филиппович (1860—1911) — поэт, писатель, один из организаторов «Молодой партии Народной воли». После объединения ее со «старой» «Народной волей» был активнейшим народовольческим деятелем в Петербурге. Арестован 15 ноября 1884 г. На «процессе 21-го» приговорен к смертной казни, замененной 18 годами каторги.

[30] Гончаров Всеволод Акимович (1859—1885) — студент Харьковского университета, организатор революционных кружков в Харькове, выявленных в 1884 г. Умер в тюрьме 19 февраля 1885 г.

[31] Елько Петр Андреевич (1862—?) — народоволец. После ареста 9 февраля 1885 г. выдал и оговорил целый ряд революционеров, в том числе сообщил и о встрече с Г. А. Лопатиным в Харькове. На «процессе 21-го» приговорен к 4 годам каторги.

[32] Иордан Н. В. и Манучаров И. Л.— студенты Харьковского ветеринарного института, народовольцы. У Иордана при обыске был «найден типографский станок» (ЦГВИА СССР. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 6217. Л. 45 об.). Арестованные в январе 1884 г. они совершили побег из здания арестантских рот 23 сентября того же года.

[33] «Кирило» или «Кирилл» — нелегальная кличка П. Л. Антонова. Антонов Петр Леонтьевич — рабочий, народоволец. Арестован в Харькове и по процессу «21-го» приговорен к смертной казни, замененной вечной каторгой, которую отбывал в Шлиссельбургской крепости с 1887 г. Освобожден из крепости в период первой российской революции (в ноябре 1905 г.).

[34] Подпольная кличка П. Ф. Якубовича.

[35] При аресте Г. А. Лопатина в руки жандармов попали его записи, где были указаны эти лица. К дознанию из них были привлечены в качестве обвиняемых А. А. Гурский, С. Н. Хлобыщина (ЦГВИА СССР. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 6204. Л. 139 об.). В этом документе фамилия последней — Хлобощина.

[36] В Харькове он находился с 21 по 25 сентября. Затем выехал в Курск, а позже в Москву, куда прибыл 26 сентября (см.: Сайкин О. А. Первый русский переводчик «Капитала». М., 1983. С. 183).

В Дагестанской АССР в ходе перестройки работы учреждений государственной архивной службы упорядочена организационная структура коллегиальных органов Архивного управления и Центрального государственного архива республики.

В целях устранения дублирования в работе и улучшения контроля за выполнением принимаемых решений ликвидированы дирекция ЦГА ДАССР, республиканская аттестационная комиссия, функции которых переданы коллегии Архивного управления. В обстановке углубления демократизации и гласности для решения оперативных вопросов созываются непротоколируемые «оперативные» совещания, решения которых в случае необходимости оформляются приказами. На базе ЭПК Архивного управления, методической комиссии при ЦГА, ЭК управления и ЦГА, совета НОТ создана единая экспертно-проверочная и методическая комиссия (ЭПМК) для решения всех методических вопросов работы государственных и ведомственных архивов. Признано целесообразным иметь единый план организационных мероприятий Архивного управления и ЦГА ДАССР.

Отделу организационно-методической работы Архивного управления поручено пересмотреть регламент работы коллегии и положение об ЭПМК Архивного управления.

К. М. Магомедов

В Госархиве Алтайского края по метрическим книгам установлена точная дата рождения главнокомандующего Западно-Сибирской партизанской армией Е. М. Мамонтова — 9 марта 1889 г.

В архив поступили также воспоминания дочери и сына народного героя, которого боевые соратники уважительно называли Сибирским Чапаевым.

Документы о Е. М. Мамонтове крайгосархив совместно с партийными и советскими органами района, носящего его имя, используют при подготовке к столетнему юбилею легендарного главкома.

В. С. Петренко

■

Чустский филиал Государственного архива Наманганской области УзССР подготовил к 70-летию ленинского декрета по архивному делу плакат «Хроника архивного строительства», отразивший основные вехи в его работе, начиная со дня создания. Плакат иллюстрирован фотографиями и издан тиражом 100 экз.

Обзоры архивных документов

Материалы Комнаца при Наркомпросе РСФСР — источник по изучению национально-культурного строительства (1929—1934 гг.)

Л. Н. Беленчук, кандидат исторических наук

Документы Комитета по просвещению национальных меньшинств при Наркомпросе РСФСР сохранились достаточно полно и в настоящее время находятся в ЦГА РСФСР. Комитет был образован в феврале 1929 г. при Наркомпросе РСФСР вместо существовавшего ранее Центрального совета по просвещению национальных меньшинств при Наркомпросе РСФСР, документы которого вместе с материалами Комнаца и составили фонд 296. Новый орган был создан на правах самостоятельного подразделения (главка) Наркомата просвещения. Такая реорганизация была продиктована необходимостью централизации руководства национально-культурным строительством в Российской Федерации.

X и XII съездами партии была выдвинута задача ликвидации фактического неравенства национальностей, ставшая основой возрождения культурной жизни народов страны. Однако, в силу крайней отсталости ряда национальных районов, недостатка средств, решения задач восстановления народного хозяйства, которое в Поволжье и других регионах РСФСР затянулось до 1927 г., в первое десятилетие Советской власти в большинстве автономных республик и областей республики шла подготовка для осуществления культурной революции.

Становление у народов РСФСР национальной государственности, быстрое развитие производительных сил, первые успехи в ликвидации неграмотности, антирелигиозной работе подготовили почву для развертывания широкого фронта культурного строительства, начавшегося с конца 20-х годов.

В первом пятилетнем плане отмечалась необходимость выравнивания уровней развития культуры ранее отсталых народов, учета интересов различных национальностей. Тем самым был дан новый импульс развитию и взаимодействию национальных культур. Помощь русского народа, правительства РСФСР нерусским национальностям республики, начиная с конца 20-х годов, приобрела планомерный характер. Поэтому стало необходимо создание такого органа, который обеспечивал бы целенаправленную работу по преодолению культурной отсталости народов РСФСР, ликвидацию образовавшегося к этому времени значительного разрыва между культурным уровнем развития национальностей и подъемом народного хозяйства национальных регионов, начавшимся с середины 20-х годов в связи с осуществлением социалистической индустриализации страны.

Комнац должен был собирать и обобщать опыт культурного строительства народов РСФСР, координировать работу по просвещению национальностей, оказывать им научную, методическую и организационную помощь. В его задачи входили также рассмотрение докладов с мест о ходе культурного строительства, планов развития народного образования в национальных республиках и областях, планов издания литературы на языках народов РСФСР, смет расходов по социально-культурным мероприятиям, контроль за деятельностью научных учреждений, занимавшихся развитием просвещения различных наций и народностей[1].

Материалы фонда отражают практически все основные аспекты национально-культурного строительства в Российской Федерации: имеются стенограммы пленумов Комнаца, всероссийских совещаний комитетов по просвещению национальных меньшинств автономных республик, методических конференций, проводившихся совместно с местными органами, протоколы заседаний президиума Комнаца (подлинники), годовые планы работ и др.[2]. Значительную группу составляют материалы инспекций и обследований, осуществлявшихся сотрудниками Наркомпроса РСФСР в национальных районах (подлинники и копии), доклады о состоянии школьного дела, работе по ликвидации неграмотности, развитии науки, деятельности культурно-просветительных учреждений, об издании литературы на национальных языках на местах, о руководстве просвещением и культурным строительством[3].

В фонде имеются отчеты народных комиссариатов просвещения автономных республик и переписка с ними[4]. Особенности изучения теоретических и практических проблем национально-культурного строительства в РСФСР отражены в докладах научных учреждений, представленных на заседания президиума Комнаца (подлинники)[5]. Наконец, в фонде есть группа статистических материалов, показывающих ход ликвидации неграмотности, развитие национальных школ, направление молодежи из национальных районов на учебу в вузы и техникумы центральных областей Российской Федерации, строительство высших и средних учебных заведений в автономных республиках и областях, организацию национальных отделений при вузах средней полосы РСФСР, решение проблемы создания кадров национальной интеллигенции, рост сети учреждений дошкольного воспитания и др.[6].

Материалы фонда дают представление о важнейших проблемах национально-культурного строительства, процессе интернационализации культурной жизни в первой половине 30-х годов, мало изученных в исторической литературе. В трудах советских историков, в том числе и ученых национальных республик, вопросы культурного строительства, как правило, рассматриваются в территориальном аспекте без глубокого раскрытия специфики национальных отношений в регионе. Попытки оценить всю сложность процесса становления социалистической культуры народов РСФСР сводились в основном к раскрытию особенностей развития отдельных ее отраслей на примере какой-либо одной, наиболее многочисленной в данной республике, национальности. Вопросы межнациональных отношений, взаимодействия национальных культур, получившего при социализме гигантский стимул к росту, исследование национальной культуры каждого народа как органической части общесоветской культуры попрежнему остаются как бы в тени.

Правда, в настоящее время в исторической литературе началась активная разработка проблемы влияния русской культуры на культурное развитие народов страны, помощи русского народа отсталым в культурном отношении народам СССР. Однако историки союзных и автономных республик, разрабатывающие эту тематику, используют главным образом местные материалы, в меньшей степени — материалы органов руководства просвещением РСФСР.

В последние годы документы фонда Комнаца (материалы конференций по национально-культурному строительству, постановления президиума комитета и другие) были опубликованы в ряде сборников, вышедших в центре и на местах. Интерес к этим документам возрос и у историков, занимающихся проблемами национально-культурного строительства в РСФСР. Но все же надо отметить, что документы Комитета по просвещению национальных меньшинств РСФСР исследованы явно недостаточно. Между тем они в полной мере помогают раскрыть процесс национально-культурного строительства в каждой республике как часть культурной революции в стране в целом, проблему ликвидации культурной отсталости народов Российской Федерации как основу интернационализации культур, а также влияние сближения, взаимодействия национальных культур на выравнивание уровней культурного развития наций и народностей РСФСР. Документы фонда освещают и такой важный вопрос, как координация культурного строительства РСФСР и других союзных республик СССР.

В фонде Комнаца содержится разносторонний материал, позволяющий изучить важнейший вопрос национально-культурного строительства — распространение и утверждение марксистско-ленинской идеологии в национальной культуре народов Российской Федерации как основы интернационализации культуры. Отчеты органов просвещения Башкирской, Бурят-Монгольской, Татарской АССР дают возможность выявить основные направления и формы культурно-просветительной, политико-просветительной работы в массах, общие ее черты и различия, продиктованные особенностями развития того или иного народа[7].

Выяснению критериев качественных и количественных оценок политико-просветительной работы в республиках посвящены материалы Всероссийской методической конференции по национальному просвещению (май 1930 г.)[8]. Вопрос о повышении качества и расширении сети политпросвещения мог решаться только на основе массовой ликвидации неграмотности населения. В фонде содержится обширный материал о решении этой колоссальной задачи, имеющей прежде всего политическое значение, особенно для культурно отсталых в прошлом народов. Сводки в виде таблиц о ходе ликвидации неграмотности среди нерусского населения РСФСР показывают высокие ее темпы в конце 20-х — начале 30-х годов; в документах выявляются наиболее передовые и отстающие республики, анализируются причины отставания — объективные (многоязычность населения, патриархальный быт, переход на новый алфавит и др.) и субъективные (недостаточное внимание работников советских и партийных органов к вопросам ликвидации неграмотности, слабое руководство со стороны органов просвещения и т. д.).

Большинство таблиц составлялось по данным, указанным в отчетах местных органов просвещения. Статистика по ликвидации неграмотности в тот период вообще была довольно несовершенна: не было четких критериев по определению грамотности и малограмотности, часто не учитывались «рецидивы неграмотности», особенно распространенные в национальных районах в связи с отсутствием литературы, газет, учебников на родном языке, слабой подготовкой кадров работников по ликвидации неграмотности. Кроме того, в отчетах цифры нередко завышались в сравнении с действительным положением дел. Так, в таблице, характеризующей грамотность по отдельным автономным республикам, отмечено, что в 1930—1931 гг. ее уровень в Чувашской АССР достигал 97 %, Татарской АССР — 99,6, Крымской АССР — 96,7 %[9], т. е. в этих республиках ликвидация неграмотности по отчетным сведениям считалась практически законченной, тогда как в действительности эта задача была здесь решена

лишь во второй половине 30-х годов[10]. Более точными являются данные, приведенные в докладах инспекторов Наркомпроса РСФСР, обследовавших автономные республики и области по вопросам ликвидации неграмотности и культурно-просветительной работы.

Культэстафеты, культштурмы, проводившиеся в Российской Федерации, были теми звеньями культурной жизни, которые сплачивали национальности, приобщали их к жизни всей страны, способствовали оперативному знакомству с опытом культурного строительства других республик, народов.

Огромное значение для пропаганды идей марксизма-ленинизма имели разработка и издание новых программ, учебных планов, а также учебников на родных языках для национальных школ. В фонде Комнаца отложились материалы, свидетельствующие об острой борьбе, которая велась вокруг основных принципов разработки учебников и программ для национальной школы. Обсуждались вопросы соотношения в них общего и местного материала, изложения тем, воспитывающих интернационалистические убеждения, антирелигиозных сюжетов и т. д. По всем программно-методическим и издательским вопросам между Наркомпросом РСФСР и наркоматами просвещения автономных республик проводились консультации[11]. Республики, имевшие в своем составе одинаковые или родственные группы населения, оказывали друг другу помощь в решении схожих задач[12].

Наркомпросом РСФСР проводились обследования республик по вопросам издания учебников. Так, изучив в 1932 г. деятельность Татиздата, специальная бригада Наркомпроса установила наличие в учебной литературе политических ошибок, а также слабого отражения хозяйственных и культурно-бытовых особенностей татарского народа. Кроме того, Татиздат недовыполнил заказы братских республик на издание учебников для татарских школ, находящихся за пределами Татарской АССР[13]. Такие обследования помогали наладить издательское дело в национальных районах, организовать обмен опытом между республиками и центром, поднять уровень содержания учебников и качество книгоиздания.

Ряд материалов характеризует важнейший аспект идеологической борьбы в тот период: борьбу с национализмом и антирелигиозную работу. О размахе и сложности интернационалистической пропаганды говорит тот факт, что борьбу с национализмом приходилось вести не только среди населения, подвергавшегося влиянию буржуазных и клерикальных элементов, но и в органах просвещения и руководства просвещением и культурой. Националистическими предрассудками была заражена определенная часть учительства, работавшего в национальной школе. Например, в Башкирской АССР в некоторых районах с башкирским населением создавались только русские или татарские школы, так как местные работники школы считали, что создание школ на башкирском языке невозможно из-за отсутствия кадров и учебников[14].

В центральном аппарате Наркомпроса, в его местных органах шла борьба по вопросу использования опыта строительства русской школы в национальных районах РСФСР: некоторые работники считали это русификацией[15]. Такая точка зрения объективно способствовала разжиганию националистических настроений, задерживала развитие национальных культур. Ряд работников высшей школы считали нецелесообразным принимать в вузы национальные кадры, так как это якобы снижало качество преподавания[16]. Борьба с подобными националистическими проявлениями, так же, как и антирелигиозная работа, тесно смыкавшаяся с интернационалистской, нашли отражение в отчетах местных органов просвещения, в докладе Национальной комиссии Центрального совета Союза воинствующих безбожников, где анализируются причины слабости антирелигиозной работы в отдельных национальных районах, оценивается работа по атеистической пропаганде в автономных республиках и областях[17].

Наряду с распространением и утверждением марксистско-ленинской идеологии как основы культурной жизни народов РСФСР, важным фактором роста национальных культур и их интернационализации было развитие национальных языков, многоязычия и его основной формы — национально-русского двуязычия. В материалах фонда Комнаца содержатся сведения о создании у ряда народов письменности, литературного языка, реформах арабского и старомонгольского письма (перевод их на латинскую графику). Переход на латинизированный алфавит осуществлялся постепенно, с учетом местных особенностей и традиций: в ряде национальных школ латинская графика поначалу изучалась как предмет, некоторое время после перехода на новый алфавит автономным республикам разрешалось издавать буквари на основе старого письма и т. д.[18]. Различия в сроках и темпах перехода на новую письменность позволили подготовить материальную базу, лучше осознать необходимость реформы самим работникам местных органов просвещения, провести соответствующую работу среди населения. Документы раскрывают не только процесс перехода на латинизированный алфавит, но и вопросы научной разработки национальных языков (отчет о национальной работе Главнауки НКП РСФСР): масштабы их использования, распространения по территории РСФСР, развития, взаимодействия с другими языками народов страны[19].

Создание письменных языков для ряда народов Российской Федерации, демократизация алфавита, а в связи с этим и расширение общественных функций национальных языков, стали толчком для развития национальной школы на родном языке. Этой проблеме посвящена большая часть документов фонда. Важно подчеркнуть, что в национальных районах начальная школа, а в некоторых республиках и средняя, обучала детей на родном языке. Из-за отсутствия кадров, дефицита литературы, учебников, планов и программ, несовершенства демографических и этно-социальных исследований процесс коренизации средней школы был чрезвычайно сложен. В течение всей первой половины 30-х годов шел поиск оптимального

сочетания русского и национального языков в средней школе, методики перехода на определенном этапе обучения от преподавания на родном языке к преподаванию на русском. В материалах фонда отражены дискуссионные моменты школьного строительства в национальных районах: критерии определения языка обучения, целесообразность преподавания второго и третьего языков, сроки обучения в национальной школе, формы связей автономных республик РСФСР в деле строительства новой школы, создание межнациональных и межрайонных школ и др. Особое внимание уделялось развитию культур малых, отсталых народов, влиянию на них более развитых культур соседних наций, вопросам сохранения их национальных традиций, языка[20].

В отчетах и сводках местных органов просвещения имеются данные о темпах школьного строительства в национальных республиках и областях, числе учителей, их национальном и социальном составе, обеспечении школы учебниками и литературой на национальных языках и т. д. Так, охват детей всеобучем на родном языке достигал в 1929—1930 г. в Башкирской АССР — 46 %, Татарской АССР — 52,6 (среди татар), в целом по РСФСР — 60,3 %. Темпы школьного строительства в национальных районах были выше, чем в центре, поэтому многие автономные республики, имея крайне низкий исходный уровень, завершили введение всеобщего начального обучения в одно время с центральными районами Российской Федерации[21]. Огромную помощь в решении этой задачи оказал автономным республикам и областям Наркомпрос РСФСР. В плане работы Комнаца в 1932 г. значатся проработка планов коренизации школ, ведение «динамичных паспортов» по каждой национальности, создание с Государственным ученым советом и Обществом педагогов-марксистов специальных ячеек, изучающих отдельные национальности и т. д.[22].

Документы фонда Комнаца раскрывают и такую проблему развития национальных культур, как создание национальной интеллигенции. В фонде хранятся планы по развитию сети вузов, сведения о национальном, партийном, социальном составе их абитуриентов[23]. В создании новой интеллигенции огромная помощь национальным районам оказывалась со стороны центра. В вузах и техникумах центральных областей РСФСР ежегодно бронировалось определенное число мест для национальных кадров. В 1933—1934 гг. Чувашской АССР было предоставлено 154 места в вузах вне республики, Башкирской — 94, Бурят-Монгольской — 145, Карельской — 89, Якутской — 200 и т. д. Однако установление брони связано со многими трудностями: сложно было определить действительную потребность в кадрах каждой национальности, не хватало подготовленной молодежи со знанием русского языка для поступления в вузы и техникумы. Такое положение приводило к тому, что в счет брони для национальных кадров из республики или направлялась русская молодежь или забронированные места использовались не полностью. Особенно острый дефицит кадров ощущался в Дагестанской, Казахской, Татарской, Чувашской и Якутской АССР[24].

В постановлении президиума Комнаца о кадрах (1932 г.) указаны причины недостаточных темпов подготовки кадров в национальных республиках и областях: слабая пропагандистская работа среди населения, подчинение национальных педтехникумов районным органам народного образования, отсутствие общежитий в вузах и техникумах и др.[25]. Кроме обучения национальных кадров в вузах центра, практиковались направление специалистов высшей и средней квалификации на работу в национальные районы, организация различных экспедиций по изучению национальных республик и областей. Документы фонда раскрывают значение научных экспедиций в формировании и развитии местной интеллигенции[26]. В фонде Комнаца отражены проведение в Москве и других крупных культурных центрах конференций и совещаний по вопросам воспитания национальных кадров, роль новостроек республики в формировании многонациональных коллективов, воспитании политической сознательности, социальной активности, интернационализма у представителей различных народов РСФСР[27].

Сведения, содержащиеся в фонде Комнаца, могут быть дополнены материалами фонда Наркомпроса РСФСР (ф. 2306 ЦГА РСФСР), так как в его подразделениях отложились некоторые документы Комнаца. После 1934 г., когда был ликвидирован Комнац, его функции перешли к отделам НКП РСФСР, в составе которых были образованы национальные группы.

---

1 ЦГА РСФСР. Ф. 296. Оп. 1. Д. 392. Л. 103.
2 Там же.
3 Там же.
4 Там же.
5 Там же.
6 Там же.
7 Там же. Д. 438. Л. 1; Д. 429. Л. 83—87.
8 Там же. Д. 386. Л. 192.
9 Там же. Оп. 1. Д. 390. Л. 30; Д. 429. Л. 72—76; Д. 523. Л. 191; Д. 525. Л. 39.
10 Куманев В. А. Революция и просвещение масс. М., 1973. С. 287.
11 ЦГА РСФСР. Ф. 296. Оп. 1. Д. 386. Л. 198—222, 547; Д. 429. Л. 93.
12 Там же. Д. 476. Л. 11—19.
13 Там же. Д. 429. Л. 16.
14 Там же. Д. 461. Л. 98.
15 Там же. Д. 470. Л. 151—172.
16 Там же. Д. 476. Л. 60; Д. 529. Л. 58.
17 Там же. Д. 525. Л. 17—169.
18 Там же. Д. 390. Л. 37—47; Д. 435. Л. 15—29.
19 Там же. Д. 394. Л. 140.
20 Там же.
21 Там же. Д. 401. Л. 6—16, 55, 114—125.
22 Там же. Д. 476. Л. 20—24.
23 Там же. Д. 386. Л. 69—71; Д. 498. Л. 6—33; Д. 529. Л. 48—58.
24 Там же. Д. 476. Л. 60.
25 Там же. Д. 429. Л. 57.
26 Там же. Д. 515. Л. 33—39; Д. 429. Л. 234.
27 Там же. Д. 455. Л. 98.

Ценный источник по истории Великого Октября

О. А. Силаева

Уже 70 лет история Великого Октября является фундаментом современной истории нашей страны. В последнее время мы все чаще говорим о необходимости всестороннего и объективного освещения революции. Это дает новый импульс к изучению судеб нашего Отечества. Архивные документы были в этом поиске неоценимым источником. В ЦГА РСФСР хранится большой комплекс материалов, связанных с историей Октябрьской революции. Это документы фонда Комиссии по установлению персональных пенсий при Совете Министров РСФСР. Она была образована декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР от 16 февраля 1923 г. «О персональных пенсиях лицам, имеющим исключительные заслуги перед Республикой»[1] и первоначально подчинялась Народному комиссариату социального обеспечения. Ее главной функцией стала материальная помощь всем, кто сыграл незаурядную роль в жизни страны, имел выдающиеся заслуги перед Родиной в различных сферах.

В состав комиссии входили нарком социального обеспечения, представители народных комиссариатов финансов, труда, Рабоче-крестьянской инспекции и ВЦСПС. Затем в нее был включен представитель Реввоенсовета. Позднее, в 30-е годы, в состав комиссии вошли некоторые члены Общества старых большевиков, Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, представители Народного комиссариата просвещения РСФСР. В этот же период комиссия переходит из ведения Наркомата социального обеспечения в подчинение Совета Народных Комиссаров (с 1946 г. Совета Министров РСФСР). Сейчас комиссия состоит из заместителя Председателя Совета Министров РСФСР, представителей министерств социального обеспечения, здравоохранения, финансов и заместителя управляющего делами ЦК КПСС.

Документы фонда комиссии сегодня — это почти 46 тыс. дел. На все материалы составлены пять описей, к которым имеются алфавитный указатель и номерной (по номерам пенсионных дел в делопроизводстве). Лишь небольшую часть фонда составляют протоколы заседаний комиссии (оп. 2, 267 дел). Остальные материалы — это личные дела. Среди персональных пенсионеров было немало лиц, которые принимали непосредственное участие в революционных событиях 1917 г. Их личные дела в количественном отношении занимают одно из первых мест. Среди них встречаем народовольцев, сотрудников «Искры», ближайших соратников В. И. Ленина, выдающихся деятелей партии и Советского государства, героев гражданской войны, личные дела которых содержат подчас уникальные документы: автобиографии, анкеты, автографы, например, Г. М. Кржижановского, М. И. Калинина, Н. А. Семашко, В. В. Оболенского (псевдоним — Н. Осинский), Н. В. Крыленко, а также фотографии, газетные вырезки. В некоторых делах есть копии удостоверений, мандатов, документов с резолюциями Владимира Ильича. Таким образом, материалы фонда комиссии — это ценный источник по истории Октябрьской революции и революционного движения в России.

Однако документы еще не получили достаточной оценки. Можно назвать лишь несколько статей, которые знакомят с хранящимися материалами, а в литературе вообще практически не встречаются ссылки на этот фонд[2]. Между тем углубленная работа позволила бы уточнить известные события, дать интересные факты, в том числе и биографические, возможно, по-новому воссоздать отдельные моменты революционного прошлого. Конечно, при использовании материалов следует учитывать все тонкости, связанные с их личным происхождением, мемуарным характером. Но здесь большую роль будет играть именно массовое выявление и обобщение, при котором появится возможность сличать данные, устранять неточности и наслоения памяти.

Вот, например, пенсионное дело Н. А. Коста, заместителя наркома здравоохранения Украины[3]. Он родился в Москве, в семье рабочего с Трехгорной мануфактуры, но сумел получить образование в гимназии, а затем поступить на медицинский факультет Московского университета. Уже с 6-го класса гимназии посещал марксистский кружок. Участвовал в нелегальной работе по рассылке литературы, сбору денег, печатанию и распространению прокламаций. В марте 1904 г. вступил в члены РСДРП(б). А через год следует первый арест и одиночное заключение в Таганской тюрьме. Лишь в 1910 г. ему удалось закончить университет. Затем работал земским врачом, участвовал в подпольной работе в Московской, Нижегородской, Костромской губерниях. Здесь судьба свела его с И. Ф. Арманд, С. И. Мицкевичем, Н. А. Семашко. Октябрьскую революцию он встретил на Юго-Западном фронте в составе Совета сол-

датских депутатов. Затем он в Житомире, где по большевистскому списку его выдвигают кандидатом в Украинское Учредительное собрание.

Вскоре Н. А. Кост в качестве члена ВРК Юго-Западного фронта принимает участие в ликвидации корниловского мятежа (непосредственно арестовывал генералов Деникина, Маркова и др.). В январе 1918 г. переезжает в Москву; начинается его деятельность как одного из организаторов советского здравоохранения. С образованием в 1918 г. Наркомата здравоохранения РСФСР он становится заведующим организационным и статистическим отделами. Но уже в марте следующего года командируется в Киев в качестве заместителя наркома здравоохранения Украины (фактически исполнял обязанности наркома). В августе 1920 г. освобождаются Сочи, Мацеста, Анапа, Геленджик, которые должны были стать первыми советскими курортами. С этого времени и до января 1924 г. Н. А. Кост — сначала главноуполномоченный Наркомата здравоохранения РСФСР по курортам Кубани и Черноморья, а затем заместитель начальника Главного курортного управления Наркомздрава РСФСР. Он — кандидат медицинских наук, автор более 20 печатных трудов. Был также членом правления исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, старшим госинспектором Наркомздрава, заведующим группой научно-исследовательского института имени Ф. Ф. Эрисмана. На всех постах его деятельность была образцом самоотдачи, честного отношения к делу.

«По материалам Архива Революции проходит О. А. Квиткин, сын подполковника, бывший студент Московского университета, родившийся 30 октября 1874 г. в Борзенском уезде Черниговской губернии»[4],— читаем в документе. Окончание им гимназии и поступление в 1894 г. на медицинский факультет Московского университета совпадает с другим важным событием — участием в орловском кружке марксистов. Аресты, наблюдение полиции, работа в революционных группах в Орле и на Бежицком заводе, высылка на 3 года в Вологодскую губернию дали крепкую революционную закалку. Он становится профессиональным революционером; под псевдонимом «Петров» — делегат от Орловско-Брянской партийной организации на III съезде РСДРП(б)[5]. От Костромской и Иваново-Вознесенской организаций принимал участие в работе IV съезда партии, был на конференции в Таммерфорсе и на предсъездовском совещании вместе с В. И. Лениным в Куоккале.

В октябрьские дни 1905 г. «Афанасьев» (он же О. А. Квиткин) становится товарищем председателя Костромского Совета рабочих депутатов. Был организатором предвыборных кампаний большевистской фракции во II Думу и на V съезд партии большевиков. Активная революционная деятельность сделала фигуру О. А. Квиткина весьма заметной в донесениях полиции. Но переход от открытой политической деятельности к условиям подполья после поражения революции 1905—1907 гг. оказался переломным. В 1908 г. он вынужден оставить партийную работу и выезжает за границу, где с 1911 по 1913 гг. изучает математику в Сорбонне.

Лишь в 1913 г. он возвращается в Россию, начинает заниматься преподавательской деятельностью, затем работает в бюро труда земского и городского союзов, в медицинской лаборатории. После революции он стал одним из организаторов советской статистики населения, возглавлял комиссии ЦСУ по проведению ряда переписей. Н. Осинский, начальник Центрального управления народно-хозяйственного учета СССР, называл его «крупнейшим специалистом статистиком-демографом»[6]. Важнейшим статистическим трудом, увековечившим память О. А. Квиткина, стали 56 томов Всесоюзной переписи населения 1926 г.

Следующее имя — В. И. Яхонтов. Начиная с 1902 г., времени его вступления в партию, он работал сначала среди московского студенчества, в рабочих нелегальных кружках, в частности, в Замоскворецком, а с 1903 г.— в рядах Московской большевистской организации. В 1905 г. принимал участие в издании большевистской газеты «Борьба»[7]. После поражения Декабрьского восстания уезжает в Нижний Новгород, где до 1907 г. работает в качестве члена Нижегородского комитета партии. Окончив Московский университет, в 1907 г. вступает в ряды московской адвокатуры, занимается судебной защитой на политических процессах.

Новый революционный подъем 1910—1912 гг. вызвал бурный рост профессионального движения. В этот период В. И. Яхонтов — юрисконсульт большинства московских профсоюзов. После введения рабочего страхования (1913 г.) он становится практически единственным в Москве руководителем страхового движения от партии большевиков. Ближайший соратник И. И. Скворцова-Степанова, П. Г. Смидовича, В. И. Яхонтов в годы первой мировой войны — член редакции большевистской газеты «Наш путь». Как вспоминал впоследствии заместитель наркома юстиции РСФСР Н. В. Крыленко, уже в 1915 г. царская агентура отмечала В. И. Яхонтова как центр, вокруг которого группировались наиболее активные большевики. Им же был поднят вопрос об объединении рабочих в подполье[8].

После Октябрьской революции проявились особенно ярко присущие В. И. Яхонтову организаторские способности. В 1923 г. он назначен заведующим отделом законодательных предложений Наркомата юстиции РСФСР, стал членом Малого Совнаркома, работал помощником прокурора республики по общему надзору за деятельностью органов власти, членом коллегии Наркомюста РСФСР.

В. И. Вегер — «Поволжец», «Поволжский», «Ильин», «Борис»[9]. Имя его связано с историей революционного движения в Поволжье. Он родился в 1888 г. в г. Ярославле. Семья часто переезжала из города в город, что было связано со службой отца, работавшего врачом на постройке железной дороги Петербург — Вологда — Вятка. Революционные традиции семьи (а отец был участником народнического движения 70 — 80-х годов) оказали на В. И. Вегера огромное влияние. Он — участник и организатор революционных кружков, различных нелегальных журналов учащихся в с. Мещерское Московской губернии, в г. Тихвин Новгород-

ской губернии, в г. Новая Ладога Петербургской губернии. Уже в 14-летнем возрасте В. И. Вегер выделялся своей инициативой и развитием среди молодежи, объединившейся вокруг кружка тихвинских социал-демократов. С тех пор он «на замечании» у местной полиции, считался «неблагонадежным». Скоро его исключают из 5-го класса гимназии. Лишь позже сумел он получить среднее образование, окончив экстерном реальное училище в Саратове весной 1905 г. Но еще раньше, в 1904 г., он вступил в РСДРП(б), стал членом Саратовской парторганизации. Во время первой российской революции — один из организаторов крестьянского движения в Саратовской губернии, работал в войсках, боевой дружине, председателем Саратовского губернского комитета молодежи. В 1908 г. он переезжает в Москву, где становится членом Московского комитета большевиков.

В Саратове и Москве принимал участие в организации рабочей печати, автор ряда прокламаций и статей в подпольных партийных органах: «Борьба», «За землю и волю», «Волна», «Рабочее знамя», «Пролетарий». В 1906—1909 гг. неоднократно арестовывался, а после ареста в 1909 г. выслан в Казанскую губернию. В 1912 г. он экстерном заканчивает университет по двум специальностям: экономики и гражданского права. Его работы «Д. Рикардо и К. Маркс в учениях о ценности и прибыли» и «Обмен, принуждение и заблуждение в юридических сделках» заслужили отличной оценки. Высланный под надзор полиции в Казань, он работал там помощником присяжного поверенного. Через В. Тихомирова установил связь с большевистским центром, организовал группу содействия партии. Здесь же встретил и Февральскую революцию, был организатором выборов в Казанский Совет рабочих депутатов, взял в свои руки инициативу по проведению в апреле — мае 1917 г. 1-го губернского съезда крестьянских депутатов.

После Октябрьской революции — В. И. Вегер — народный комиссар, управляющий делами Совнаркома, заместитель председателя ВСНХ Казанской республики. В 1919 г. «правительство» Колчака занесло его в список комиссаров-смертников.

Вскоре В. И. Вегер возвращается в Москву, где начинается его преподавательская деятельность. В 1919 г. его утверждают в должности доцента Московского университета, он руководит научно-учебной частью в Высшей партийной школе (Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова), неоднократно встречается с В. И. Лениным, В. В. Куйбышевым, М. В. Фрунзе. С осени 1924 г. он являлся ректором и профессором Московского промышленно-экономического института (ныне инженерно-экономического). Его активная преподавательская деятельность сочеталась с лекторскими обязанностями, работой в других вузах, членством во многих обществах и комиссиях.

Даже несколько примеров позволяют говорить о большом значении источников, хранящихся в фонде комиссии. Безусловно, необходимо более углубленное их изучение, снятие далеко не всегда оправданных ограничений в использовании, а, возможно, и каталогизация фонда. Анализ целого комплекса автобиографий позволит выявить новые факты, осветить неизвестные ранее события, дать ценные свидетельства истории нашего общества.

---

[1] СУ РСФСР. 1923. № 15. Ст. 198.

[2] Дьячкова М. П. Новые документальные источники по истории революции 1905—1907 гг. // Вопросы истории КПСС. 1975. № 12; На пути к Октябрю. (Сост. Самсонова В. И., Сидорова В. А.) // Вопросы истории. 1977. № 11; Дьячкова М. П. Они видели Ленина // Советские архивы. 1978. № 4.

[3] ЦГА РСФСР. Ф. 539. Оп. 1. Д. 709.

[4] Там же. Оп. 4. Д. 422.

[5] Ленинский сборник. М.; Л., 1929. 2-е изд. Т. V.

[6] ЦГА РСФСР. Ф. 539. Оп. 4. Д. 422.

[7] Там же. Оп. 1. Д. 9934.

[8] Там же.

[9] Там же. Оп. 5. Д. 5836.

Революционная пропаганда в войсках в 1907 — 1914 гг. и борьба с нею военного ведомства (по материалам ЦГВИА СССР)

И. В. Карпеев, кандидат исторических наук

События первой российской революции подтвердили со всей наглядностью правоту В. И. Ленина, указывавшего, что в царской России армия была «орудием реакции, слугой капитала в борьбе против труда, палачом народной свободы»[1]. Сознавая необходимость завоевания армии на сторону народа, революционные партии и организации, прежде всего большевики, усилили агитационно-пропагандистскую работу среди солдатских масс.

Проблемы борьбы большевистской партии за армию в революции достаточно широко освещены в советской исторической литературе[2]. Однако вопросы, связанные с революционной пропагандой в войсках и борьбы с нею органов военного управления царской России, особенно в период «контрреволюционной эпохи» 1907—1914 гг.[3], еще ждут своего исследования.

В значительной мере этот пробел позволяют восполнить документы ЦГВИА СССР. В фондах Канцелярии Военного министерства (ф. 1, 29), Главного штаба (ф. 400), Главного управления Генерального штаба (ф. 2000) и штабов военных округов — основного звена местных органов военного управления — отложились отчеты, рапорты, донесения и переписка, свидетельствующие, что солдаты в течение всей своей службы подвергались изощренной обработке в монархическом и религиозном духе. Новобранец, попадая в воинскую часть, давал присягу «верно и нелицемерно служить» царю и наследнику престола, «чинить послушание» начальникам[4]. Офицеры и представители военного духовенства на уроках словесности и в ходе многочисленных бесед старались внушить каждому солдату, что его обязанность — «защищать святую веру, царский трон и родной край; поражать врагов иноземных, истреблять врагов внутренних и поддерживать в государстве законами определенный порядок»[5].

Документы фонда Канцелярии Военного министерства показывают, что каждая воинская часть имела церковь, которую должны были регулярно посещать все военнослужащие. Военное руководство, как видно из отчетов командующих войсками округов, уделяя большое внимание религиозной пропаганде среди солдат, ратовало за открытие возможно большего числа воинских церквей[6].

Большой комплекс документов военных округов свидетельствует о стремлении господствующих классов поставить армию вне политики, активного участия в общественной жизни страны. По положению Совета министров от 16 декабря 1905 г., подтвержденному 14 сентября 1906 г., военнослужащим запрещалось участвовать в политических организациях[7]. Документы показывают, что в целях изоляции солдат от гражданского населения ужесточался казарменный режим, усиливалась муштра. Вот что писал, например, в отчете за 1908 г. командующий войсками гвардии и Петербургского округа вел. кн. Николай Николаевич (младший): «Правильная постановка казарменного дела, бдительный надзор за поведением нижних чинов, введение усиленных занятий гимнастикой и бесед с ними на религиозные, нравственные и общие темы весьма хорошо отразились на ... состоянии войск. Такие условия не дают ... почвы для антиправительственной агитации»[8].

Большое количество документов характеризует такую форму борьбы с революционной пропагандой в армии как слежка. Наглядное представление о методах деятельности военно-окружного аппарата в этом направлении дает «Инструкция войсковым начальствующим лицам по принятию мер для борьбы с пропагандой и для поддержания порядка в местах лагерных сборов войск и на зимних стоянках»[9], разработанная командованием Варшавского военного округа. Она предусматривала как «предупредительные», так и «охранительные» меры. К первым относился обмен информацией между военными, полицейско-жандармскими и гражданскими властями по поводу «подозрительных» военнослужащих, установление за ними негласного надзора, перлюстрация их корреспонденции. Во вторую категорию входили организация охраны и патрулирования окрестностей казарм и лагерных стоянок, проведение внезапных осмотров всех казенных и личных солдатских вещей в частях. Чтобы солдаты меньше общались с местным населением, авторы инструкции предлагали устраивать для них «развлечения», «игры», «небольшие пирушки» и т. п.[10]. В дополнении к Инструкции излагались «меры по надзору за офицерским составом». Рекомендовалось, в частности, собирать сведения о газетах и журналах, которые выписывают и читают офицеры. За офицерами, вызывавшими подозрение своей «необщительностью», «склонностью к тайным беседам с нижними чинами», отказом от участия в военных судах, карательных экспедициях, применения оружия против населения, устанавливалось «негласное наблюдение»[11].

Как видно из документов, в борьбе с пропагандой в армии военное ведомство координировало свои усилия с полицией и органами гражданской администрации. Об этом свидетельствуют, например, циркуляры и переписка военного министра и Министерства внутренних дел по поводу воинского призыва 1907 г. Управление по делам воинской повинности МВД предписывало губернским властям в принудительном порядке доставлять на призывные пункты лиц, уклоняющихся от военной службы. Лица, «подстрекающие к неявке», предавались военному суду[12]. Министр внутренних дел в письме военному министру предлагал обыскивать «неблагонадежных» новобранцев «из числа фабричных и заводских рабочих, а также из находившихся в отхожих промыслах» с целью изъятия у них революционной литературы[13]. В свою очередь Главный штаб разослал начальникам штабов военных округов шифрограммы с требованием обратить «особое внимание... на новобранцев с Кавказа и из промышленных центров». Свое распоряжение он мотивировал изменением тактики кавказских организаций РСДРП, которые от бойкота военной службы перешли к работе среди призывников, чтобы сделать из них сознательных пропагандистов революционных идей в армии[14]. Уездным воинским начальникам Главным штабом было дано указание передавать полученные от МВД сведения о «неблагонадежности» новобранцев командирам воинских частей «для установления за ними ... негласного, но бдительного наблюдения»[15].

Документы характеризуют также попытки царских властей «задобрить» военнослужащих путем некоторого улучшения их быта, выдачи наград за усердную службу при подавлении революционных выступлений. Так, в разгар российской революции, 6 декабря 1905 г., был издан приказ по военному ведомству «об улучшении быта нижних чинов»[16]. Особо отличившимся при подавлении народных выступлений вручали по-

дарки, объявляли в приказах «высочайшую благодарность». Материалы фондов военных округов доказывают, что в изыскании средств для поощрения военнослужащих командование порой шло на прямое нарушение законов. Это подтверждает, например, переписка командующего войсками Кавказского округа и наместника Кавказа И. И. Воронцова-Дашкова с Министерством финансов. Суммы, полученные от гражданского населения края в качестве штрафов за хранение оружия, неисполнение постановлений местной администрации, поддержку участников революционного и национально-освободительного движения, командующий округом использовал для выдачи пособий своим подчиненным и их семьям. Лишившись по решению Министерства финансов права самостоятельно распоряжаться этими средствами, Воронцов-Дашков обратился 12 июля 1908 г. с просьбой к министру финансов В. Н. Коковцову хотя бы часть «штрафных сумм» по-прежнему выделять на пособия военнослужащим[17].

Анализ документов ЦГВИА СССР о деятельности военно-окружного аппарата показывает, что одним из основных методов борьбы с революционной пропагандой в войсках царские власти считали прямую расправу с агитаторами, «неблагонадежными» солдатами и офицерами. Согласно утвержденному Николаем II 8 августа 1906 г. положению Совета министров «Об усилении ответственности за распространение среди войск противоправительственных учений и суждений и о передаче в ведомство военных ... судов дел по означенным преступным деяниям» за ведение в армии революционной пропаганды предусматривались суровые наказания (до 20 лет каторжных работ)[18].

Хранящиеся в фондах военно-окружных судов судебно-следственные дела позволяют подробно осветить эту сторону борьбы военно-окружного аппарата с революционизированием армии. Например, летом — осенью 1907 г. полиции и командованию Варшавского округа удалось нанести сильный удар по военной организации, руководимой социал-демократами Королевства Польского и Литвы. Из материалов Варшавского военно-окружного суда явствует, что только в самой Варшаве было арестовано и осуждено на каторжные работы сроком от 2 лет 8 месяцев до 10 лет 10 активистов организации, из них 5 солдат[19]. Изъято большое количество революционной литературы: газеты «Казарма», «Голос солдата» и «Солдатский листок», брошюры «Солдатский катехизис», сборник «Песни борьбы», и др.[20]. Военному суду были преданы также 37 членов революционных кружков Рембертовского лагерного сбора: 2 «гражданских агитатора», 6 младших офицеров и 29 солдат и унтер-офицеров 2-й и 4-й артиллерийских бригад. Рассмотрев это дело в закрытом процессе 3—7 февраля 1909 г., суд приговорил 25 человек к переводу в дисциплинарные части, ссылке на поселение и каторгу на 6—8 лет[21]. Было разгромлено и отделение организации в Калише. 24 мая 1908 г. Варшавский военно-окружной суд приговорил к каторжным работам на срок от 2 лет 8 мес. до 10,5 лет 11 его членов, в том числе 6 солдат 5-го гусарского Александрийского полка[22].

По распоряжению командующего Виленским военным округом генерала Кршивицкого были переданы в суд дела 9 солдат 104-го пехотного Устюжского полка, обвинявшихся в распространении в июле — августе 1907 г. революционных изданий. Из материалов Виленского военно-окружного суда видно, что трем военнослужащим грозила каторга сроком на 6—7 лет, трем — дисциплинарные части и исправительные арестантские отделения, одному — ссылка на поселение. Два человека были оправданы. 30 декабря 1908 г. Главным военным судом по ходатайству защиты приговоры были несколько смягчены[23].

Из обвинительного заключения по делу стрелка 7-го Восточно-Сибирского полка И. Прошина можно сделать вывод о широком распространении среди военнослужащих «Наказа нижних чинов армии и флота депутатам социал-демократической партии в Государственной думе». Текст наказа, одобренный военными организациями РСДРП, предлагал добиваться созыва Учредительного собрания, отмены смертной казни, военных судов, военного положения, чрезвычайной и усиленной охраны отдельных районов страны, полной амнистии политзаключенным, предоставления солдатам права выбора ближайших начальников и в конечном итоге замены постоянной армии народной милицией[24]. За организацию солдатских сходок и распространение «Наказа» Прошин был арестован, но сумел бежать с полковой гауптвахты. 22 октября 1907 г. Приамурский военно-окружной суд объявил о его розыске. 26 мая 1908 г. Прошин был задержан в Хабаровске, предан суду и 18 августа того же года приговорен к ссылке на поселение[25].

Отчеты и рапорты командного состава Туркестанского округа свидетельствуют о большом размахе деятельности Асхабадской военной организации, распространившей свое влияние на все гарнизоны Закаспийской области. В ней совместно работали социал-демократы и эсеры. В начале 1909 г. руководство организацией перешло к большевикам, поддерживавшим тесный контакт с Бакинским комитетом партии. Однако одна из сходок солдат Асхабадского гарнизона была выдана провокатором. 19 апреля 1909 г. было арестовано 67 человек, в том числе руководители организации большевики Вахнин[26] и П. В. Сергеев. Только благодаря стойкости солдат, отрицавших на следствии свою принадлежность к военно-революционной организации, командование округом было вынуждено ограничиться при их наказании строгим арестом и переводом в воинские части других округов[27].

Как видно из документов, хранящихся в ЦГВИА СССР, жестоким репрессиям подвергались социал-демократы, эсеры, а также беспартийные военнослужащие-агитаторы и на территории других военных округов: Иркутского, Кавказского, Казанского, Киевского, Московского, Одесского, Омского, Петербургского[28].

Вместе с тем, как показывают исторические источники, попытки царских властей изолировать армию от революционного народа оказались тщетными. 30 апреля 1907 г. в Лондоне открылся V съезд РСДРП, на котором впервые были

представлены военные организации партии. На съезде в числе других была принята резолюция, в которой признавалось необходимым усилить организационную и агитационную работу в войсках. Центральному комитету было поручено созвать возможно более полную конференцию военных организаций РСДРП и обратить серьезное внимание на издание социал-демократической агитационной литературы для солдат и матросов[29].

В начале 1908 г. при ЦК РСДРП было создано Центральное военное бюро для координации деятельности социал-демократических организаций в армии. Несмотря на полицейские репрессии и противодействие органов военно-окружного управления и военного командования в Петербурге, Москве, Минске, Екатеринославе, Екатеринбурге, Одессе, Риге, Орле, Курске, Николаеве, Чернигове и других городах, большевистские партийные организации издавали листовки, предназначенные для распространения среди солдат и новобранцев. В годы реакции продолжали выходить социал-демократические газеты для солдат и матросов: «Солдатская газета» (Екатеринбург), «Жизнь солдата» (Екатеринослав), «Солдатский листок» (Сибирь) и др. Около 60 групп социал-демократов вели революционную работу более чем в 100 сухопутных частях и на 40 военных кораблях[30].

Таким образом, хранящийся в ЦГВИА СССР комплекс документов военно-окружного управления позволяет сделать вывод о том, что царизму не удалось к началу первой мировой войны 1914—1918 гг. справиться с революционной агитацией и пропагандой в армии. Благодаря революционной работе в войсках заметно выросло классовое сознание солдатских масс, что привело к переходу большинства армии на сторону народа в февральские и октябрьские дни 1917 г.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 113.

[2] См., напр.: Разенблюм К. Военные организации большевиков 1905—1907 гг. М.— Л., 1931; Кораблев Ю. Военная работа петербургских большевиков в революции 1905—1907 гг. М., 1955; Синяков И. Х. Работа большевиков среди солдат и матросов в годы реакции и нового революционного подъема. Л., 1966; Васин И. Армия и революция (Борьба московских большевиков за солдатские массы в трех революциях). М., 1973; Военные организации российского пролетариата и опыт его вооруженной борьбы. 1903—1917. М., 1974; Революционное движение в русской армии в 1917 г. // Сб. статей. М., 1981.

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 11.

[4] Книжка для нижних чинов. Издание штаба Брест-Литовской крепости. Брест-Литовск, 1907. С. 4—5.

[5] Свод военных постановлений 1859 г. Ч. 3. Кн. 1. О внутреннем управлении войск. СПб., 1859. Ст. 246. Прил. 2.

[6] ЦГВИА СССР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 961. Л. 10.

[7] Там же. Ф. 1606. Оп. 3. Д. 1218. Л. 44—45.

[8] Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 295. Л. 7.

[9] Там же. Ф. 1606. Оп. 3. Д. 1226. Л. 28—30.

[10] Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 295. Л. 31—32.

[11] Там же. Ф. 1606. Оп. 3. Д. 1226. Л. 33.

[12] Там же. Д. 1218. Л. 42—42 об.

[13] Там же. Д. 1226. Л. 60—60 об.

[14] Там же. Л. 42—42 об.

[15] Там же. Л. 59.

[16] Приказ по военному ведомству за 1905 год. СПб., 1906. № 769.

[17] ЦГИА СССР. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 151. Л. 1—5.

[18] Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1906 г. Отд. 1. № 204. Ст. 1349.

[19] ЦГВИА СССР. Ф. 1867. Оп. 2. Д. 1906. Л. 51—63, 91—96, 111—112; Д. 1207. Л. 3—6, 21—27, 46, 71—72, 80.

[20] Там же. Д. 1906. Л. 3—7.

[21] Там же. Д. 2502. Л. 2—25, 164—192, 198—199, 241.

[22] Там же. Д. 2148. Л. 4—10, 78—87, 96—97, 122—123.

[23] Там же. Ф. 1964. Оп. 1. Д. 34. Л. 16—17 39—41, 48—52.

[24] Там же. Ф. 1568. Оп. 2. Д. 681. Л. 2—3.

[25] Там же. Л. 6—6 об., 12, 21, 38—45.

[26] Инициалы Вахнина в документах не указаны.

[27] ЦГВИА СССР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 961. Л. 8 об.—9; Ф. 400. Оп. 3. Д. 3234. Л. 14—14 об.

[28] Там же. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 15826. Л. 2—4, 39—50; Ф. 1309. Оп. 1. Д. 351. Л. 29—29 об., 35; Д. 352. Л. 1—1 об., 6—13, 19—20, 26; Д. 443. Л. 3—3 об., 98—100, 123; Д. 634. Л. 1—3; Ф. 1568. Оп. 2. Д. 674. Л. 5—7, 48—48 об., 56, 68—69; Д. 702. Л. 2—2 об., 18—24, 33—34, 36—37; Д. 729. Л. 2—2 об., 24—30; Д. 734. Л. 2—3, 26—34 и др.; Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1908 г. СПб., 1909.

[29] Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы. М., 1963. С. 586.

[30] Синяков И. Х. Указ. соч. С. 12.

Работа с микрофишами в ЦГИА СССР

Страховой фонд Центрального государственного исторического архива СССР включает копии документов, выполненных как на рулонной 35 мм пленке, так и на форматном носителе — микрофишах, полученных с помощью технических средств микрофильмирования «Пентакта».

На стадии экспериментального внедрения нового вида носителя была осуществлена параллельная съемка документов различных по формату, качеству бумаги, красителей и шрифта как на микрофиши, так и на рулонные микрофильмы. Сравнение полученных изображений показало, что качество их в основном идентично. Однако нельзя не отметить, что использование нового вида носителя не сняло прежней проблемы передачи изображения текста, выполненного красным, оранжевым и зеленым красителями, малоконтрастных текстов. Кроме того, для текстов оригиналов, копируемых на микрофишу, предъявляются определенные требования к толщине штриха, минимальному расстоянию между линиями, высоте знаков и букв и т. п. Уже при работе с комплектом опытных микрофиш (негатив, позитив и диазодубликат) стало ясно, что несоблюдение каких-либо параметров этих требований к качеству оригинала ведет к тому, что фонд пользования не может в полной мере реализовать свои функции даже в тех случаях, когда копия для страхового фонда вполне удовлетворительна: большой масштаб уменьшения оригинала на микрофишах крайне затрудняет прочтение нестандартных текстов. Таким образом, совершенно очевидным стал вопрос о специальном подборе документов для съемки на форматном носителе в целях создания полноценного комплекта микрофиш. Отметим, что целевой подбор документов для съемки аппаратом «Пентакта» на первоначальной стадии его внедрения рекомендовали и специалисты НИЦТД СССР[1].

В ЦГИА СССР для копирования на микрофиши выбраны особо ценные документы фонда № 1290 (Центральный статистический комитет МВД). Включенные в страховой фонд копии этих документов, на наш взгляд, соответствуют требованиям, предъявляемым к ним как гарантам обеспечения сохранности документной информации. Но так как и в этом фонде имеются нестандартные тексты, позитивные микрофиши фонда пользования не всегда легко читаются и прежде всего из-за мелкомасштабности изображения.

В ЦГИА СССР значительная часть особо ценных дел, имеющих тексты высокого качества, отвечающие техническим условиям микрофильмирования с помощью «Пентакты», отснята для страхового фонда еще до внедрения этой системы, поэтому в дальнейшем подбор документов конца XVIII — начала XX в. для копирования на форматном носителе представляется сложным ввиду их рассредоточенности по различным фондам.

Более перспективным является, на наш взгляд, копирование на микрофишах графических материалов (карт, планов, чертежей и т. п.). Внедрение в практику ЦГИА СССР микрофильмирования на форматную микропленку А6 позволило широко развернуть работу по созданию страхового фонда на эту категорию материалов.

Относительное решение вопроса подбора документов для копирования с учетом необходимости создания фонда пользования не обеспечило, однако, полного исключения подлинных документов из использования вследствие еще одной причины. Музеи, реставрационные и другие организации, исследователи, желающие иметь фото- или иную полномерную копию для экспонирования или текущей работы не могут получить ее иначе, как при повторном копировании оригинала, так как в Лаборатории микрофильмирования и реставрации документов ЦГА СССР в Ленинграде нет аппаратуры для изготовления подобных копий с микрофиш. Потребители информации, желающие получить копию в виде микроизображения, оказались в затруднительном положении из-за отсутствия у них аппаратуры для чтения микрофиш (напомним, что рулонный микрофильм просматривается даже с помощью обычного диаскопа).

Говоря об использовании, нельзя не остановиться на вопросе технического оснащения архивов аппаратами для чтения микрофиш. Аппарат «Пентакта А-100» не пригоден для постоянной работы в читальном зале: лампы аппарата быстро выходят из строя, размагничивается и сползает каретка для микроформ, требуется постоянная подстройка резкости. Аппарат типа DL=5.2, рекомендуемый специалистами НИЦТД СССР, имеет держатель микроформ, поворачивающийся на 360°, и хорошо регулируемую резкость.

В ЦГИА СССР пока только один такой аппарат, к тому же у него нет комплекта сменных объективов, и проблема чтения мелкомасштабного и неразборчивого текста не решена.

В читальном зале исследователь работает с микрофишами третьего поколения — диазодубликатами. При массовой съемке архивных до-

кументов XIX в. добиться хорошего воспроизведения деталей на этих копиях очень трудно, так как аппаратура для чтения микрофильмов и микрофиш рассчитана на современные стандарты. В свою очередь любое снижение качества копии фонда пользования сказывается на производительности труда. Так, почти незаметное при работе с одной микрофишей незначительное «расплывание» текста существенно утомляет при чтении текста десятков микрофиш. Исходя из этого целесообразным является создание фонда пользования в комплекте, состоящем из 2 позитивов, а не 1 позитива и 1 диазодубликата, как предусмотрено нормативными документами. Кроме того, вопрос о сроках хранения экспонированной диазопленки еще не решен. Диазокопия, по нашему мнению, должна изготавливаться лишь по заказам потребителей информации.

Учет и шифровка страхового фонда на микрофишах в ЦГИА СССР осуществляется согласно «Дополнению к Положению о создании и организации страхового фонда копий особо ценных документов государственных архивов» (М., 1987). За единицу учета принимается комплект микрофиш, отснятых с одного дела. Он, как показывает практика, включает от одной до 40 негативных микрофиш. Как принятая система учета, так и правила съемки на микрофишу только одного дела и составления описи по каждому архивному фонду раздельно, оказались простыми и удобными в работе, в том числе в организации хранения и использования микрофиш. Индекс «СФ» наносится с помощью обычной швейной иглы на кадры 1А и 2А, что не совсем удобно, и потому желательно сконструировать специальное приспособление для этого. Порядок, построения микрофиш соответствует пункту 4.1 указанной методической разработки. Однако при работе с микрофишей формата А6 порядок несколько изменен. Исходя из того, что единица хранения графических материалов чаще всего состоит из 1—5 листов, на одном кадре совмещаются изображения порядкового номера микрофиш, бланка наименования, обложки дела и листа использования. Индекс «СФ» проставляется на поле для поисковых данных. При подготовке документов к съемке на форматную микропленку А6 сотрудники архива составляют специальные карточки, указывая шифр единицы хранения для заполнения поля, предусматриваемого данным форматом для поисковых сведений. Много вопросов вызывало отсутствие в нормативных документах пункта о порядке внесения изменений в микрофиши. В «Дополнение...» такой пункт введен, найденное решение представляется удачным. Следует однако отметить, что наличие микрофиш — дополнений и микрофиш — исправлений должно быть оговорено в описи страхового фонда. Кроме того, если вся единица хранения умещается на одной микрофише, целесообразней, по нашему мнению, ее переснять, а не изготовлять добавочные микрофиши.

Оформление заказов и передача их в лабораторию, подготовка документов к съемке осуществляются в соответствии с правилами, установленными для работы по созданию страхового фонда на рулонной пленке. Следует однако учесть, что масштаб уменьшения при съемке на микрофишах больше, и в целях удобства прочтения нумерации листов при контроле технического состояния микрофиш и их использовании желательно, чтобы номер имел достаточную высоту знака: не менее 7 мм при съемке аппаратом А-110 и 10 мм — аппаратом А-200.

Страховой фонд и фонд пользования на форматном носителе находятся в ЦГИА СССР в помещении, не имеющем кондиционеров, не защищенном полностью от проникновения пыли. Поэтому микрофиши вкладываются не только в конверты, предусмотренные фирмой «Robotron», изготавливающей «Пентакту», но и дополнительно в закрывающийся конверт. Такой конверт удобнее для транспортировки в читальный зал и сводит к минимуму возможность смешивания микрофиш разных единиц хранения. На конвертах проставляется индекс копии («СФ», «П», «Д» или «2П»), год съемки, заполняется специальный штамп с указанием шифра дела, количества микрофиш и кадров, дается информация о доснятых листах. Если единица хранения размещена в нескольких конвертах, указывается их количество. Микрофиши страхового фонда и фонда пользования в ЦГИА СССР хранятся в каталожных шкафах, так как ни шкафов для хранения микрофиш 4МФ, выпускаемых Малаховским опытно-механическим заводом, ни другого специального оборудования в архив не поступало.

Опыт работы с микрофишами в ЦГИА СССР позволяет сделать определенные выводы. Аппаратура типа «Пентакта» предъявляет специальные технические требования к оригиналам, и только их соблюдение гарантирует получение копий отличного качества. Созданный в архиве страховой фонд копий особо ценных документов фондов № 1290 (Центральный статистический комитет МВД), № 1293 (Технико-строительный комитет МВД), № 1399 (карты, планы и чертежи Петербургского сенатского архива) и № 1488 (планы и чертежи гражданской архитектуры) вполне удовлетворителен по качеству. Использование форматного носителя А6 позволяет архиву активно создавать страховой фонд и фонд пользования на графические и другие документы большого формата. Вместе с тем возникла проблема использования микрофиш потребителями информации для получения копий и чтения микрофиш как непосредственно в читальном зале архива, так и вне его. Решение этой проблемы зависит от технического оснащения как лабораторий, занимающихся микрофильмированием, так и непосредственно самих архивов комплектом оборудования, предназначенного для всех видов работ с микрофишами. А для этого должна быть создана стройная, взаимосвязанная система микрофильмирования, учета, размещения, копирования и использования микрофиш.

Г. Е. СОМИНИЧ,
заведующая архивохранилищем

---

[1] Герасимова Э. В., Смирнова Л. И. Применение микрофиш для создания страхового фонда // Советские архивы. 1985. № 6. С. 55.

О комплектовании архивов документами колхозов и совхозов

Перед государственными архивами стоит задача улучшения качественного состава документов, поступающих на государственное хранение. Особо важное значение для создания комплекса документов с наибольшей информационной полнотой при наименьшем физическом объеме приобретает проблема отбора на госхранение документов организаций низового звена, в частности, колхозов и совхозов. В статье обобщаются некоторые данные, полученные в результате работы по составлению перечней дел постоянного хранения колхозов и совхозов Калининской области.

Следует напомнить, что номенклатуры дел учреждений сельского хозяйства 1978 г.[1] предусматривали поступление на государственное хранение 97 видов документов колхозов и 81 — совхозов. Такое решение их составители приняли, руководствуясь стремлением обеспечить максимально полный прием на госхранение документов колхозов и совхозов[2]. На практике годовой раздел описи каждого фондообразователя включал 5—12 дел: протоколы общих собраний и заседаний правления колхоза, приказы директора совхоза по основной деятельности, промфинпланы, годовые отчеты о деятельности колхозов и совхозов, анализы финансово-хозяйственной деятельности, агрономические отчеты и отчеты по животноводству, документы о работе механизированных звеньев, материалы профсоюзных организаций, акты ввода объектов капитального строительства и т. д. Несмотря на казалось бы достаточно однородный состав документов, фонды колхозов и совхозов отличаются значительной «документальной пестротой», и годовые разделы описей представляют собой различные варианты сочетания указанных видов документов.

Осуществляемая в настоящее время целевая комплексная экспертиза ценности фондов учреждений сельского хозяйства показала, что значительное количество документов колхозов и совхозов является дублетным по отношению к документам вышестоящих организаций. Например, в ходе экспертизы ценности документов колхозов и совхозов четырех райгосархивов из 16 150 просмотренных дел намечены к выделению как дублетные 3300. Только в Молоковском райгосархиве из 4340 дел выделено 1160 дублетных. Есть фонды, в которых дублетные документы составляют 50% и более. Стремление сохранить наиболее полный комплекс документов подчас превращается в сознательное сохранение дублетных материалов на разных уровнях управления. Фактически оригинальной документацией, образующейся в деятельности колхозов и совхозов, можно считать протоколы общих собраний, производственных совещаний, заседаний правлений, приказы по основной деятельности. Остальная документация, носящая в целом информационно-отчетный характер, так или иначе отражена или дублирована в документах вышестоящих организаций. Увлечение сбором планово-отчетной документации, которое четко прослеживается в работе архивов, приводит к тому, что на госхранение практически не поступают документы, отражающие социально-психологические и культурно-бытовые отношения, сложившиеся в сельском хозяйстве. Сейчас это положение выправляется, о чем будет сказано ниже.

Исследователи редко обращаются непосредственно к фондам колхозов и совхозов послевоенного периода: за 1976—1985 гг. в госархивах Калининской области было три таких обращения, причем их интересовала история отдельных хозяйств области в 1920—1930 гг. В райгосархивы таких обращений вообще не было. Например, в Калининском райгосархиве шнуровые книги учета семян и шнуровые земельные книги, составляющие более 2 % от общего числа документов колхозов и совхозов, не были затребованы исследователями ни разу с момента поступления на государственное хранение, запросы по ним не выполнялись. Это, конечно, не означает, что информация о деятельности колхозов и совхозов области не используется совсем. Исследователи и работники архивов получают необходимую информацию из документов фондов областного и районных управлений сельского хозяйства, а также фондов органов статистики. Так, в Госархиве Калининской области широко использовались отчеты колхозов и совхозов, поступившие на госхранение в составе фондов облсельхозуправления и облстатуправления.

Повторяемость информации, широкое использование документов учреждений низового звена, поступивших на госхранение в составе фондов вышестоящих организаций, были учтены при решении вопросов комплектования документами учреждений системы Госагропрома СССР. В решении ЦЭПК Главархива РСФСР и ЦЭК Госагропрома РСФСР по составлению отраслевых списков учреждений — источников комплектования госархивов предусмотрен перевод совхозов и колхозов в группу учреждений выборочного приема документов. Предложено сочетать повидовую и групповую формы выборки. Но в данном случае необходимо не только определить форму приема документов, но и их состав, а также создание научно-справочного аппарата к ним. К сожалению, на сегодняшний день эти вопросы нельзя считать решенными окончательно.

В архивных учреждениях области при установлении видов документов колхозов и совхозов, подлежащих приему на госхранение, учтены результаты целевой комплексной экспертизы ценности фондов учреждений сельского хозяйства, в ходе которой изучался весь массив документов по истории сельского хозяйства, что позволило выявить достаточно высокую степень повторяемости информации в системе. Но поскольку с образованием Госагропрома СССР изменилась структура отрасли,

учитывалась возможность влияния этих изменений на процесс документообразования в колхозах и совхозах. Поэтому при работе над перечнем изучались нормативные материалы органов государственной власти и Госагропрома СССР, в том числе новый Устав колхоза. Так же принималась во внимание необходимость формирования целого комплекса документов по истории сельского хозяйства, состоящего из фондов, взаимодополняющих друг друга, в связи с чем изучался состав документов областного агропромышленного комитета и РАПО.

Решением ЭПК архивного отдела все колхозы и совхозы области переведены на повидовой выборочный прием, кроме 40, от которых будет приниматься весь комплекс документов. Таким образом предполагается сочетать повидовую и групповую формы выборочного приема. При определении организаций, сдающих на госхранение полный комплекс документов, было решено в списках источников комплектования каждого райгоргосархива оставлять по одному такому хозяйству. Список колхозов и совхозов сплошного приема был утвержден ЭПК архивного отдела. Каких-либо определенных принципов групповой выборки учреждений сельского хозяйства выработано не было: в одних документы отбирались в связи с интересной историей развития хозяйства, значительными производственными достижениями, в других — в связи с удовлетворительным состоянием делопроизводства, при выборе третьих учитывалась специализация. Выборка в данном случае во многом произвольна, но она не лишена положительных моментов, так как позволяет отойти от отбора на госхранение документов только передовых хозяйств. Количество учреждений сплошного приема, на наш взгляд оптимально, так как позволяет, с одной стороны сохранить число учреждений с высокой степенью повторяемости информации, с другой — группу однородных источников комплектования, на основе изучения которых можно исследовать определенные закономерности развития сельского хозяйства на местах. Возможен и другой вариант: прием полного комплекса документов от всех колхозов и совхозов одного из районов области, остальные же переводятся на повидовой выборочный прием. Данный подход является идеальным при одинаковой их специализации.

Сейчас, применяя повидовой выборочный прием, на госхранение от колхозов предполагается принимать протоколы общих собраний членов колхоза и заседаний правлений, доклады председателя колхоза на общих собраниях (если он формируется в отдельное дело), текстовые отчеты специалистов, содержащих анализ их деятельности, договоры правления колхоза с производственными подразделениями о бригадном, семейном и индивидуальном подряде; от совхозов — приказы директоров по основной деятельности, протоколы производственных совещаний при директорах, текстовые отчеты специалистов, договоры о бригадном, семейном и индивидуальном подрядах. Особое внимание следует обратить на переписку по производственным вопросам, документы профсоюзных организаций и добровольных обществ, а также на предложения, заявления и жалобы трудящихся (особенно, в совхозах, так как в колхозах заявления и жалобы рассматриваются на общих собраниях). При отборе на госхранение этой документации должна проводиться полистная экспертиза ценности, поскольку отдельные документы могут содержать важные сведения о производственной и социальной сферах жизни села.

На наш взгляд, перечисленные виды документов содержат полную, разнообразную и оригинальную информацию о деятельности колхозов и совхозов и в целом отражают производственную и социальную стороны сельской жизни: на общих собраниях обсуждаются практически все вопросы социально-экономического их развития, следовательно, в протоколах общих собраний будут отражены все основные события колхозной жизни.

Указанные документы, содержащие основную информацию о деятельности колхозов и совхозов, могут быть дополнены другой документацией, в частности, планово-отчетной. Несомненно, на госхранение будут приниматься планы, отчеты, договоры о государственных поставках и анализы деятельности колхозов и совхозов, но в фондах вышестоящих организаций, где они представлены достаточно полно. Например, в составе фондов РАПО на госхранение поступят сводные и годовые промфинпланы и отчеты колхозов и совхозов, анализы их финансово-хозяйственной деятельности, годовые лимиты по труду и заработной плате по совхозам, ликвидационные балансы и т. д. Такое решение вызвано существующей практикой: используется планово-отчетная документация, которая содержится в фондах вышестоящих организаций. В связи с этим первоначально предполагалось принимать информационно-отчетную документацию колхозов и совхозов в составе фонда областного агропромышленного комитета, но с конца 1985 г. представление колхозами и совхозами планов и отчетов в областную организацию перестало быть обязательным. Поэтому решено принимать планово-отчетную документацию колхозов и совхозов в составе фондов РАПО. Таким образом, в одном месте будут сконцентрированы первичные и сводные документы об их производственной деятельности. Документы о развитии социалистического соревнования в колхозах и совхозах предполагается принимать в составе фондов райкомов профсоюзов работников агропромышленного комплекса.

На госхранение от колхзов и совхозов не будет приниматься статистическая отчетность (отчеты по кадрам, животноводству, итогах сева, заготовке кормов, апробации посевов, наличии техники), а также некоторая специальная документация (шнуровые земельные книги, книги учета семян, технологические и почвенные карты). Информация, содержащаяся в данных документах, в обобщенном виде представлена в материалах вышестоящих организаций, и также будет поступать на госхранение в составе фондов органов статистики. Например, в фондах местных орга-

нов статистики на госхранение принимаются: заключительные отчеты о сборе урожая, итогах сева, заготовке кормов колхозами и совхозами района; итоги годового учета поголовья скота; планы по закупкам сельскохозяйственных продуктов и пр. В фондах РАПО откладываются: землеустроительные планы, почвенные карты и пояснительные записки к ним; документы о внедрении и освоении севооборотов; структуры посевных площадей хозяйств района; сводные отчеты по апробации посевов; документы почвенных агротехнических и ботанических обследований и др.

Как образцы документирования определенных направлений деятельности эти документы сохранятся в фондах колхозов и совхозов, от которых документы поступают в полном объеме.

Определять виды документов, поступающих на госхранение от колхозов и совхозов, в настоящий момент достаточно сложно в связи со структурными изменениями отрасли, отсутствием перечня документов РАПО. Поэтому предлагаемый перечень документов, по нашему мнению, оптимален при ныне существующей структуре отрасли; с течением времени он может и должен изменяться. К примеру, если сейчас госархивы области не принимают протоколы советов бригад, поскольку вопросы, решаемые ими, носят узко практический характер, то по мере перехода колхозов на полный хозрасчет и самофинансирование, будет возрастать и роль бригады как основной производственной единицы, что должно отразиться и в документации; или же договоры руководства колхозов и совхозов с подразделениями, работающими по подряду (семейному, бригадному, индивидуальному), сейчас рекомендуется принимать в архивы, как позволяющие проследить возникновение и развитие новых форм производственной деятельности; впоследствии они могут утратить научное и практическое значение. Подобных примеров можно привести множество и главное заключается в том, чтобы работники архивов творчески подходили к решению вопросов комплектования, не превращали перечень в догму, а руководствовались им, учитывая конкретные условия.

И в заключение остановимся на фондировании документов учреждений повидового выборочного приема. Фактически от колхозов и совхозов на госхранение ежегодно будут поступать протоколы общих собраний, заседаний правлений и приказы директоров совхозов, другие виды документов могут отсутствовать. В связи с этим предлагается утверждать описи документов колхозов и совхозов один раз в 2—3 года, сохранив документы каждого колхоза (совхоза) как самостоятельные фонды. Но окончательное решение этих вопросов требует дальнейшего изучения документов, возникающих в деятельности учреждений и хозяйств.

О. Г. ЛЕОНТЬЕВА,
старший инспектор архивного отдела

---

[1] Сборник примерных номенклатур дел учреждений, организаций и предприятий системы Министерства сельского хозяйства РСФСР. М., 1978. Ч. 1.

[2] Субботина И. В. Отбор на государственное хранение документальных материалов учреждений сельского хозяйства // Советские архивы. 1968. № 5; Акиньшина А. Е. Критерии и методика отбора на государственное хранение организационно-распорядительной документации учреждений сельского хозяйства // Там же. 1974. № 2; Она же. Системный подход при отборе на государственное хранение организационно-плановой документации учреждений сельского хозяйства // Там же. 1975. № 4; Брожек В. М. Некоторые критерии отбора на государственное хранение документов центральных и местных организаций, учреждений и предприятий сельского хозяйства // Материалы научной конференции по проблемам комплектования документальными источниками госархивов СССР. М., 1976. Ч. 2.

Использование архивных документов Тернопольским облсовпрофом

При Тернопольском областном совете профсоюзов в 1982 г. создан Музей истории рабочего и профсоюзного движения.

Идея выбора нетрадиционной для профсоюзов формы работы возникла в 1978 г. в ходе встречи ветеранов и профсоюзного актива, организованной в рамках мероприятий, посвященных 30-летию образования профсоюзных органов области. Тогда секретариат Тернопольского облсовпрофа поручил инициативной группе профсоюзных работников, в том числе заведующему объединенным архивом В. И. Литвинову, выявить документы за ранний период деятельности облсовпрофа и профсоюзных организаций области. Первые результаты поисков показали перспективу широкого использо-

вания документов. Поэтому облсовпроф принял специальное постановление о создании оргкомиссии, привлечении объединенного архива, ветеранов профдвижения, других работников совета и комитетов профсоюзов для практической работы по выявлению и сбору документов по истории профсоюзного движения. Конечной целью этой работы должно было стать создание музея.

Выявление документов проводилось в партийных и государственных архивах области, в Москве, Киеве, Львове, Житомире и Ровно. В итоге было отобрано около 1 тыс. документов, большая часть которых после изучения была определена для включения в экспозицию музея. После тщательного обсуждения содержания каждого раздела тематико-экспозиционного плана выбирались конкретные документы и материалы, позволяющие наиболее полно и ярко отразить тему.

Музей размещается в здании облсовпрофа; он оборудован техническими средствами, обеспечивающими механизированную смену музейных стендов, демонстрацию кинофильмов и слайдфильмов, магнитную запись мероприятий, проводимых облсовпрофом на его базе.

В 9 разделах экспозиции — большое количество документов и фотографий, свидетельствующих о революционных событиях, социалистических преобразованиях на Тернопольщине, трудовых успехах рабочих и колхозников, создании и деятельности профсоюзных организаций; кроме того здесь представлены материалы личных архивов активных участников и организаторов профсоюзного движения, альбомы с фотографиями и документами, отражающими многогранность профсоюзной работы.

Внимание и интерес к деятельности музея вдохновили его организаторов на собирание материалов, о чем свидетельствует постоянное пополнение экспозиции. По-прежнему активны действия в этом направлении не только заведующего объединенным архивом, но и работников облсовпрофа и комитетов профсоюзов, членов методического совета музея.

Сегодня материалы музея отражают также и происходящие изменения в жизни советского общества.

В музее постоянно оформляются стенды интернациональной дружбы, которые систематически пополняются экспонатами, переданными в дар делегациями и представителями союзных республик, братских стран (Болгарии, Венгрии, ГДР, Кубы, Румынии, ЧССР, Польши и др.)

Составной частью музея стали галерея Героев Социалистического Труда и стенд с портретами лучших профсоюзных активистов области.

Содержание и характер музейных экспозиций дали Тернопольскому облсовпрофу возможность совершенствовать формы и методы организаторской работы. Много усилий в этом направлении прилагает совет музея, который работает в тесном контакте с ветеранами облсовпрофа, профсоюзными курсами, обкомами профсоюзов, участвует в проведении различных массовых мероприятий, профессиональных праздников.

Активно используются материалы музея в учебном процессе областных профсоюзных курсов, которые на его базе проводят занятия во всех учебных группах. Стало традицией ознакомление с историей профсоюзного движения на Тернопольщине лиц, впервые избранных на профсоюзную работу.

Музей проводит и разнообразную пропагандистскую работу: с его участием готовятся выставки на предприятиях, в учебных заведениях. Устраиваются встречи с трудящимися, которые позволяют общественности более глубоко познакомиться с деятельностью профсоюзных организаций, осмыслить ее результаты. Во время проведения пленумов и других мероприятий в музее демонстрируются озвученные слайдфильмы, кадры которых отражают события сегодняшнего дня, имеют критическую направленность. Их тематика тесно увязывается с задачами, поставленными перед профсоюзами, и повесткой дня проводимых мероприятий. Активным помощником музея в таких случаях является областной клуб кинолюбителей. Со времени открытия музея в нем побывали свыше 5 тыс. человек, в том числе профсоюзные работники нашей страны, социалистических стран, делегации из Англии, Дании, Швеции.

Постоянная работа, связанная с пополнением музея новыми документами и материалами, благоприятно отражается на общем состоянии архивного дела в профсоюзных организациях области, способствует своевременному упорядочению документов, обеспечению их сохранности, создает предпосылки для комплектования объединенного архива облсовпрофа документами личного происхождения.

Оправдавшие себя формы и методы деятельности музея используются областным советом профсоюзов как неотъемлемая составная часть комплексой системы улучшения работы с кадрами, как средство придания профсоюзной работе и ее результатам большей гласности.

Секретариат Украинского республиканского совета профсоюзов одобрил опыт работы Тернопольского облсовпрофа по использованию архивных документов и счел необходимым рекомендовать его для практического применения во всех областях республики. Центральный архив ВЦСПС также примет участие в распространении этого положительного опыта.

А. Г. КРАВЧЕНКО,
заместитель заведующего ЦА ВЦСПС,
М. А. КОСТЮК,
заведующая объединенным архивом Укрсовпрофа

Изготовление микрофильмов страхового фонда и фонда пользования на микрофишах

С целью активизации внедрения в работу архивов технических средств микрофильмирования «Пентакта» НИЦТД СССР разработан «Типовой технологический регламент изготовления микрофиш страхового фонда и фонда пользования» (М., 1986).

В регламенте учтены требования государственных стандартов системы «Репрография», опыт работы с микрофишами органов научно-технической информации, ЛМРД в гг. Москве и Ленинграде, ЦГА СССР, а также сведения отечественной и зарубежной литературы.

Регламент разъясняет технологию изготовления микрофильмов страхового фонда и фонда пользования на форматной пленке; определяет схему технологического процесса микрофильмирования с применением «Пентакты», технические требования к микрофишам, технологию съемки, химико-фотографической обработки и копирования, методы и средства контроля качества микрофиш, а также основные требования к оборудованию, правила его подготовки к работе, необходимые для изготовления микрофиш на должном уровне. В качестве справочного материала дана номенклатура технологического оборудования, необходимого для изготовления 1 млн. кадров микрофиш страхового фонда. Подробные сведения о порядке эксплуатации аппаратуры, составляющей комплекс «Пентакта», даны в инструкциях на каждый тип приборов, разработанных и поставляемых фирмой «Robotron», которая ее выпускает.

Для лабораторий и архивов, начинающих или планирующих освоение «Пентакты», в регламенте приведены ориентировочные схемы размещения оборудования и карты оснащения рабочих мест с указанием необходимой площади, освещенности и средств, которыми должно быть оснащено каждое из них.

Микрофиши страхового фонда, предназначенные для постоянного хранения в государственных архивах, снимаются на черно-белую изопанхроматическую галогенидосеребряную пленку типа Микрат (производства кинопроизводственного объединения «Тасма», СССР) или МА-51, М-8 (производства ГДР) методом непосредственного фотографирования документа, т. е. являются негативными микрофишами. Микрофиши фонда пользования изготавливаются в двух вариантах: одна позитивная репрографическая копия на галогенидосеребряной пленке и одна позитивная — на диазопленке. Так как архивы, получившие эти микрофиши, испытывают иногда затруднения в вопросе их назначения, необходимо обратить внимание на следующее. Копия на диазопленке предназначена для непосредственного использования в читальных залах архивов. Изображение на этих микрофишах, состоящее из диазокрасителей, менее долговечно, чем изображение, получаемое на традиционных галогенидосеребряных пленках и состоящее из частичек металлического серебра. Поэтому вторая позитивная микрофиша фонда пользования на галогенидосеребряной пленке предназначена для последующего изготовления с нее диазокопий по заказам исследователей или для замены микрофиш, находившихся в пользовании.

В зависимости от особенностей технологии микрофильмирования архивных документов в регламенте предусмотрено изготовление микрофиш нескольких видов: основная микрофиша, основная микрофиша — продолжение, микрофиша — исправление, микрофиша — дополнение, даны определения этих понятий. Так, основная микрофиша определяется как первая микрофиша, полученная при микрофильмировании дела; микрофиша — продолжение — это все микрофиши следующие за первой, полученные с этого же дела при последовательной съемке; микрофиша — исправление получается при съемке отдельных документов дела, микроизображения которых забракованы или ошибочно получены; микрофиша — дополнение получается при съемке крупноформатных документов, входящих в состав дела, аппаратом А-200. Особо подчеркивается, что на одну микрофишу может быть снято только одно дело. Если количество листов дела превышает количество кадров в микрофише, то его снимают на нескольких микрофишах. Микрофиши, отснятые с одного дела, комплектуются в один конверт.

Регламентом определено, что документы формата А2, А3, А4 как полистно, так и сброшюрованные в дела толщиной до 100 мм, необходимо снимать на микрофильмирующем аппарате «Пентакта» А-110 или А-100. В случае необходимости обеспечить полноту воспроизведения всех элементов большинства документов в делах допускается их расшивка и полистная съемка. К категории таких дел относятся дела толщиной свыше 100 мм, с неудобным переплетом, когда не обеспечивается прижим документов стеклом оригиналодержателя, сформированные из разноформатных документов, такие, в которых часть текста попадает в коре-

шок обложки. При наличии в деле документов, размер которых превышает А2, целесообразно предусмотреть их съемку двумя аппаратами. При этом основными будут микрофиши, полученные на аппарате А-110 или А-100, а дополнительными — на аппарате А-200.

В регламенте даны схема размещения информации на основных микрофишах и микрофишах-продолжениях, а также виды трафаретов для нанесения сведений, характеризующих микрофильм.

Одновременно с регламентом с 1 января 1987 г. вступил в действие ГОСТ 13.1.107 — 86 «Репрография. Микрография. Микрофильмы архивных документов. Общие технические условия». Основным отличием этого стандарта от действовавшего ранее ГОСТ 13.1.106—79 «Репрография. Микрография. Микрофильмы. Технические требования и методы контроля» является то, что он устанавливает различные плотности фона микроизображений для различных категорий документов. В регламенте учтено это требование ГОСТа, поэтому подбор условий экспонирования при съемке микрофильма должен осуществляться таким образом, чтобы оптические плотности эталонов серого цвета тест-оригинала по ГОСТ 13.1.102—79 (взамен ГОСТ 13.1.106 с июня 1987 г.) и фона микроизображения отвечали требованиям ГОСТ 13.1.107—86. В соответствии с новым стандартом для микрофиш МФ-А-6 формата 105×148 мм применяются пленки Микрат МФН (негативная) и Микрат МФП (позитивная). Сравнительная характеристика пленок, приведенная в регламенте, дает возможность подобрать светочувствительный материал, соответствующий особенностям оригиналов.

Основными нормативно-техническими документами, регламентирующими химико-фотографическую обработку форматных пленок для микрофильмирования, являются государственные стандарты, технические условия, которые распространяются на определенный тип пленок и устанавливают: режим и последовательность технологических операций; состав основных обрабатывающих растворов; величины рекомендованных фотографических показателей; методы и периодичность химического и сенситометрического контроля; методы приготовления растворов для обработки пленки.

Химико-фотографическая обработка микрофиш на галогенидосеребряных пленках, осуществляемая в проявочном приборе «Пентакта Е-100, Е-110, Е-120, Е-130» предусматривает применение химикатов следующих классов чистоты — ч. д. а. (чистый для анализа) или х. ч. (химически чистый).

Для обеспечения хорошего качества фиксирования и промывки пленок, оцениваемых по количественному содержанию остаточного тиосульфата натрия и отсутствию солей серебра в фотографическом слое микрофиши, при использовании прибора Е-120 целесообразно провести их повторную промывку. Приборы должны обеспечивать обработку микрофиши без механических повреждений и других дефектов, ведущих к потере информации.

В процессе производства необходимо осуществлять пооперационный контроль качества выполняемых работ и микрофиш. Результаты контроля качества микрофиш, изготовляемых по одному заказу, фиксируются в актах технического состояния, заверяемых подписью контролера, удостоверяющего соответствие качества микрофиш требованиям ГОСТ 13.1.107—86. В каждой лаборатории микрофильмирования в соответствии с регламентом должна быть разработана технологическая записка, учитывающая особенности данного производства.

Ф. А. ГЕДРОВИЧ,
кандидат технических наук,
Э. В. ГЕРАСИМОВА

Награждения

Архивисты Тюменской области: **Елохова Евдокия Федоровна** — заместитель заведующего архивным отделом облисполкома, **Иванцова Галина Ивановна** — заместитель директора облгосархива, **Мурашова Надежда Павловна** — директор Тобольского филиала облгосархива, **Бронникова Светлана Константиновна** — директор Сургутского горгосархива, **Ахметзянова Сакина Искандаровна** — заведующая отделом облгосархива за достигнутые трудовые успехи в развитии архивной службы и улучшении организации документов в делопроизводстве учреждений, организаций и предприятий, входящих в состав Западно-Сибирского территориально-производственного комплекса, награждены медалью «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири».

Президиум Верховного Совета РСФСР за заслуги в области советской культуры и многолетнюю плодотворную работу присвоил почетное звание заслуженного работника культуры РСФСР **Поповой Галине Ильиничне** — начальнику отдела Главархива СССР.

«Хорошие силы гибнут зря...» (письмо Л. А. Куперника к М. М. Стасюлевичу)

Л. А. Куперник (1845—1905 гг.) был одним из самых популярных в России адвокатов.

По убеждениям он был демократом, проникнутым, как он писал о себе, «живым духом борьбы с современным военно-капиталистическим, человеконенавистническим... порядком вещей»[1]. Жандармские власти всегда считали его «сугубо неблагонадежным»: в 1879 г. киевская агентура[2], а с 1898 по 1905 г. особый отдел Департамента полиции надзирали за связями Л. А. Куперника, перлюстрировали его переписку[3].

Так, в 1895 г. жандармы установили, что Л. А. Куперник предлагал средства на издание в Лондоне русской «антиправительственной» газеты «Земский собор» под редакцией С. М. Степняка-Кравчинского[4] (это издание не было организовано из-за трагической гибели Степняка), а в 1904 г. агенты перехватили его письмо от 2 апреля из Киева в Петербург тоже «антиправильственного» содержания к М. М. Стасюлевичу — видному историку и публицисту либерального направления.

Письмо к М. М. Стасюлевичу Л. А. Куперник написал под впечатлением только что полученного в Киеве известия о гибели адмирала С. О. Макарова — 31 марта 1904 г.

Публикацию подготовил **Н. А. Троицкий,** доктор исторических наук.

---

[1] Шепкина-Куперник Т. Л. Дни моей жизни. М., 1928. С. 68.

[2] ЦГИА УССР. Ф. 442. Оп. 829, 1879. Д. 29. Л. 34—35.

[3] ЦГАОР СССР. ДП. 00. 1898 г. Д. 14. Ч. 6. Л. 3 об.; 1900 г. Д. 386. Л. 1, 18, 20—21.

[4] Там же. 1898 г. Д. 14. Ч. 6. Л. 3 об., 8.

2 апреля 1904 г.

Мы находимся под тяжелым впечатлением гибели Макарова. Это и объективно большое несчастье, и субъективно — в смысле морального впечатления — еще большее. Это один из тех случаев, которыми так богата наша история, построенная на «авось, небось и как-нибудь». Незнание, необдуманность, безалаберность всегда и везде приносили нам больший вред, чем злейшие враги. Хорошие силы гибнут зря, а Кирилки[1] спасаются, Гершуни[2] вешают, а Григорьевых[3] милуют. Хоть бы эти военные неудачи повели к крушению режима Второго[4], как севастопольские неудачи сократили режим Первого[5]. Не находите ли Вы как историк большую аналогию между тем, что происходит теперь, и тем, что происходило ровно 50 лет тому назад?[6].

ЦГАОР СССР. ДП. ОО. 1900 г. Д. 386. Л. 20, 21.

---

[1] Великий князь Кирилл Владимирович (1876—1938), двоюродный брат Николая II.

[2] Г. А. Гершуни (1870—1908) — основатель и руководитель Боевой организации социалистов-революционеров — был приговорен 25 февраля 1904 г. Петербургским военно-окружным судом к смертной казни. См.: Дело Гершуни или о т. н. Боевой организации. СПб., 1906.

[3] Судившийся по делу Гершуни эсер Е. К. Григорьев дал показания против революционного подполья и был за это помилован (Мандельштам М. Л. 1905 год в политических процессах. Записки защитника. М., 1931. С. 231—235).

[4] Николай II.

[5] Николай I.

[6] Л. А. Куперник имеет в виду тот факт, что Крымская война 1853—1856 гг. ослабила все устои царизма и ускорила назревание революционной ситуации в России. Такую же роль в 1904—1905 гг. сыграла русско-японская война.

Автограф древнемолдавского книжника XV века из ЦГАДА

В рукописных собраниях библиотек и архивов Советского Союза хранится значительное число памятников славянской книжной культуры, существовавшей на территории Молдавского феодального княжества в XV—XVII вв. Среди них большой интерес представляют рукописи выдающегося книжника и писца из монастыря Нямц монаха Гавриила Урика, являющиеся самыми ранними датированными из дошедших до нас славяно-молдавских книг.

До настоящего времени в науке было известно 20 отдельных рукописей и фрагментов, написанных им в период 1424—1448 гг., из которых 9 находятся в собраниях нашей страны[1]. Недавно румынским исследователем Р. Константинеску была введена в научный оборот еще одна рукопись молдавского книжника. Это Слова Григория Богослова 1413 г. из ЦГАДА (собрание Ф. Ф. Мазурина, № 1494), являющаяся самой древней датированной славянской книгой молдавского происхождения[2]. В своей работе румынский славист также высказал предположение, что одна из уже известных ранее рукописей Гавриила, а именно — фрагмент Сборника 1447 г. (10 листов), находящийся в Музейном собрании отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (фонд № 178, № 923)[3], является частью кодекса другого молдавского писца монаха Касиана, переписавшего его в 1470 г.[4]. Эта рукопись содержит Слова Григория Богослова и также хранится в Музейном собрании отдела рукописей ГБЛ (фонд № 178, № 922)[5].

Однако обнаружение нами нового, неизвестного ранее автографа Гавриила ставит под сомнение это наблюдение румынского ученого.

В составленном недавно описании коллекции ЦГАДА, получившей наименование «Рукописное собрание ЦГАДА» (фонд № 188)[6], под номером 778 значатся 4 листа, названные отрывком какой-то рукописи[7]. Их изучение показывает, что монахом Гавриилом Уриком в 1447 г. была закончена переписка обширного сборника повестей и апокрифов, фрагментами которого и являются указанные выше 10 листов из ГБЛ и 4 листа из ЦГАДА.

Действительно, все 14 листов написаны одним характерным молдавским полууставом Гавриила на бумаге одного формата (29×21 см) с одинаковыми филигранями (ножницы)[8]. Листы имеют одну систему разлиновки и сохранили следы подклейки бумагой в XIX в. При этом порядок их расположения был нарушен, но он восстановим по содержанию и сохранившейся нумерации тетрадей рукописи, проставлявшейся писцом на нижнем поле справа на первом листе и на нижнем поле слева на последнем листе каждой тетради вышеупомянутого кодекса.

Реконструкция последних четырех тетрадей Сборника, в состав которого входили эти 14 листов, представляется следующим образом: из 47-й тетради (она содержала 8 листов) сохранился лишь первый лист (это л. 1 из ЦГАДА); в 48-й тетради (8 листов) утрачен первый лист, за которым следовали 7 сохранившихся (л. 1—7 из ГБЛ); в 49-й тетради (8 листов) утрачены все листы, кроме последнего (л. 2 из ЦГАДА); из 50-тетради (6 листов) сохранились все листы (это л. 3, 4 из ЦГАДА, л. 8—10 из ГБЛ), кроме последнего, видимо, чистого.

Отметим восстанавливаемый при этом состав дошедшей до нас рукописи Гавриила.

Молитвы Варлаама и Иоасафа перед возвращением Варлаама в пустыню (л. 1—1 об. из ЦГАДА). Начало утрачено и молитвы начинаются со слов: «...блуждъшуя обратиль еси и съгрешьшимъ грехы оставилъ еси...».

Григориа Синанитскаго сказание въкратце о раискомъ бытии (л. 1 об. из ЦГАДА). Начало: «Раи сугубь есть, чювестъвный и мыслъный...». Текст обрывается словами: «благовонна бываютъ, а не тлению смръдятъ, яко же ми».

Сказание святыхь въселенскых седмь съборех (л. 1—7 об. из ГБЛ). Начало: «Съборъ великый пръвый. От Възнесениа Христова до пръваго събора, лет 318 ...». Конец утрачен до слов: «... и еще же самую Христову икону».

Рассказ о потопе и Ное (л. 2—4 из ЦГАДА). Без начала со слов: «...онех, 50. наших, 500. онех, 30 наших, 300... «Конец:» ... суть убо от Адама до потопа лет 2262»[9]).

Творение Ездры пророка (л. 4—4 об. из ЦГАДА). Начало: «Аще случится Рождъство Христово в неделя, будет зима растворена...»[10]).

От премудрости Соломоня, како ясти въ вся месяца (л. 4 об. из ЦГАДА, л. 8 из ГБЛ). Начало: «Вкушаи млеко на гладнуя утробу, и врачуется...»

Чин, бываемый празновати святыя избранныя праздникы (л. 8 об.— 10 из ГБЛ).

На обороте последнего сохранившегося листа (л. 10 об. из ГБЛ) неумелой скорописью написан текст жития Ефрема, епископа радовского, который обрывается[11]. Это служит косвенным подтверждением наличия последнего чистого листа при написании рукописи Гавриилом и ныне утраченного. Исходя из числа листов в тетрадях кодекса, можно предполагать, что первоначальный объем рукописи составлял около 400 листов. Возможно, в каком-нибудь хранилище будут найдены остальные фрагменты этого, судя по известной нам его части, интереснейшего памятника славяно-молдавской книжности XV в., принадлежность которого Гавриилу Урику подтверждается и записью писца скорописью в конце рукописи: «Гавриилъ исписа сию книгу в лето 6955» (л. 10 из ГБЛ).

А. Д. ПАСКАЛЬ

---

[1] Наиболее полный их список с указанием литературы помещен в работе: Bogdan Damian P. Paleografia româno-slavă. Tratat si album. Bucuresti, 1978, P. 104—106.

[2] Constantinescu Radu. Texte românesti in arhive străine. Bucureşti., 1977. P. 17—19.

[3] Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1867—1869 гг. М., 1871. С. 25; Музейное собрание рукописей: Описание / Под ред. И. М. Кудрявцева. М., 1961. Т. I. С. 128—129.

[4] Constantinescu Radu. Op. cit. P. 23.

[5] Музейное собрание рукописей: Описание... С. 126—128.

[6] Морозов Б. Н. Новоописанная коллекция «Рукописное собрание ЦГАДА» // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности. Материалы Всесоюзной конференции. Л., 1981. С. 188—197.

[7] Рукописное собрание ЦГАДА. Опись 1. / Под ред. О. Е. Кошелевой и Б. Н. Морозова. М., 1980. С. 273 (машинопись). Пользуемся случаем выразить свою признательность Б. Н. Морозову, обратившему наше внимание на эти листы.

[8] Briquet C. M. Les filigranes. Amsterdam, 1968. Vol. III. Наиболее близок знак № 3664 (1438 г.), а не № 3668 (1496 г.), как определял Р. Константинеску.

[9] Видимо, отрывок из Палеи. Данный текст более краток и имеет существенные отличия от опубликованного. См.: Книга Бытия небеси и земли (палея историческая) с приложением сокращенной палеи русской редакции. Труд Андрея Попова. М., 1881. С. 14—19.

[10] Произведение, известное под названием Колядник, текст которого более краткий по сравнению с опубликованным. См.: Памятники отреченной русской литературы. Собраны и изданы Николаем Тихонравовым. М., 1863. Т. II. С. 378—379.

[11] Он был опубликован: Отчет о занятиях рукописями в библиотеках и других учреждениях Москвы и С.-Петербурга в течение сентября и октября 1896 г. магистранта К. Ф. Радченко. Киев., 1898. С. 118—119. По мнению Р. Константинеску, это произведение представляет собой фальсификацию середины XIX в., произведенную архимандритом Нямецкого монастыря Андронником. См.: Constantinescu Radu. A curios forgery and the conflict between moldovian monks and secular authorities (1854—1873) // Revue Romaine d' Histoire. Bucarest. 1975. XIV. P. 701—705.

Во ВНИИДАД состоялось заседание начно-методической секции ученого совета по проблемам научно-технической и специальной документации.

В сообщении старшего научного сотрудника сектора кинофотофонодокументов института к. и. н. Т. М. Горяевой был поднят ряд вопросов подготовки документального издания «История советской радиожурналистики. Документы. 1917—1945», первого комплексного собрания документов, текстов радиопередач, рецензий, мемуаров и других материалов радиовещания. Работа осуществляется сотрудниками ВНИИДАД, ЦГАОР СССР, ЦГАЗ СССР под руководством кафедры телевидения и радиовещания факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова. Она осветила вопросы организации работы над сборником, обратив особое внимание на творческое содружество различных учреждений, которое обеспечивает высокий теоретический и методический уровень издания, полноту источниковой базы исследования.

Была изложена методика выявления документов, выработанная специально для реконструкции утраченной части документального фонда советской радиожурналистики, отмечены некоторые недостатки в комплектовании государственных архивов документами средств массовой информации и пропаганды: распыленность фондов, недостаточная разработка критериев экспертизы ценности творческих материалов с учетом их особенностей как исторических источников и как произведений звуковой публицистики; отсутствие взаимосвязи в комплектовании ГАФ СССР кинофотофонодокументами и письменной творческой документацией — микрофонными текстами радио- и телепередач; поступление на госхранение звуковых и изобразительных материалов в виде так называемых «вымонтировок», не дающих целостного представления обо всем комплексе выразительных средств радио- и тележурналистики.

Наиболее подробно докладчик остановилась на особенностях журналистского текста как исторического источника, подчеркнув, что именно журналистский текст способен в совокупности с другими видами документов, а в некоторых случаях и на противопоставлении с ними, наиболее точно реализовать авторскую концепцию документального издания. В заключение были изложены основные принципы и методы публикации письменных и звуковых источников радиожурналистики, их археографического оформления и научного комментирования.

При обсуждении доклада заведующий сектором археографии ВНИИДАД к. и. н. О. Ф. Козлов затронул структуру обсуждаемого издания, качество археографического оформления и научно-справочного аппарата. Н. Д. Курносов и Г. Д. Петров (ЦГАЗ СССР) остановились на проблемах издания фонодокументов, проанализировали звуковые публикации, подготовленные ЦГАЗ СССР совместно с Всесоюзной фирмой «Мелодия» в форме грампластинок, а также серии публикаций гибких пластинок в журналах «Кругозор» и «Клуб и художественная самодеятельность». Они отметили, что в будущем архиву необходимо больше внимания уделять научному использованию и публикации фонодокументов, применяя традиционные формы: сборники документов и так называемые «синхронные» издания (грампластинки или компакт-кассеты с текстовыми расшифровками в виде приложений, вкладышей, альбомов или отдельных изданий, имеющих соответствующий научно-справочный аппарат). Архивисты поставили перед ВНИИДАД ряд серьезных теоретических и методических проблем, которые необходимо решить для дальнейшего развития археографии кинофотофонодокументов.

Архивы за рубежом

Из истории Национального архива Кубы

Т. И. Хорхордина

В просторном вестибюле Национального архива Кубы посетителя встречает портрет Хоакина Льявериаса-и-Мартинеса. За последние десятилетия ни на Кубе, ни за рубежом не вышло ни одного серьезного труда по ее истории, в котором с благодарностью не упоминалось бы это имя.

Каждый историк, включая советских специалистов, только после победы революции на Кубе в 1959 г. получивших доступ в Национальный архив и неизменно встречающих там исключительно доброжелательный прием, из рассказов ветеранов кубинской архивистики знает, что без самоотверженного, поистине подвижнического труда Х. Льявериаса не были бы сохранены ценнейшие документы по истории страны. Тем не менее, кроме специалистов, его имя мало известно. Ни строчки не посвятил ему широко известный в нашей стране энциклопедический справочник «Латинская Америка»[1].

Только некоторые историографические обзоры в книгах советских авторов по истории Кубы упоминают имя Х. Льявериаса. Даже на самой Кубе, если не считать скудных биографических сведений, рассеянных по статьям в различного рода специальных периодических изданиях, давно ставших библиографической редкостью, до сих пор не написано его полной, научной биографии. В библиографическом указателе «История Кубы», где помещена краткая биографическая справка о патриархе кубинского архивоведения, неправильно указана дата его кончины (1955 вместо 1956)[2]!

Без определения же роли Х. Льявериаса, практически создавшего современный Национальный архив, нельзя правильно оценить и значение самого Национального архива Кубы, который в 40—50-е годы становится важным центром национальной исторической науки. А без этого в свою очередь обедненной предстанет панорама общественно-политической жизни Кубы в период американского неоколониалистского господства, диктаторских режимов, находившихся в услужении колонизаторов, и борьбы кубинского народа за свое освобождение.

Несмотря на длившееся десятилетиями пренебрежительное отношение со стороны официальных властей, благодаря собственному подвижническому труду и помощи со стороны немногочисленных сотрудников, получавших буквально гроши, Хоакин Льявериас «сумел превратить Национальный архив Кубы в национальную гордость страны». Так писал Оскар Ф. Рего — один из историков-современников и очевидцев работы директора архива. «Документы, которые он собрал и привел в порядок,— продолжил Оскар Ф. Рего,— уже не представляют собой ворох бумаг, неразобранных и гниющих под замками в ящиках и сундуках, как это было до его прихода. Они превратились, по выражению вождя кубинского народа во времена борьбы против испанского колониализма Хосе Марти, в «дрожжи, на которых поднималось тесто истории». Он предоставил эти документы как оружие в руки каждого, кто был по-настоящему озабочен прошлым и судьбами нашей родины. Он придал документам важную роль в общественной жизни Кубы»[3].

Хоакин Льявериас-и-Мартинес (1875—1956) родился в Гаване в достаточно обеспеченной семье. Окончил Гаванский университет, получив два диплома — бакалавра искусств и полиграфиста[4]. Однако свое образование он завершал уже после свержения испанского колониального ига в 1898 г. 1 декабря 1895 г. 19-летний студент сделал свой первый жизненный выбор: он отказался от продолжения учебы в престижном и дорогом учебном заведении, открывавшей перед ним перспективы хорошей карьеры на службе у колонизаторов, и ушел в горы к повстанцам. Там он вступил в ряды «мамби»[5] — борцов за независимую и свободную Кубу, став рядовым солдатом армии Освобождения. Как писал впоследствии один из его друзей, Х. Льявериас сменил «уют домашнего очага и благоустроенную жизнь на ночлег под открытым небом, на голод и лишения, на необходимость сражаться против вооруженных до зубов колонизаторов практически без оружия, с одним только мачете[6] в руках...»[7]. Во время одного из боев Х. Льявериас был захвачен в плен и брошен в мрачную тюрьму «Кабаньяс» в Гаване. Здесь он ждал расстрела в так называемой «яме лаврового дерева» — излюбленном тюремщиками месте казней патриотов. Но родители вымолили (существует предположение, что выкупили) у испанских властей помилование, ссылаясь на молодость сына. Это было похоже на чудо, но его выпустили из переполненной тюрьмы, потребовав только не покидать Гавану до «полного расследования дела». Однако при первой же возможности Хоакин бежал из Гаваны в горы и вновь пришел в ряды «мамби». Здесь он получил звание «капитан армии Освобождения». В рядах победителей вместе с легендарными генералами А. Масео и М. Гомесом вошел он в 1898 г. в Гавану. Но они не знали тогда, что победу у кубинцев украли могущественные северные соседи — США. Вместе с войсками кубинцев-победителей в Гавану вступили американские солдаты, и над городом вместо флага королевской Испании взвился звездно-полосатый флаг США. Повстанческая армия была расформирована, победители были обречены на безнадежные поиски работы в разрушенной войной стране. Перед Х. Льявериасом вновь встал вопрос о выборе дальнейшего жизненного пути. И в 1899 г. он делает свой второй — и на этот раз последний — выбор: он поступает простым писарем в Национальный архив Кубы. Один из первых кубинских историков-патриотов, возглавивший архив после провозглашения республики, Видаль Моралес-и-Моралес так рассказывал впоследствии о знакомстве с Х. Льявериасом: «Однажды ко мне подошел молодой капитан армии Освобождения. «Хочу передать вам все бумаги и документы полка, в котором я воевал»,— сказал он мне. Это было потрясающе! Если бы в каждом полку нашлось хотя бы по одному такому человеку, Куба располагала бы богатейшим и бесценным кладом документов по истории Освободительной войны. «А чем вы собираетесь заняться теперь?» — спросил я капитана.— «Не знаю. Пределом мечтаний для меня было бы заняться изучением прошлого Кубы».— «Ну, так оставайтесь здесь. Здесь вы принесете большую пользу»[8].

Видаль Моралес-и-Моралес оказался провидцем. Польза, которую принес Х. Льявериас архивному делу Кубы, а в более широком смысле — всей исторической науке страны, оказалась действительно огромной. Чтобы уяснить это, нужно представить себе состояние архивного дела на Кубе в начале XX в.

Датой образования Национального архива Кубы считается 28 января 1840 г.— этим днем помечен соответствующий указ королевы Испании. Менялись имена директоров, менялись названия архива, но неизменным оставалось плачевное состояние архивохранилища и документов, находящихся в нем. Обусловлено это было прежде всего полнейшим отсутствием заинтересованности испанских колониальных властей, а затем и американцев,

в сохранении материалов по истории Кубы. Бумаги оседали мертвым грузом в неприспособленных помещениях, штатных сотрудников были считанные единицы, денег из казны выделялось мизерное количество. Допуск к документам исследователей был категорически запрещен. В своей работе «История архивов Кубы»[9] Х. Льявериас привел интереснейший документ, равный которому по цинизму, пожалуй, трудно представить. Когда группа историков обратилась в 1852 г. к испанским властям с просьбой о разрешении воспользоваться архивными фондами для написания истории страны, из канцелярии генерал-губернатора последовал ответ: «Учитывая, что история острова Куба в большей своей части составляется из сведений о правительственных мероприятиях и о методах управления островом с его стороны, а также касающихся отношений с метрополией, полагаем нецелесообразным прямо или косвенно знакомить общественность с некоторыми свидетельствами об этих мерах, которые могут храниться только в архивах. Если бы было дано соответствующее разрешение, избежать этого было бы нельзя. С другой стороны, ныне существующая организация этих архивов не позволяет воспользоваться услугами представителя правительства, который мог бы предоставить только те сведения, которые не считались бы секретными»[10].

Х. Льявериас пишет: «Содержание отказа не нуждается в комментариях, поскольку оно лишний раз свидетельствует о том, какие препятствия возводили испанские власти перед теми исследователями-патриотами, которые намеревались написать объективную историю нашей страны»[11].

Немногочисленные труды по истории заморских колоний, включая Кубу, должны были издаваться только с разрешения колониальных властей и только в том духе, какой диктовался официальными властями испанской метрополии. Впрочем, если бы исследователей и допустили в архив, работать им пришлось в невероятно трудных условиях. Практически отсутствовали сводные описи и каталоги. Сам архив несколько раз менял свое пристанище. Сохранились свидетельства, как осуществлялись эти перевозки: документы просто выбрасывались через окна на улицу, а потом на телегах городских мусорщиков их перевозили на новое место. «Расправлялись» с бумагами и более простым способом: в конце испанского владычества их сдавали в макулатуру на бумажные фабрики. По приблизительным подсчетам 185 ящиков, содержавших 2336 связок бесценных документов с XVII по XIX в., были вывезены с Кубы испанцами только в последний год их господства. Среди них были документы, прямо относящиеся к истории рождения и образования кубинской нации, к истории борьбы народа Кубы за свое освобождение.

Такова в целом была картина, представшая перед Х. Льявериасом сразу же после его прихода в главное архивохранилище страны. 1 января 1899 г. испанцы утратили свое заморское владение, но Куба стала свободной только на бумаге. Молодая республика, не успев родиться, на долгие десятилетия попала в кабалу к новым «хозяевам», принявшимся сразу же насаждать послушные им режимы, предающие и продающие идеалы Освобождения. Так что формальная «смена флагов» мало что изменила в судьбе Национального архива Кубы. Не влияло на нее и то, что архив впервые возглавил кубинец, и то, что были открыты ранее засекреченные фонды, отражавшие борьбу народа за свое освобождение. Быстро сменяющиеся, но одинаково продажные правительства меньше всего интересовались развитием исторической науки — она не сулила быстрых доходов и вдобавок будоражила совесть... По-прежнему архиву выделялись ничтожные суммы на приведение в порядок документов, непрерывно поступающих из закрытых испанских административных учреждений и от частных пожертвователей — бывших участников борьбы за освобождение.

Один из прогрессивных кубинских историков, соратник Х. Льявериаса в многотрудной борьбе за восстановление правды о прошлом кубинского народа, Эмилио Роиг де Леучсенринг так вспоминал в 1957 г. о временах, когда они вместе впервые открыто выступили как представители исторической науки только что родившейся Республики Куба: «Игнорирование государственными органами власти нужд архива с 1902 г. и по настоящее время является абсолютным... Не существует ни одного законоположения, которое устанавливало бы нормы и правила создания архивов, их статус и предоставление соответствующих материальных средств. Ничего официально не делается для сохранения фондов Национального архива... Ничего не делается властями ни для приобретения частных архивов, ни для запрещения продажи или вывоза за границу документов, имеющих огромную историческую ценность... Документы, отнесенные, в соответствии с субъективным мнением или просто по чьему-нибудь капризу, к категории «ненужных», варварски уничтожаются или выбрасываются на помойки...»[12].

Остается только добавить, что Национальный архив в те дни, когда туда впервые пришел Х. Льявериас, и долгие годы спустя располагался в верхних этажах старинного замка, внизу же размещался целый арсенал — пороховые бочки, динамит и проч. В 1906 г. замок был полностью передан армии, а архиву было приказано в 48 часов «очистить помещение» и переехать в ... казармы артиллеристов, построенные из дерева. Здесь он разместился в нескольких галереях, а лучшие помещения по соседству заняли мастерские (оружейная, авторемонтная, столярная и т. д.). Перевязанные связки бумаг годами оставались сваленными на полу, поскольку стеллажи и полки строить было некому и не на что. Предпринявший героические усилия для сохранения архива Видаль Моралес-и-Моралес умер, успев только начать огромную работу по классификации архивных фондов. Именно при нем в 1902 г. начал издаваться «Бюллетень Национального архива», инициатором создания которого и первым редактором стал глава «секции архивов и переписки правительственных учреждений» Х. Льявериас. При всех сменявших друг друга директорах Х. Льявериас почти в полном одиночестве с утра до ночи, переживая материальные лишения, только из самоотверженной любви к отечественной истории, перебирал изъеденные насекомыми и испорченные влагой листки, лично заполнял учетные карточки на каждое дело, составлял описи, каталоги, публиковал их в появлявшихся каждые два месяца бюллетенях. Богатства архивных фондов стали понемногу открываться перед кубинскими историками. Старания и самоотверженность Х. Льявериаса не остались незамеченными властями. «Либеральный» президент Хосе Мигель Гомес, начавший было в 1909—1912 гг. демагогическую кампанию по «очистке» государственного аппарата от мздоимцев и казнокрадов, лично пригласил Х. Льявериаса занять руководящую должность в ... национальном статистическом управлении. Ему была предложена зарплата, вдвое превышающая скромное жалование архивиста. Х. Льявериас наотрез отказался уходить из архива. В это время он был занят составлением многотомного каталога документов Кубинской революционной партии, которую возглавлял Хосе Марти и которая была организатором войны за освобождение Кубы в 1895—1898 гг. И вновь продолжалась напряженная, буквально на износ, работа по разбору бумажных завалов — бесценных документов по истории Кубы. Вот почему даже четверть века спустя как подлинный подарок судьбы вспоминал Х. Льявериас день, когда он узнал о своем назначении на пост директора Национального архива в 1921 г., хотя тем самым ему вменялось в обязанности произвести «полную реорганизацию работы архива в связи с царящим там беспорядком и злоупотреблениями»[13]. Эту весть принес Х. Льявериасу в полночь с 6 на 7 ноября верный его друг и соратник, первый директор Национальной библиотеки Кубы

имени Хосе Марти доктор Д. Фигарола-Канедо. Прибавилось работы, ответственности. Ни того, ни другого он не боялся, хотя некоторые уволенные им нечистые на руку или просто нерадивые служащие, пользуясь личными связями и служебным произволом, царившим при диктаторских режимах, пробовали привлечь его к суду, распускали порочащие его слухи. Он продолжал работать над тем, что оставалось не известным для широкой публики, но высоко ценилось специалистами, над приведением в порядок документов, поступивших за прошедшие десятилетия и продолжающих поступать в Национальный архив. Главное внимание он уделял исполнению давней, выношенной еще в юношеские годы мечты, «собрать воедино все документы, касающиеся важных политических событий в истории Кубы, главным образом событий, приведших к освобождению кубинского народа от испанских колонизаторов. С этой целью был выделен особый фонд документов «Политические дела», который вместе с «Бумагами генерала Ролоффа», «Описями имущества, конфискованного испанскими властями у мятежников», материалами судебных процессов во времена так называемой «Военной комиссии», документами и перепиской делегации (представительства) Кубинской революционной партии в Нью-Йорке (1892—1898), а также материалами, относящимися к сражениям армии Освобождения против испанских колониальных властей, должен был составить сердцевину Национального архива — его Исторический архив[14]. Им были собраны в отдельные фонды и научно каталогизированы сотни тысяч дел, распределенных между двумя секциями — административной и юридической. Административная секция включала в себя разделы «история», «экономика» и «прочие документы». О разнообразии и богатстве этих разделов можно судить по названиям некоторых дел. Под шифром «история» хранились «Переписка капитанов — генералов и других представителей властей на острове Куба, начиная с 1717 г.», «Королевские указы и распоряжения», «Гражданское правительство г. Гаваны», «Революционное правительство 1895—1898 годов» и т. д. В юридической секции имелись, в свою очередь, два основных раздела: гражданские процессы и уголовные процессы. Каталоги этих секций регулярно публиковались в «Бюллетене Национального архива», что позволяло вводить в научный оборот все новые и новые документы и, в конечном счете, открывать подлинную историю кубинского народа, освобождая ее от искажений и подтасовок, практиковавшихся официальной «наукой» в период испанского владычества. Признанием заслуг Х. Льявериаса в архивном деле явилось проведение в 1942 г. в Гаване под его председательством Первого международного конгресса библиотекарей, архивистов и хранителей музеев стран Карибского бассейна. Вопреки ожесточенному, порой доходившему до истерик, сопротивлению ряда делегатов, представлявших частные собрания и коллекции, Х. Льявериас, Э. Роиг и некоторые другие добились включения в число документов конгресса резолюции, провозглашающей, что «любая книга, документ или другой объект, имеющий художественную или историческую ценность, должны быть доступны для народа»[15].

В том же 1942 г., уже будучи действительным членом Академии истории Кубы, Хоакин Льявериас вступил в Кубинское общество исторических и международных исследований, объединявшее прогрессивных ученых. Он принял самое деятельное участие в работе ежегодных конгрессов историков, созываемых этим обществом. Здесь вырабатывались новые концепции и взгляды, утверждавшие патриотические основы для написания работ по истории Кубы. Характерно, что именно ему была оказана честь быть президентом V конгресса историков (1946 г.), где он выступил с речью: «Вклад Национального архива в устранение неясностей в истории Кубы». В ней он сформулировал свое кредо ученого: «... современный

историк должен знать всю опубликованную по его теме исследования литературу, чтобы уяснить для себя степень ее изученности и не повторять того, что уже было сказано... но потом ему абсолютно необходимо — это совершенно обязательное условие! — воспользоваться источниками, в которых содержатся прямые или косвенные свидетельства об исторических событиях. Эти источники он найдет только в делах архивохранилищ»[16]. Выступавший с заключительным словом молодой талантливый ученый Карлос Рафаэль Родригес (12 лет спустя он будет представлять Коммунистическую партию Кубы в рядах повстанцев-революционеров, возглавляемых Ф. Кастро, в горах Сьерра-Маэстра; после Революции 1959 г. станет крупным партийным и государственным деятелем страны) так охарактеризовал роль Х. Льявериаса на этом конгрессе: «После того, как он сам участвовал в выработке истории нашей родины и сам писал об этом, директор архива посвятил себя тому, чтобы сохранить эту историю здесь, в Национальном архиве. Он сумел превратить его из заброшенного склада, где история лежит никому не нужным грузом, в неиссякаемый источник знаний, которым может воспользоваться каждый ученый»[17].

К началу 40-х годов Национальный архив превратился в образцовое по организации архивной работы учреждение, его постоянно посещали иностранные делегации и отдельные ученые, не говоря уже о представителях молодой науки и культуры Кубы.

Демонстрируя им образцовый порядок в каталогах и инвентарных описях, в разобранных документах, отнесенных к той или иной коллекции или тому или иному фонду, Х. Льявериас обращал их внимание на неприспособленность помещения, на нехватку стеллажей, на отсутствие материалов для переплетных работ, на необходимость приобретения копировальной техники и т. п. Его поддержала печать, тем более, что в 1940 г. исполнилось 100 лет со дня образования Национального архива. Выражая общее настроение прогрессивной общественности Кубы, Э. Роиг де Леучсенринг впоследствии сказал, что борьба за строительство нового здания для Национального архива, завершившаяся принятием соответствующего закона в мае 1942 г., «была примером прекрасного сражения, которое велось на протяжении 40 лет существования Республики Куба во имя культуры против равнодушия и даже прямой враждебности со стороны официальных властей. Эта победа явилась результатом неустанных трудов прежде всего самого директора архива, выдающегося патриота и революционера, капитана армии Освобождения Хоакина Льявериаса, который опирался на поддержку группы его друзей и единомышленников... Все мы как патриоты испытывали чувство страдания, наблюдая позорную картину, которая предстала перед соотечественниками и иностранными гостями, когда они сталкивались с чудовищной карикатурой: библиотека, архив и музей. У всех у нас болела душа, когда мы думали о том невосполнимом ущербе, который наносит ученым, исследователям и всему народу в целом отсутствие в таких необходимых центрах культуры, науки и образования условий, позволивших бы им нормально функционировать»[18].

В разработке планов строительства здания, специально предназначенного под архивохранилище, Х. Льявериас принимал самое активное участие. Он изучил достоинства и недостатки многих существовавших к тому времени в мире зданий, где размещались архивы, стремясь учесть условия, которые предъявлялись тропическим климатом, наличием циклонов, проливных дождей и прочих стихийных бедствий, причинявших в прошлом кубинским архивам огромный ущерб. Он лично рисовал схемы стеллажей для столяров, выписывал названия аппаратов для фотокопирования из рекламных проспектов, разрабатывал систему пожарной охраны. Как писал Э. Роиг, «для него не было мелочей,— он строил... свой родной дом»[19].

А деньги собирались буквально повсюду, к выделенным казной средствам прибавлялись частные пожертвования, была организована специальная подписка в фонд архива, продажа особого выпуска марок, разыгрывались лотерейные билеты. В результате в 1944 г. Куба получила великолепный подарок — новое здание Национального архива. Теперь X. Льявериас получил возможность широко открыть двери для всех, кто интересовался прошлым Кубы. Здесь он организовал специальные курсы архивоведения, сам читал лекции, память о которых до сих пор хранят старейшие сотрудники современного Национального архива[20]. Здание архива, расположенное в старой Гаване, является лучшим памятником Хоакину Льявериасу... Однако его деятельность не ограничивалась только организационными рамками. И перешагнув 70-летний рубеж своей жизни, X. Льявериас почти каждый год публиковал блестящие работы по истории своей страны, основанные на тщательном изучении архивного материала. Практически все они публиковались в «Бюллетене Национального архива» или выходили отдельными изданиями в сериях «Публикации Академии истории Кубы» и «Тетради по истории Гаваны»[21]. Кроме того, в «Бюллетене...» начиная с 1916 г. и до последних лет своей жизни, он опубликовал десятки заметок и коротких статей, посвященных истории кубинской периодической печати.

Однако главным литературным трудом X. Льявериаса стала «История архивов Кубы», вышедшая двумя изданиями: в 1912 г. и затем, в дополненном и переработанном виде, в 1949 г. Очень трудно найти во всей исторической литературе книгу, сходную с ней по жанру и стилевым особенностям. Она представляет собой сочетание исповеди патриота, безгранично преданного архивистике и истории Кубы, со строго научным изложением трудного процесса образования Национального и других архивов страны. Перечни описей и каталоги фондов, которые X. Льявериас приводит в своей книге, полные, без купюр, публикации документов и материалов на ее страницах, делают ее своеобразным путеводителем по архиву, а разделы, рассказывающие о трудных для архива временах, вызывают ассоциации с судебными обвинительными актами. На первой странице первого издания этой книги X. Льявериас поместил лаконичное, но такое красноречивое посвящение: «Кубе — скромное свидетельство искреннего почитания. Автор».

X. Льявериас заслужил право на это посвящение всей своей жизнью.

---

[1] Латинская Америка. Энциклопедический справочник: В 2 т. М., 1982.

[2] Historia de Cuba. Bibliografía. La Habana, 1970. P. 399.

[3] Rego Oscar F. El Archivo Nacional, una institución funcional que es orgullo de Cuba // Alerta. La Habana. 12 de marzo de 1956.

[4] Santovenía Emeterio S. Elogio del Capitán Joaquín Llaverias y Martínez. La Habana, 1957. P. 8.

[5] Мамби — [исп. mambí, mambices], наименование, данное испанцами повстанцам Санто-Доминго, а затем кубинским патриотам — участникам национально-освободительной борьбы против колониального гнета // Латинская Америка. Энциклопедический справочник. М., 1982. Т. 2. С. 154.

[6] Мачете — большой широкий нож, которым пользуются кубинские крестьяне для рубки сахарного тростника. В армии Освобождения мачете был распространенным видом оружия.

[7] Homenaje de la Sociedad Colombista Panamericana al Capitán J. Llaverías... Con motivo de cumplir 25 años contínuos como Director del Archivo Nacional de Cuba. La Habana, 1947. P. 5.

[8] Alvarez Gallego G. Hacia la futura escuela de investigaciones // Alerta. La Habana. 21 de marzo de 1955.

[9] Llaverías J. Historia de los Archivos de Cuba. La Habana. 1-ra ed. 1912; 2-da ed. 1949.

[10] См.: Llaverías J. Op. cit. 2-da ed. P. 64.

[11] Ibid. P. 64.

[12] Roig de Leuchsenring E. Joaquín Llaverías, libertador, historiografo y taumaturgo del Archivo Nacional. La Habana, 1957. P. 13—14.

[13] Homenaje de la Sociedad Colombista Panamericana al Capitán J. Llaverías... P. 20.

[14] Llaverías J. Op. cit. 2-da ed. P. 306.

[15] Roig de Leuchsenring E. Op. cit. P. 60.

[16] Un lustro de revaloración historica:

V Congreso Nacional de Historia. Discursos y acuerdos. La Habana, 1947. P. 74.

[17] Ibid. P. 97.

[18] Roig de Leuchsenring E. Op. cit. P. 51—52.

[19] Ibid. P. 53.

[20] Эти лекции были впоследствии собраны в книге: Curso oficial de Arquivonomia. Consejo Permanente de los Archivos de la República de Cuba. La Habana, 1945.

[21] См., напр.: Inventario General del Archivo de la Delegación del Partido Revolucionario Cubano en Nueva York, 1892—1898. La Habana, 1921. T. 1. (Publicaciones del Archivo Nacional de Cuba); Recopilación de las Actas de las Asambleas de Representantes y del Consejo de Gobierno durante la Guerra de Independencia. T. I—IV. 1895—1898. La Habana, 1928—1934. (Publicaciones de la Academia de Historia de Cuba) и др.

Советские архивисты в ФРГ

Со 2 по 11 мая 1988 г. в ФРГ по приглашению президента Федерального архива ФРГ Г. Боомса находилась делегация Главного архивного управления при Совете Министров СССР в составе начальника Главархива СССР Ф. М. Ваганова и начальника отдела внешних сношений В. П. Тарасова.

Делегация ознакомилась с опытом работы некоторых архивных учреждений этой страны, главным образом Федерального архива, который был создан в 1952 г. в г. Кобленце. В 1986 г. построено новое здание архива, учитывающее современные достижения научно-технического прогресса. Федеральным архивом решаются вопросы, связанные с делопроизводством и хранением документов федерального правительства. Федеральный архив не осуществляет организационное или методическое руководство другими госархивами, хотя отдельные принципиальные вопросы обсуждаются и решаются государственными архивами с ним совместно. Деятельность местных архивов контролируется лишь в пределах земель. В различных землях госархивы подчинены различным ведомствам. Федеральный архив подчинен отделу культуры МВД ФРГ. Вопросы, связанные с деятельностью госархивов, решаются на конференциях референтов, координирующих вопросы архивного дела в пределах земель. Актуальные вопросы по архивному делу рассматриваются Союзом архивистов ФРГ (председатель — Г. Румшёттель).

В ходе переговоров советской делегации с руководством Федерального архива ФРГ были согласованы основные положения возможного соглашения о сотрудничестве между Главным архивным управлением при Совете Министров СССР и Федеральным архивом ФРГ.

Большое внимание в течение всей поездки было уделено вопросам возвращения в Советский Союз материалов Таллинского городского архива, вывезенных фашистами в 1944 г. в Германию и хранящихся в Федеральном архиве ФРГ (10 тыс. дел), а также получению из СССР архивных материалов ганзейских городов Бремена, Гамбурга и Любека, хранящихся в Центральном государственном архиве древних актов (36 тыс. дел).

Эти вопросы были обсуждены во время беседы со статс-секретарем МВД ФРГ Ф. Кроппен-Штедтом, в которой приняли участие заведующий отделом культуры МИД ФРГ Б. Витте, заведующий отделом культуры МВД ФРГ З. фон Кекритц и президент Федерального архива ФРГ Г. Боомс. Западногерманские представители поставили ряд вопросов: о доступе западногерманских исследователей к документам Таллинского архива после их передачи в СССР, о возможности получения копий документов из этого архива, о доступе западногерманских исследователей к той части материалов, которая осталась в Таллине, и микрофильмировании этих документов для исследователей ФРГ. Ф. М. Ваганов напомнил, что страны — члены Международного совета архивов обязаны руководствоваться принципом, в соответствии с которым документы должны храниться там, где они были созданы. Он проинформировал собеседников о том, что архивы Советского Союза открыты как для советских, так и зарубежных исследователей. После возвраще-

ния в СССР Таллинского архива его материалы также будут доступны для широкого использования. Это относится и к предоставлению копий документов. Что касается копирования документов, оставшихся в Таллине, то этот вопрос требует дополнительного изучения, поскольку ранее не возникал и не имеет непосредственной связи с вопросом о возвращении Таллинского архива. Вместе с тем его можно решить только на взаимной основе. Кроме того, было сказано, что возвращение в СССР Таллинского архива будет способствовать решению вопроса о передаче в ФРГ материалов ганзейских городов.

Эти же вопросы были обсуждены в ходе бесед делегации с депутатом бундестага ФРГ от земли Бремен К. Нойманом (ХДС), министрами культов земли Северный Рейн-Вестфалия Г. Швиром и земли Рейнланд-Пфальц Г. Гёльтером, с бургомистром г. Бонна, а также с сенатором по вопросам культуры г. Любека Г. Лундом и представителями архивов Бремена, Гамбурга и Любека. В городах Кобленце и Любеке члены делегации ответили на вопросы представителей средств массовой информации.

В целом, проведенные переговоры позволили продвинуться вперед в решении вопросов, представляющих взаимный интерес.

Алжирские архивисты в Советском Союзе

В Советском Союзе с 19 по 27 мая 1988 г. в соответствии с планом культурных связей СССР с зарубежными странами на 1988 г. находилась делегация Генеральной дирекции архивов Алжирской Народной Демократической Республики в составе исполняющего обязанности заместителя генерального директора А. Аммура, научных исследователей дирекции А. Герби, С. Забар и сотрудника дирекции X. Сари.

Делегация была принята первым заместителем начальника Главархива СССР Е. М. Кожевниковым, который ознакомил алжирских архивистов с организацией и основными направлениями развития архивного дела в СССР, с процессом перестройки. Начальник отдела внешних сношений В. П. Тарасов рассказал о международных связях советских архивных учреждений с архивными организациями зарубежных стран.

Алжирские представители ознакомились с работой некоторых отделов Главархива СССР.

Во время заключительной беседы у Е. М. Кожевникова алжирские архивисты рассказали об изменениях, происходящих в структуре архивной службы своей страны. Согласно декрету президента республики была создана Генеральная дирекция архивов, на которую возложено руководство Национальным архивом Алжира и 48 дирекциями архивов вилайя (областей). Национальный архив Алжира имеет как юридическую, так и финансовую самостоятельность и насчитывает 120—130 сотрудников, включая технический персонал. Первоначальный штат Генеральной дирекции предусматривается в 40—50 человек с возможным его увеличением. В Генеральной дирекции предполагается создать три основных дирекции: 1) по стандартам и архивной технике; 2) по проведению инспекций и по информации и 3) по внешним связям. Рассматривается создание ряда секторов и отделов.

Во время беседы были также затронуты вопросы подписания протокола о сотрудничестве между архивными учреждениями двух стран; решено подписать протокол во время предстоящей поездки советской делегации в Алжир.

Алжирская сторона обратилась с просьбой об оказании ей помощи в подготовке специалистов по архивному делу и в техническом оснащении архивов. Были поставлены вопросы о возможности командирования совет-

ских специалистов в Алжир для прочтения там курса лекций и стажировки алжирских специалистов в советских архивах и реставрационных мастерских. Изучался вопрос о проведении совместных семинаров.

Использование документов архивов ФРГ

В 1980 г. в ФРГ издано распоряжение Министерства культов земли Северный Рейн-Вестфалия «Об использовании документов государственных архивов»[1], в котором излагаются основные цели и виды использования архивных документов. В распоряжении указано, что архивные документы могут использоваться: для служебных целей, научного исследования, подготовки публикаций, выступлений по радио и телевидению, обеспечения социально-правовых запросов граждан. Использование архивных документов Федерального архива и земельных архивов может проводиться в интересах лиц, пострадавших в результате нацистского преследования, эвакуации, бомбежек и т. д.

В федеральном архивном законе об использовании архивных документов, принятом бундестагом в 1988 г.,[2] говорится, что каждый гражданин имеет право пользоваться архивными документами федерального значения через 30 лет после их создания в служебных, научных и публикационных целях, соблюдая правовые интересы личности. Если федеральные материалы отмечены в секретной инструкции, то пользование ими разрешается через 80 лет после их издания. Ограничительный срок в 30 лет может быть уменьшен, если использование предназначено для научно-исследовательских целей при условии обеспечения секретности документов и соблюдения различных мер по охране интересов владельцев. Этот же срок в случае необходимости может быть увеличен максимум на 30 лет. Уменьшение или увеличение ограничительного срока регламентируют сами учреждения[3].

Порядок пользования документами одинаков во всех архивах. Разрешение выдает архив.

Некоторое представление о масштабе работы по организации использования архивных материалов дают сведения, касающиеся Федерального архива, который с конца 50-х годов значительно расширил использование своих документов в научных целях и стал крупным международным исследовательским центром. В период с 1965 по 1975 г. Федеральный архив удовлетворил 3946 заявок исследователей.

Наиболее распространенными формами организации использования материалов являются выставки, экскурсии и публикационная деятельность архивов ФРГ. Например, тема «Архивные выставки» обсуждалась на 45-м дне западногерманских архивов в Киле[4]. В рамках дискуссии было высказано несколько точек зрения на систему организации выставок как форму использования. Баварские архивисты считают, что выставка должна формироваться только из подлинников и проводиться в самом архиве для специалистов. Представители гессенских архивов и Федерального архива придерживаются мнения, что главная задача выставки — доступность документов для общественности.

Дни открытых дверей, постоянно действующие и передвижные выставки проводят все государственные архивы ФРГ. С 1961 г. в рамках ежегодных гессенских празднеств открываются выставки исторических документов из архивов земли Гессен, которые демонстрируются почти во всех городах земли. Они имеют большой успех у общественности. Так, выставку «Крестьянская война 1525 г.» посетили 3500 человек.

Экспозиции обычно устраиваются в выставочном зале или вестибюле архива, иногда в музеях, библиотеках, других государственных учреждениях или на частных предприятиях. Экспонаты выставок часто меняются. Наряду с традиционными документами демонстрируются черно-белые и цветные фотографии, размещенные на легких металлических конструкциях. Часто выставка дополняется показом фильмов и диапозитивов. Вместе с документами государственных архивов используются материалы коммунальных и городских архивов, а также собрания и коллекции музеев и библиотек. К каждой выставке публикуется каталог.

Помимо организации выставок в практику работы государственных архивов вошли семинары и встречи с учеными, представителями литературы и искусства, на которых проводится обмен мнением о результатах их исследований. Интересен опыт сотрудничества государственных архивов с гимназиями и университетами. Учащиеся и студенты в работе над конкретной темой используют архивные документы. Для них проводятся экскурсии в архивы. Государственные архивы земель принимают участие в подготовке публикаций исторических документов в журналах «Дер Архивар» и «Архивалише цайтшрифт», ежегодниках по истории земель, информационных бюллетенях, издают перечни, путеводители, краткие справочники по фондам архивов и каталоги выставок.

Т. В. БЕЛОВА, К. Г. ЧЕРНЕНКОВ

---

[1] Archivgesetzgebung der BRD. Archiwum 1982. Vol. 28. P. 159.

[2] Gesetz über die Sicherung und Nutzung von Archivgut des Bundes // Bundesgesetzblatt. 1988. Teil 1. N 2. S. 62—65.

[3] Ritter J. Erfahrungen «bei der Bewältigung der Vergangenheit». Die private und amtliche Benutzung von Archivalien //Aus der Arbeit des Bundesarchivs. 1977. S. 218.

[4] Eckhart G. Franz. Archive im Dienst der Öffentlichkeit. Die Wanderausstellungen der Hessischen Staatsarchive // Arshives et bibliotheques de Belgique. 1986. B. LII. N 1—2. S. 175.

Критика и библиография

Кирьянов Ю. И. **Переход к массовой политической борьбе. Рабочий класс накануне первой российской революции.** М., «Наука», 1987. 239 с. Тираж 1850.

Монография вносит заметный вклад в изучение истории рабочего класса России кануна первой российской революции. В ней комплексно исследуются вопросы, связанные с развитием форм организации и борьбы рабочих, деятельностью революционной социал-демократии по политическому просвещению и воспитанию рабочих, становлением пролетариата как гегемона освободительного движения, перемещением центра мирового революционного движения в Россию. Одновременно книга представляет и значительный практический интерес для архивистов, осуществляющих выявление, обобщение и анализ документов для «Хроники рабочего движения в России (1895 — февраль 1917 гг.)» — совместной работы Института истории СССР АН СССР, Главархива СССР, ЦГАОР СССР. Хроника строится на новой методике, значительно отличающейся от принципов, положенных в основу ранее подготовленных работ этого же жанра по рабочему движению в России. Ю. И. Кирьянов один из авторов новой методики сбора сведений и статистического анализа различных форм борьбы пролетариата[1].

На основе широкого круга опубликованных и архивных, в значительной степени впервые вводимых в научный оборот источников, в книге рассматриваются формы массового рабочего движения накануне и в годы третьей революционной ситуации — стачки, демонстрации, собрания, предшественники профсоюзов — кассы борьбы, нелегальные профессиональные организации. Беря на вооружение статистические и математические методы исследования, автор впервые в исторической литературе с достаточной полнотой и конкретностью показал масштабы движения в стране и отдельных ее регионах в 1895—1904 гг. Им обобщен и проанализирован обширный фактический и статистический материал о числе стачек и количестве стачечников, первомайских выступлениях, уличных демонстрациях, количестве и профессиональной принадлежности участвовавших в них рабочих, причинах и географии выступлений.

Автор достаточно глубоко обследовал архивные фонды ряда центральных и областных государственных архивов — ЦГАОР СССР, ЦГИА СССР, ЦГИА УССР в г. Киеве, ЦГИА БССР в г. Минске и др., а также ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, что выгодно отличает рецензируемую работу от предшествующей исследовательской литературы по данной теме[2]. В монографии использованы документы таких крупных архивных фондов, как Департамент полиции МВД, Министерство юстиции, Министерство торговли и промышленности, а также нелегальная литература, документы партийных организаций, фонды истпрофов. Помимо этого привлечены документы розыскных органов самодержавия. Фонды местных охранок, губернских жандармских управлений, полицейских управлений изучены крайне слабо, много документов, хранящихся в них, еще не введены в научный оборот.

Учитывая, что при работе над Хроникой рабочего движения составителям неизбежно придется проводить выявление по этим фондам, отметим, что они могут значительно расширить круг источников по истории рабочего движения на местах и местных партийных организаций. В монографии нет специального раздела, посвященного источниковедческому анализу архивных документов органов царского сыска, установлению их достоверности и полноты в отношении форм борьбы пролетариата и деятельности партийных организаций. Поэтому нам хотелось бы обратить внимание на то, что, например, в полицейских документах сведения о партийных организациях носят зачастую фрагментарный характер, часто связанный с уровнем постановки розыскной работы. В то же время массовое рабочее движение, как правило, полно и достаточно достоверно отражено в них. Это объясняется тем, что кроме чисто репрессивных мер, направленных на подавление стачек и демонстраций, карательным органам вменялось в обязанность строго контролировать настроение в рабочей среде. «Предупреждение» выступлений предполагало усиленное наблюдение за рабочими, их поведением, изучение их требований, вплоть до оказания давления на предпринимателей с целью заставить их пойти на мелкие уступки для предотвращения открытых выступлений пролетариата.

Автор исследует стачечную борьбу и демонстрационное движение. Анализируя данные официальной статистики и материалы ранее изданных хроник рабочего движения, он устанавливает неполноту этих данных и делает справедливый вывод о необходимости уточнения их за счет максимально полного охвата всех имеющихся источников, в том числе архивных, по данной проблеме (с. 19). Несомненной заслугой автора является всестороннее изучение демонстрационного движения, разработка методики подсчета демонстраций (с. 128—129). На основании новой методики автор подготовил хронику демонстра-

ций в России в 1895—1904 гг.[3], в данной монографии провел корреляционный анализ демонстрационного движения с другими формами и проявлениями борьбы пролетариата. В этой же главе не только апробирована методика, но и намечены те проблемы, которые могут быть решены на основе хроники рабочего движения. Например, анализ причин переноса центра мирового революционного процесса в Россию.

В ходе дальнейшей разработки темы было бы целесообразно обратить особое внимание на вопрос о вооруженном отпоре во время демонстраций, о так называемых «вооруженных демонстрациях», исследовать теоретическую разработку вопроса в нелегальной печати, партийных документах, дать статистический анализ подобных демонстраций, выяснить процентное отношение их к прочим демонстрациям, географию, распределение по годам. В советской историографии, в том числе в специальных трудах по военно-боевой работе партии[4], этот вопрос практически не изучен, между тем ему уделял внимание В. И. Ленин[5]. Демонстрационное движение, бесспорно, одна из высших форм борьбы пролетариата, а высшая — это открытое вооруженное выступление против господствующего строя — вооруженное восстание. Так же как и все формы борьбы, эта форма возникает в недрах движения, складывается в годы, когда еще не было объективных предпосылок к открытому вооруженному выступлению.

Таблицы, карты, схемы, приведенные в монографии, составлены по четкой и продуманной схеме, снабжены ссылками на источники, что значительно облегчит работу по дальнейшему уточнению помещенных в них статистических данных.

Научно-справочный аппарат книги включает ссылки на источники, указатели географических названий, профессий, промышленных производств и отраслей народного хозяйства, составлен на высоком научном уровне и помогает пользоваться книгой.

Монография снабжена интересными иллюстрациями, причем некоторые из них — редкие, публикуемые впервые. К их числу относятся, например, первомайские прокламации с элементами художественного оформления, издаваемые нелегальными организациями рисунки-картинки агитационного характера — явление достаточно редкое для нелегальных изданий (с. 45, 49, 145, 147). К сожалению, в книге не указаны места хранения этих уникальных документов. Также следует отметить впервые опубликованную фотографию Одессы в период всеобщей июльской стачки 1903 г.

В целом автор проделал большую исследовательскую работу, которая будет способствовать углублению научной разработки конкретно-исторических и теоретических проблем классовой борьбы. Апробированная им методика может быть рекомендована для выявления документов и анализа аналогичных явлений массового революционного движения.

Б. Ф. ДОДОНОВ,
кандидат исторических наук,
Л. И. ТЮТЮННИК,
кандидат исторических наук

---

[1] См.: Блинов Н. В., Желтова В. П., Иванова Н. А., Кирьянов Ю. И., Пушкарева И. М. О методике составления хроники и статистики рабочего движения в России периода капитализма. (1861 — февраль 1917 г.) // Вопросы истории. 1984. № 11. С. 59—78; Организационные и методические принципы подготовки «Хроники рабочего движения в России 1895 — февраль 1917 гг.» М., 1986.

[2] Одним из пионеров освоения архивных фондов в применении к истории рабочего движения был М. Балабанов, который ввел в научный оборот много важных источников по теме (например, были выявлены документы по теме в фондах Государственного совета, Комитета министров и др.). Однако в его работе не были использованы такие важные архивные фонды, как Министерство юстиции, истпрофы, частично Департамент полиции МВД (не были привлечены материалы 7-го делопроизводства).— См.: Балабанов М. Очерки по истории рабочего класса в России. В 3 ч. М., 1926. Ч. 3 (Капиталистическая Россия). В конце 50-х годов вышла в свет монография П. С. Гусятникова, продолжившего изучение архивных источников по истории массовых форм борьбы пролетариата, но и его исследование далеко не исчерпало всех документальных источников по теме.— См.: Гусятников П. С. Назревание революционного кризиса в России в начале XX века. М., 1959.

[3] Кирьянов Ю. И. Демонстрации рабочих в России в 1901 г. // Рабочее движение в России в период империализма. М., 1982. С. 13—25 (хроника); Он же. Уличные демонстрации рабочих в России в 1902 г. // Рабочие Урала в период капитализма. 1861—1917. Свердловск, 1985. С. 87—100 (хроника); Он же. Демонстрации рабочих в России — одно из средств воздействия пролетариата на другие классы и слои общества (хроника демонстраций в первой половине 1903 г.) // Вопросы гегемонии пролетариата в освободительном движении России периода империализма. М., 1985. С. 128—142.

[4] Военно-боевая работа партии большевиков (1903—1917). М., 1973; Военные организации российского пролетариата и опыт его вооруженной борьбы (1903—1917). М., 1974.

[5] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 250.

РСФСР — фронту. 1941—1945.

Док. и материалы. М., «Советская Россия», 1987. 384 с. Тираж 5000*.

Сборник подготовлен ЦГА РСФСР, ЦГАНХ СССР при участии Главархива РСФСР и Института истории СССР АН СССР. РСФСР была главным арсеналом фронта, ее колхозы и совхозы являлись основными поставщиками сельскохозяйственной продукции для армии и промышленности. Издано 104 сборника

документов о трудовом и боевом вкладе трудящихся многих автономных республик, краев и областей РСФСР[1], но первым обобщающим документальным трудом стало рассматриваемое издание. Составители выполнили большую работу по выявлению, отбору, систематизации и подготовке к печати документов. Из 187 документов, вошедших в издание, 166 (почти 89 %) введены в научный оборот впервые. Они выявлены в 54 фондах 6 архивов, в том числе ЦГА РСФСР (60 документов из 16 фондов), ЦГАОР СССР (57 из 15), ЦГАНХ СССР (45 из 21), ЦГАЛИ СССР (один) и Архива АН СССР (один). Фотодокументы выявлены в ЦГАКФД СССР. Использованы также некоторые документы из газет «Правда», «Медицинский работник», местных сборников.

В издании представлены 25 видов источников. Основное место среди них занимают отчеты (26), докладные записки (25), справки (24), приказы (22), выступления (12), письма-рапорты (10), политдонесения (8), доклады (8), объяснительные записки (7). В сборник включены протоколы, постановления, статьи, циркуляры, обращения, обзоры, сводки, телеграммы, информации, воспоминания, стенограммы совещаний и др.

Документы распределены на три части, каждая из них делится на разделы: первая часть на два раздела, вторая — на три, третья — на четыре, внутри разделов материалы расположены по хронологии. Выбранная структура соответствует целям и задачам издания, однако, на наш взгляд, несколько усложнена систематизация источников в третьей части «Всенародная помощь трудящихся РСФСР фронту», которая делится на 4 раздела, включая всего от 10 до 17 документов. Было бы правильнее иметь два раздела «Всесторонняя помощь фронту» и «Помощь раненым, семьям военнослужащих и инвалидам», объединив 1-й раздел со 2-м, а 3-й с 4-м.

Первая часть (44 документа) «Перестройка экономической и общественно-политической жизни республики на военный лад» отражает перевод народного хозяйства на военные рельсы, перестройку работы советских, государственных и профсоюзных органов в целях мобилизации всех сил и ресурсов на нужды фронта, эвакуацию учреждений, предприятий и населения республики из прифронтовых районов вглубь страны. Здесь представлены главным образом приказы, циркуляры наркоматов РСФСР (легкой, местной и топливной промышленности, земледелия, торговли, здравоохранения, просвещения), отчеты, доклады, докладные и объяснительные записки ЦК отраслевых профсоюзов, наркоматов, трестов, предприятий. Хотя в предисловии и говорится, что подлинным штабом мобилизации сил и средств на разгром врага стал СНК РСФСР, но ни одного его документа в сборнике нет.

Вторая часть «Трудовой подвиг народов России» (89 документов) посвящена вкладу рабочего класса, тружеников деревни, интеллигенции в Победу. Здесь представлены практически все виды документов, имеющиеся в сборнике. Особое внимание в первом разделе уделено работе главных отраслей промышленности, однако, в нем, как в большинстве других разделов, не приводятся обобщающие документы. Второй раздел освещает соревнование работников сельского хозяйства, третий — разработку учеными новых образцов станков, машин, приборов, препаратов, вооружения, военно-шефскую работу работников искусства.

Материалы третьей части (54 документа) рассказывают о всенародном движении за создание фонда обороны и средств для нужд фронта.

Передача текста документов проведена в соответствии с действующими правилами их издания: пропуски отмечены в тексте отточиями, в заголовке — предлогами «из», сохраняется в основном авторский стиль документов, подписи воспроизведены. В связи с тем, что многие документы объемны и многоаспектны по содержанию, большинство их публикуется в извлечении (140 или почти 75 %). Однако с частью купюр трудно согласиться. Например, из некоторых приказов публикуется только констатирующая часть (док. № 26, 50, 56, 63, 72, 73, 81, 109, 159), постановляющая (главным образом, о награждении, премировании) опускается и не используется в примечаниях по содержанию. В ряде случаев отсутствуют делопроизводственные номера приказов, протоколов, постановлений. Имеются случаи, когда составители вместо расшифровки сокращения дают примечание «Так в документе» (с. 32, 271). Некоторые заголовки не точны по содержанию (док. № 84, 97, 106), иногда вид документа смешивается со способом его передачи, так, политдонесения (док. № 33, 52, 138, 155) названы телеграммами. Док. № 112 надо датировать не по времени совещания (13—17 февраля 1945 г.), а по дате принятия обращения или публикации в печати.

Не проверено, публиковались ли ранее обращения передовиков, письма-рапорты Верховному Главнокомандующему, которые, как правило, помещались на страницах центральной, местной и ведомственной печати (док. № 71, 76, 83, 112, 158, 166). Составители проделали кропотливую работу по проверке итоговых цифр в документах, однако исправленные цифры положено воспроизводить не в тексте документов, а в подстрочных примечаниях к ним, так как возможны опечатки в отдельных графах таблицы (док. № 132, 141, 168).

Издание имеет тщательно подготовленный научно-справочный аппарат, который является важным информационным дополнением к документам: предисловие, примечания по тексту и содержанию, географический указатель, список сокращенных слов, оглавление. В предисловии даются обоснование структуры сборника, методики отбора и подготовки документов к печати, отмечены разделы, подготовленные каждым составителем. Самой положительной оценки заслуживают примечания по содержанию (102 на 187 документов, объемом свыше 2 печ. л.). В них приводится большое количество новых фактических данных, которые значительно расширяют содержание публикуемых источников. В примечаниях использованы опубликованные и архивные материалы (по нашим подсчетам, не менее 130 архивных документов). К сожалению, отсутствуют именной указатель и перечень публикуемых документов, что затрудняет эффективность их использования читателями. Сборник иллюстрирован 24 фотографиями, большая часть из которых публикуется впервые (однако поисковые данные к ним отсутствуют).

Но в целом сборник производит положительное впечатление и представляет несомненный интерес не только для пропагандистов, преподавателей, студентов, но и для исследователей.

Рассматриваемое издание, как совершенно справедливо говорится в предисловии, лишь частично компенсирует весьма ощутимый недостаток в документальных публикациях. В сборнике не затрагиваются боевые действия, вопросы восстановления народного хозяйства, партизанского движения, создания народного ополчения и истребительных отрядов и многое другое. Да и взятые вопросы освещены в силу ограниченного объема издания[2] (22 печ. л.) весьма кратко. Поэтому возникает настоятельная необходимость в подготовке многотомного фундаментального сборника документов о боевом и трудовом вкладе трудящихся РСФСР в Победу объединенными усилиями Института истории СССР АН СССР, Института военной истории Министерства обороны СССР, ИМЛ при ЦК КПСС, Главархива СССР, ЦГАНХ СССР, ЦГАОР СССР, ЦГА РСФСР, Центрального архива МО СССР, ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, Архива АН СССР и других заинтересованных ведомств и учреждений с тем, чтобы первый том вышел к 50-летию начала войны, а последний — к 50-летию Великой Победы.

И. И. КУДРЯВЦЕВ,
кандидат исторических наук

---

* Составители: Н. П. Беликова (отв. составитель), Л. Е. Ефанова, М. И. Кулькова, О. А. Негинская, В. М. Осин. Редакционная коллегия: Е. Ф. Сопин (главный редактор), Н. П. Беликова, В. Г. Комлев, Г. А. Куманев, Н. М. Хвостенкова, Ф. И. Шаронов (зам. главного редактора). Научный редактор — доктор исторических наук А. Д. Колесник.

[1] Подробнее см.: Кудрявцев И. И. Документальные публикации по истории Великой Отечественной войны // Экспресс-информация. Архивоведение, археография. М., 1986. С. 4.

[2] Ср., напр., сб. документов «Советская Украина в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945» вышел в 3-х томах общим объемом свыше 150 печ. л. и двумя изданиями (Киев, 1980, 1985); «Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945» в 2-х томах объемом более 96 печ. л. (Алма-Ата, 1964—1967) и др.

Новикова А. **Молчаливые собеседники.** М., «Молодая гвардия», 1987. 207 с. Тираж 50 000; Савинова Р. **Автографы с архивной полки.** Ярославль, Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1987. 192 с. Тираж 5000.

Рецензируемые книги написаны известными историками-архивистами. В их основе — обобщение материалов каждодневной работы в архиве.

Книги отличаются одна от другой манерой подачи материала (А. А. Новикова главное внимание уделяет публикации документов) и отбором его: в одной книге речь идет о документах личных фондов, в другой преимущественно о документах, отложившихся в официальном делопроизводстве.

Книга заслуженного работника культуры РСФСР А. А. Новиковой — инициатора собирания и популяризации материалов личных фондов в ЦГАНХ СССР — своеобразный отчет о работе архива в этом направлении, напутствие другим хранилищам, особенно важное сейчас, когда, наконец, стало обращаться должное внимание на человеческий фактор в истории. Основа книги — подлинные документы из личных архивов наших современников. Публикации (полностью или фрагменты) сопровождаются живо написанными предисловиями, «связками», объясняющими текст, примечаниями, в том числе археографическими, делающими это популярное издание ценным источником и для научной работы. Материал умело организован, разделы удачно озаглавлены. Однако содержание публикаций и даже заголовки не отражены в оглавлении (об этом читаем лишь в предисловии на с. 6—7), что затрудняет пользование изданием и фиксирование его содержания в библиографических справочниках.

Основной раздел «Письма и воспоминания» — материалы из архивов двух семей революционных деятелей, занимавших впоследствии видное место в ряду руководителей социалистического строительства в нашей стране — таких архивов известно немного. В обоих случаях отцы семейств — ветераны партии — Иван Иванович Радченко и Андрей Матвеевич Лежава — стали жертвами сталинских репрессий. Уцелели не все их бумаги (при аресте Радченко пропали записки Ленина), но и то, что сохранилось, необычайно впечатляет. В этих интеллигентских семьях воспитывались на традициях постоянной доверительной семейной переписки и бережного отношения к документам.

Мы знакомимся с удивительными по душевной

чистоте письмами И. И. Радченко из тюрьмы и ссылки в 1903—1906 гг. первой жене и соратнице по революционной борьбе, с дневниковыми записями тех лет, с его автобиографией, написанной в 1924 г. Не менее интересны и письма И. И. Радченко второй жене — видному педагогу и сыну — 1919—1935 гг. В письме сыну 1932 г. — мудрый совет выбора будущего дела жизни, где бы он мог «быть более сильным и полезным для дела и для своего роста в технической компетенции», с трогательной концовкой: «Не замерзаешь ли ты?» (с. 58). В письмах много о встречах с Лениным и подготовке воспоминаний о Ленине. В 1935 г. Радченко на отдыхе, снова обратившись к сочинениям В. И. Ленина, замечает: «Перечитал Ильича 1900—1904 гг. Как легко и поучительно читается! Какая сила энергии и настойчивости затрачивалась им на убеждение...» (с. 60). Младший Радченко — Алексей, погибший в 1942 г. на фронте Великой Отечественной войны — был разносторонне одаренным юношей, вел с детства дневник, его в семье называли «летописцем». В его непритязательных по форме записях впечатления о происходящем вокруг — в Шатуре, в Москве, о прочитанном, увиденном в театре, спортивных увлечениях (лодки, велосипед), и очень рано выявившееся чувство ответственности, потребность работать по-настоящему, овладеть рабочими профессиями (сапожника, переплетчика). Все Радченко — люди высоких убеждений, жившие в единстве слова и дела.

Другой архив — более тысячи писем, начиная с 1892 г. Тут письма и старейшего большевика, организатора Истпарта М. С. Ольминского (Александрова), его матери, сестры Людмилы, ставшей женой А. М. Лежавы, самого Лежавы, дочери их Ольги Андреевны (подбиравшей материал для этого архива), ее мужа В. В. Куйбышева и других. Интереснейшие факты о быте и умонастроениях ссыльнопоселенцев рубежа веков (в частности, о совместном чтении и беседах о прочитанном — с. 82), в письмах Лежавы дочерям 1915—1916 гг. мысли профессионального революционера о нравственном долге, задачах образования, самовоспитания. А как много дают для понимания не только образа мысли, но и образа жизни соратников Ленина в первые годы Советской власти воспоминания обеих дочерей Лежавы. Воспроизводятся картины неприхотливого быта большой семьи Лежавы и близких к ним людей (жили коммуной), непрерывной работы с полной самоотдачей, обычных домашних радостей. Вот лишь одна характерная деталь из письма Л. С. Лежавы брату: «Нина берет себе валенки Андрея Матвеевича, которому на службе выдали бурки, так как нашли, что принимать иностранных представителей в валенках неприлично» (с. 103). Буквально событием в нашей литературе может стать переписка О. А. Лежавы с В. В. Куйбышевым — «Валерьянушкой». Мы ведь так мало знаем о каждодневной жизни и быте руководителей нашего государства в конце 1920-х — начале 1930-х годов! Здесь и письменное признание Куйбышева, только что избранного членом Политбюро, в любви к Ольге: «Я больше не могу молчать и решил в письме сказать то, что мне не удалось сказать устно. Почему я должен молчать о том большом, светлом чувстве, которым я весь пронизан с момента встречи в Вами? Личное счастье удесятеряет силы революционера, душевный разлад тормозит развертывание заложенных в нем творческих способностей» (с. 108). И через несколько месяцев: «Я очень весело и светло думал о тебе...» (с. 111). Преданность рабочим обязанностям препятствовала их совместному отдыху, и они постоянно обменивались письмами, телеграммами, из которых узнаем об увлечении Куйбышева фотографией, спортом. Очень нужно снова и в расширенном объеме издать документы этих двух семейных архивов. И, вероятно, опять в издательстве «Молодая гвардия». Это богатейший материал для размышлений, для подражания нашей молодежи, тянущейся к подлинной правде об истории тех лет, о людях, выпестованных для государственной деятельности В. И. Лениным.

В разделе «Письма, письма» помещены письма В. И. Мухиной и к Мухиной в дни Великой Отечественной войны, во многом обогащающие представления не только о великом мастере скульптуры, но и о советской интеллигенции в военные годы. Редкой силы трагического воздействия — переписка в октябре 1942 г. Мухиной с хирургом Н. Н. Бурденко, которую они вели у постели ее умирающего мужа, известного медика А. А. Замкова (с. 144—146). Следом — письмо А. А. Фадеева старейшине наших металлургов академику М. А. Павлову в связи с его 90-летием, где рассуждения писателя о том, почему путь этого ученого («типично русский, ломоносовский») может стать примером для молодежи, и письмо-воспоминания знаменитого географа Ю. М. Шокальского — внука А. П. Керн — о жизни в Тригорском во второй половине XIX в. («Я ... вырос до взрослых лет в атмосфере Пушкина» — с. 151).

В последнем разделе «Дневники» интересны фрагменты из дневников 1940-х годов старого большевика П. И. Воеводина разнообразного содержания, особенно записи разговоров с медицинской сестрой, ухаживавшей за Лениным в Горках, и о беседах с В. И. Мухиной в подмосковном санатории в 1948 г. (этот материал оказывается во взаимосвязи с перепиской Мухиной). Завершается издание подборкой материалов о морском офицере А. Н. Жохове — участнике арктических экспедиций Вилькицкого, его ранней смерти в 1915 г. Тут и современные записи, и воспоминания участников экспедиции, и письма любимой Жоховым женщины, написанные ею автору книги об экспедиции уже в 1950-е годы.

Книга директора Госархива Владимирской области Р. Ф. Савиновой «Автографы с архивной полки» — рассказ о людях, которым эти автографы принадлежат, и о времени, когда они были написаны (с. 3). Автографы известных людей, выявленные среди материалов официальной документации государственных учреждений и в личных архивах деятелей культуры, поступивших в государственное хранилище, побудили к составлению интересных очерков исторического (или историко-литературного) и краеведческого характера, тематически объединенных в четыре раздела. Книга богато иллюстрирована.

В разделе «Участники российской славы» узнаем любопытные подробности о деятельности старшего сына «арапа Петра Великого» И. А. Ганнибала — героя Чесмы, строителя г. Херсона, и А. В. Суворова, в годы, когда он командовал дивизией на Владимирской земле (при этом выяс-

няется — на основе палеографических наблюдений — что разновременные «верющие письма», т. е. доверенности на покупку земли и крестьян, он подписал в один присест — с. 14), и М. Б. Барклая-де-Толли, о польских декабристах, провозимых через Владимир в сибирскую каторгу, о соратнике Н. Г. Чернышевского В. Н. Шаганове — уроженце г. Коврова, участнике революционного кружка Ишутина, встречавшемся с Чернышевским в Сибири, а позднее с 80-х годов XIX в. во Владимире постоянно общавшимся с «поднадзорными по политическим делам», на рубеже столетий с социал-демократами. Из адресованных во Владимир писем Е. А. Селиной, сестры жены Герцена, узнаем о возвращенных из ссылки декабристах С. П. Трубецком и Н. И. Лорере. Этот автор известных мемуаров, по ее словам, сохранил «всю свежесть, всю чистоту поэтической души своей» и имел «необыкновенный дар рассказывать все их бедствия, все несчастья в таких живых красках, так увлекательно...» (с. 28).

Самый большой раздел «Радетели за русскую культуру». Здесь и сведения о Г. Р. Державине, ставшем в 1806 г. попечителем над богатым имением, завещанным их бабушкой мальчикам Вьельгорским, известным позднее близостью с А. С. Пушкиным и заметной ролью в развитии русской музыкальной культуры, и данные о владимирском имении Некрасовых, жизни там великого поэта, его связях с местными офенями: устанавливается, что он в 14 лет писал деловые документы отца: «Прошение сие набело переписывал сын просителя дворянин Николай Алексеев сын Некрасов» (один из самых ранних автографов его). Значительные результаты дало обращение к документам о жизни учителя владимирской гимназии С. К. фон Ферельцта, автора написанного в первое десятилетие XIX в. в радищевской традиции сатирического публицистического сочинения «Путешествие критики...» — теперь есть серьезные основания предполагать, что путешествие главного героя книги происходило именно во Владимирской земле. Вводятся в научный обиход документы о связях московских профессоров Ключевского, братьев Цветаевых (они были сыновьями сельского священника Владимирской губернии и учились там в духовных училищах) с Владимирской ученой архивной комиссией и сведения о личных фондах крупнейших владимирских краеведов (очерк «Несторы-летописцы»). О роли Герцена в становлении владимирского краеведения немало ценного можно почерпнуть из книги Р. Ф. Савиновой, вышедшей ранее. «Тогда все дышало надеждой: А. И. Герцен во Владимире, 1838—1840» (Ярославль, Верхне-Волжское кн. изд -во, 1982). В очерке «Несторы-летописцы» говорится о краеведах, труды которых выходили в 50—80-е годы XIX в.— К. Н. Тихонравове (1822—1879), И. А. Голышеве (1838—1896), А. В. Смирнове (1854—1918), Н. В. Малицком (1871—1935(?), Л. С. Богданове (1893—1973), Н. С. Софронове (1902—1979), о составе их личных фондов и библиотек, о неопубликованных работах и тематических подборках материалов (в фонде Богданова материалы для «Биографического словаря писателей и ученых Владимирского края»). Самоочевидна важность подготовки к печати в специальных научных изданиях более детальных обзоров каждого из фондов этих краеведов.

Письма старейшего рабочего поэта, жителя г. Суздаля И. А. Назарова (1878—1962), в дореволюционные годы организатора издания сборников сочинений писателей из рабочих и крестьян, а позднее и биобиблиографического словаря таких писателей, и другого старейшего писателя из народа С. Д. Фомина (1881—1958) — тоже уроженца Владимирской земли — дали возможность рассказать о жизненном пути этих интересных самородков, обративших на себя внимание М. Горького.

В разделе «Из племени борцов» — яркие страницы, воскрешающие историю революционного движения конца XIX — начала XX в., напоминающие о руководителях Морозовской стачки 1885 г. (П. А. Моисеенко и других), социал-демократах — сестрах Невзоровых и С. П. Шестернине, М. А. Багаеве, П. И. Лебедеве-Полянском (избитом черносотенцами во Владимире в 1905 г.). Особенно интересен очерк о М. В. Фрунзе, совершившем дерзкой смелости поступок, заставив в частной типографии г. Шуи напечатать листовки. Сохранился автограф одной из них, написанный рукой Фрунзе на обратной стороне листа, где был набросан план типографии и операции по захвату ее (с. 148—152).

Из очерков раздела «Мы — за Советскую власть» узнаем о документах первого в России городского Совета рабочих депутатов в г. Иванове (1905 г.), письме в г. Судогду 1918 г. будущего Маршала Советского Союза К. А. Мерецкова и — что особенно важно — о взаимоотношениях Ленина и крестьян. В самое первое дело, которое было заведено в 1917 г. во Владимирском губисполкоме, было подшито подлинное письмо крестьян д. Маланьино Судогодского уезда, датированное 7 ноября ст. ст. — оно названо «Просьба» и адресовано «Товарищу Владимиру Ульяновичу Ленину!» — с просьбой выдать им личное оружие для борьбы с врагами Советской власти (с. 171—172). Обнаружение воспоминаний о встрече с Лениным, напечатанных в местной газете «Призыв» в 1924 г., направило мысль к поискам архивных материалов об авторе их крестьянине Е. А. Овчинникове, делегате и члене президиума VII Всероссийского съезда Советов в декабре 1919 г. Широко известны фотографии этого крестьянина с окладистой седой бородой и гордым взглядом, изображение его на картине Л. О. Пастернака рядом с Лениным. Е. А. Овчинников, помнивший еще крепостное право, был сначала делегатом губернского съезда, который и выбрал его на Всероссийский съезд, найдена его анкета делегата губернского съезда. В очерке «С Лениным рядом» используются и документы ЦГАОР СССР.

Последний очерк имеет название «Старик со светлой головой». Это слова, написанные Лениным на полях регистрационной книги приема от 28 февраля 1921 г. против фамилии И. А. Чекунова: «Старик со светлой головой, не в партии из-за религиозных убеждений». Чекунов — тот самый ходок к Ленину, которому Ленин помог достать хорошие очки, характеризуя его в записке наркомздраву Н. А. Семашко: «... очень интересный трудовой крестьянин, по-своему пропагандирующий основы коммунизма»[1], Ленин писал замнаркомзему, считая необходимым «втянуть» Чекунова в

работу, и он стал членом коллегии наркомата и редколлегии «Крестьянской газеты», разбирал письма и жалобы крестьян. Выясняется, что сам Чекунов прежде, в 1919 г., обращался с жалобой в Совнарком и во ВЦИК на ликвидацию уездным исполкомом организованного им крестьянского кооператива, отнятие земли и сельскохозяйственного инвентаря, и руководители ВЦИК отменили неправильный приговор. В наши дни такой материал приобретает особый, поучительный интерес. И хорошо бы напечатать более пространную статью об этом в каком-либо из центральных изданий.

Рецензируемые издания показывают сколько можно увидеть на «архивной полке», какими занимательными оказываются «молчаливые собеседники» — документы архива. Эти книги становятся школой воспитания историей, вызывают интерес к занятиям историей, к архивной и музейной работе.

С. О. ШМИДТ,
доктор исторических наук,
профессор

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 83.

В тылу врага. Письма политзаключенных концлагерей и тюрем на оккупированной территории Латвии и латвийских партизан и фронтовых разведчиков периода Великой Отечественной войны. Рига, «Зинатне», 1987. 342 с. Тираж 6000. На лат. яз.*

Рассматриваемое издание осуществлено Институтом истории АН ЛатвССР, Главархивом и ЦГАОР ЛатвССР, Институтом истории партии при ЦК КПЛ. В него вошли письма узников фашистских тюрем и концлагерей, в большинстве своем являвшихся участниками антифашистского подполья, а также латышских партизан и фронтовых разведчиков, действовавших в тылу врага.

В сборнике 223 документа: фрагмент дневника (№ 11), фрагменты двух официальных отчетов о партизанских рейдах (111, 149), 7 документов — стихотворения заключенных или партизан (№ 12, 27, 31, 52, 61, 106, 203), остальные — письма. Подавляющая их часть адресована родным и близким, некоторые — боевым друзьям, командирам, партийным руководителям республики. Лишь 12 из 223 документов были ранее опубликованы в журналах и газетах, в основном — республиканских. Большинство введены в научный оборот впервые. Понадобилась титаническая работа составителя кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Института истории АН ЛатвССР А. Удрис по розыску писем. В ходе этой работы продолжено пополнение специального фонда в ЦГАОР ЛатвССР, в котором сосредоточены все собранные эпистолярные документы, ранее хранившиеся во многих семейных архивах, подчас за пределами республики.

Установлены случаи (о них говорится в предисловии) гибели в школьных музеях уникальных писем: легендарного партизанского командира А. Мацпана (в сборник включена его записка жене), партизанки М. Марцинкевич и др. Это в значительной мере результат недостаточного внимания работников архивов и музеев к сохранности народных реликвий. Почти все опубликованные письма ныне хранятся в государственных архивах (более половины — в ЦГАОР ЛатвССР) и музеях, что внушает уверенность в обеспечении должных условий хранения уникальных документов.

Документы систематизированы в сборнике по трем разделам: Письма политзаключенных концлагерей и тюрем на оккупированной территории Латвии (№ 1—53); Письма участников рейда трех отрядов латышских партизан (лето 1942 г.) и фронтовых разведчиков (1941—1943 гг.) (№ 54—111); Письма фронтовых разведчиков и участников латышских партизанских бригад (1942—1945 гг.) (№ 112—203).

Первый раздел невелик по объему: судьба писем их авторов драматична. Письма из тюрем и концлагерей посылались официально только семьям и проходили строжайшую полицейскую цензуру, исключавшую какую-либо откровенность. В этом случае для адресата главным был сам факт получения письма — жив его автор! Наиболее содержательны и ценны как исторические источники письма, переданные на волю нелегально. Они дошли до адресатов почти чудом, ибо отправлены в основном двумя сложными и рискованными способами: либо были брошены через зарешеченное окошко, когда эшелон перевозил узника в другое место заключения, либо написанные на листках папиросной бумаги переданы тайком с вещами. Таковы, например, письма А. Икалиса, К. Буша, А. Силиса (№ 1—7, 29) и др. Многие из этих писем прощальные, они написаны незадолго до гибели. Г. Сенканс пишет жене из Резекненской тюрьмы накануне казни: «Нам надо принять смерть. Жаль, но ничего не поделаешь. Мы умираем за благо людей» (№ 26). Расстрелянный 5 мая 1943 года подпольщик Янис Логин передал из Рижской центральной тюрьмы стихотворение «Перед судом смерти» (№ 31): «...больше всего желаю быть с друзьями, пробуждать их мужество и вновь бороться в их рядах...». Последние мысли Ольги Греценберг — о маленькой дочери, которой адресованы слова: «Мы сильны... Мы все любим свою великую Родину, первое социалистическое государство» (№ 44). Вряд ли можно и нужно пересказывать или цитировать даже самые волнующие письма — их нужно читать! Их значение прежде всего — в возможности раскрыть судьбы многих известных и неизвестных героев.

Письма партизан и фронтовых разведчиков важны не только как свидетельства личности их авторов, но и тем, что они порой являются единственными документальными источниками, проливающими свет на судьбы партизанских отрядов и их бойцов, многие из которых погибли в боях,

попали в руки карателей и были замучены. Есть письма, полученные адресатами уже после войны. Партизанские письма написаны либо перед отправкой в тыл врага в Москве, Гороховецких лагерях, на Валдае, где авторы проходили подготовку к боевому заданию, либо на местах событий, в тылу врага (Ленинградский и Освейский партизанские края, леса Латвии). В числе этих документов, например, письмо партизанского парторга Е. Каупужа первому секретарю ЦК КПЛ Я. Калнберзину 8 октября 1941 г., в котором он пишет о необходимости и способах развертывания партизанской борьбы в оккупированной Латвии (№ 55); письмо известной участницы революционного движения и борьбы за Советскую власть в Латвии И. Палдынь Я. Калнберзину о судьбе партизанских отрядов, принимавших участие в летнем рейде 1942 г. (№ 97). Это письмо насыщено ценной информацией, не случайно подстрочные биографические комментарии к нему занимают почти 8 страниц. Тот же Е. Каупуж в письме к другу 9 мая 1942 г. сообщает, что находится в Москве, где многому учится, но главным образом «как лучше и эффективнее устроить фашистам неприятности» (№ 77) — через полтора месяца он погибнет в бою. Те, кто готовился к партизанской борьбе, не знали о судьбе своих близких, оставшихся на оккупированной территории. Так, публикуется письмо Б. Баркана от 9 мая 1942 г. в Ригу жене, которая была замучена фашистами еще в ноябре 1941 г., о чем ему не было известно (№ 80).

В последнем разделе сборника объединены письма в основном периода с мая 1942 по октябрь 1944 г. партизан, которые действовали в латышских партизанских соединениях. Среди авторов писем — известные в Латвии и за ее пределами герои партизанской и подпольной борьбы — А. Мацпан (№ 112), И. Судмалис (№ 114, 201, 202), В. Лайвиньш (№ 190), В. Самсон (№ 148, 181), А. Рашкевич (№ 182, 212) и многие другие. Сборник завершает письмо В. Самсона жене, написанное 9 мая 1945 г.— в день Победы: «... и советский народ может гордиться, что на его долю выпали огромные трудности, но вместе с тем — и наибольшие успехи и победы» (№ 223).

В целом опубликованные в рецензируемой книге письма воспринимаются как оптимистическая трагедия, написанная самими ее действующими лицами.

Научно-справочный аппарат сборника состоит из предисловия, включающего историческую (автор-составитель) и археографическую (автор-археограф ЦГАОР ЛатвССР И. Целминьш) части, введений к разделам, подстрочных примечаний, именного указателя, списков сокращений и источников (автор — составитель сборника).

В предисловии автору удалось убедительно показать значение публикуемых писем как исторического источника в освещении событий Великой Отечественной войны, трудности их выявления и сбора сведений об участниках событий, помощь общественности в этой работе.

О специфике археографической обработки писем и НСА к ним говорится в археографической части предисловия. Однако, к сожалению, в нем не нашли своего отражения вопросы отбора писем для публикации (критерии, соотношение выявленных и опубликованных документов), не оговорены источники, использованные для примечаний, места хранения публикуемых фотографий.

Предисловия к разделам сборника характеризуют исторические условия, в которых происходили события, а также то новое, что вносят в их конкретику публикуемые документы. Предисловие ко второму разделу является фактически самостоятельным историческим очерком, основой которого стали выявленные и тщательно изученные составителем письма партизан и другие источники; здесь не только приведены сведения о количественном составе и руководителях, но и прослежена судьба каждого партизанского отряда, ушедшего в драматический рейд летом 1942 г. и добывавшего столь трудный и ценный опыт ведения партизанской войны в условиях оккупированной Латвии. Кроме того, разделы сборника имеют и введения, написанные ныне здравствующими участниками событий, известными и авторитетными в республике людьми. Введение к первому разделу написано писателем, заслуженным деятелем культуры ЛатвССР, лауреатом Государственной премии ЛатвССР М. Бирзе, прошедшим в годы войны ужасы Саласпилсского и Бухенвальдского концлагерей. Автором введения к двум разделам, посвященным партизанскому движению, является бывший партизанский командир, Герой Советского Союза, ныне академик АН ЛатвССР В. Самсон. Эти введения — не только эмоциональное слово людей, хорошо знающих условия, в которых создавались публикуемые письма, и их авторов; они в то же время своего рода «экспертная оценка» участниками событий публикуемого эпистолярного материала.

Примечания даны под строкой. Текстуальные (они отмечены звездочкой) уточняют некоторые детали текста, неясные читателю — иносказания, неточности, сокращения, понятные корреспондентам. Примечания по содержанию (они отмечены цифрами) являются биографическими справками об авторах писем и всех упомянутых в тексте лицах. На этих примечаниях стоит остановиться особо, так как они составляют важную особенность рецензируемого издания. Составитель справедливо называет их биограммами. Крайне лапидарные, они составлены строго по единой схеме: дата и место рождения по названиям того времени, участие в революционном движении, годы политзаключения в период буржуазной Латвии, партийность и стаж, место жительства, где и кем работал к началу войны, место эвакуации, судьба в годы войны, место и обстоятельства гибели (смерти) или местожительство для здравствующих лиц. Отсутствие какого-либо из сведений означает или полную невозможность их установления, или связано с биографией человека (например, не был ни участником ревдвижения, ни политзаключенным). Если учесть, что таких биограмм в сборнике более 700, что все сведения приходилось добывать по крупицам из многочисленных источников, то нельзя не отметить колоссальный труд составителя, буквально «вернувшего биографии» сотням людей. Биограммы превращаются для читателя в самостоятельный источник знаний об эпохе, людских судьбах в не меньшей степени, чем сами письма, превращая сборник в своеобразную народную эпопею. Эта особенность примечаний по содержанию раскрывает по-новому их значение и возможности.

Подборка писем каждого автора сопровождается его фотографией; к сожалению, нигде не указывается как и где они были найдены и где хранятся ныне.

Список источников отражает места хранения документов (архивы, музеи), для ранее опубликованных — издания их первой публикации.

В именном указателе (он — глухой благодаря биограммам) — более 860 имен; приведены подпольные имена и клички со ссылкой на подлинную фамилию и имя. Петитом выделена страница, на которой о лице приведена биограмма. Звездочкой отмечены фамилии тех, чьи биографические сведения даны в книге «Письма с фронта»[1], чтобы избежать повторения.

Лейтмотивом художественного оформления издания стали типичная обстановка создания писем (колючая проволока и бараки концлагеря, партизанский лес), фрагменты писем и даже своего рода конспиративный «почтовый ящик» — перстень с тайником А. Силиса, в котором он передал родным свое письмо (№ 29). Строгое, но эмоционально выразительное оформление сборника помогает создать у читателя тот душевный настрой, который необходим для чтения этих глубоко волнующих документов нашего недавнего прошлого.

В заключение следует отметить, что сборник «В тылу врага» продолжает начатый книгой «Письма с фронта» цикл изданий эпистолярного наследия граждан Советской Латвии военных лет. Несомненно, он займет достойное место в ряду публикаций источников по Великой Отечественной войне, что имеет особое значение в наши дни, когда историки вновь обращаются к ее осмыслению и отражению событий тех лет во всей их сложности и полноте; собранный по крупицам «корпус источников» — еще одна страница общенародной эпопеи. Стоит в этом смысле вернуться к вопросу, уже поставленному нами в рецензии на сборник «Письма с фронта»: почему бы не издать эти книги на русском языке, сделать их доступными для исследователей и читателей всей страны? Тем более что многие письма написаны по-русски и не нуждаются в переводе.

А. Удрис совместно с ЦГАОР ЛатвССР готовит очередные тома задуманного ею цикла, в который войдут письма граждан ЛатвССР из советского тыла, письма деятелей культуры Советской Латвии в годы войны.

Ю. С. ВОРОБЬЕВА,
кандидат исторических наук,
И. А. ИОФФЕ

---

* Составитель и автор биографических справок А. Удрис. Художник В. Насонов.

[1] См.: Письма с фронта. Письма воинов латышских соединений Советской Армии периода Великой Отечественной войны. Рига, 1984. На лат. яз. Составитель — А. Удрис.

Ученая корреспонденция Академии наук XVIII в. Научное описание. 1783—1800. Л., Наука. Ленинградское отделение, 1987 // Труды Архива Академии наук СССР. Вып. 29. 272 с. Тираж 1300*.

Неотъемлемой частью истории отечественной и мировой науки является история Петербургской академии наук XVIII в. Архив АН СССР ныне располагает ценнейшим собранием материалов о деятельности этого замечательного научного центра. Среди них находится и обширная, можно сказать уникальная, коллекция так называемой ученой корреспонденции — собрание свыше 13 тыс. писем научного характера, полученных и отправленных академией со времени ее основания до 1835 г. Письма (большей частью на иностранных языках) переплетены в несколько десятков больших томов, и ориентироваться в них без путеводителя весьма затруднительно. Сделать материалы коллекции доступными для исследователей призвано рецензируемое издание, которое представляет собой продолжение составленного И. И. Любименко и опубликованного во 2-м выпуске «Трудов Архива АН СССР» (1937 г.) научного описания ученой корреспонденции Академии наук за 1766—1782 гг. (под общей редакцией Д. С. Рождественского, под редакцией Г. А. Князева и Л. Б. Модзалевского).

Столь значительный разрыв (50 лет), разделяющий два выпуска описания, очевидно, не случаен. После ухода из жизни всех, кто стоял у истоков этой работы, помимо разного рода внешних обстоятельств и организационных трудностей, продолжению начатого дела мешала особая сложность связанных с ним методических проблем (трудная палеография рукописей на иностранных языках и колоссальный объем справочной работы, необходимой для правильного истолкования текстов и для атрибуции множества упоминаемых в них имен). Должно было появиться новое поколение архивистов, способных возобновить эту работу. И вот теперь мы можем оценить ее результат.

Перед авторским коллективом стояла сложная проблема выбора: продолжить работу с того года, на котором остановилась И. И. Любименко, либо вернуться назад и описать корреспонденцию первой половины и середины столетия. Нам представляется, что в своем обосновании хронологических рамок данного выпуска описания составители совершенно справедливо отметили, что недостаточная освещенность в истории Академии наук периода конца XVIII в. определяет необходимость в первоочередной обработке документов именно этого времени. Основное описание охватывает 1186 писем за 1783—1800 гг. Кроме того, в дополнительном разделе описано еще 179 писем за 1776—1782 гг., пропущенных в предыдущем выпуске. Следует уточнить, что в описании отражены письма не только из Архива АН СССР. Дело в том, что часть писем (около сотни) из ученой корреспонденции Академии наук по воле случая еще в XIX в. попала в Эстонию и хранится теперь в Научной библиотеке Тартуского университета (коллекция автографов Ф. Л. Шардиуса). Отрадно, что благодаря сотрудничеству ленинградских и тартуских архивистов в описании восстанов-

лена целостность первоначального состава фонда, поскольку письма изТарту учтены в общем ряду (с указанием места хранения).

Описания писем, так же как и в предыдущем выпуске, расположены в хронологическом порядке. Каждое описано по единому формуляру, включающему дату, фамилии автора и адресата, место отправления и краткую аннотацию. Даются также указания на способ воспроизведения, подлинность или копийность, степень полноты, язык и архивный шифр документа. Аннотации выдержаны в едином стиле и при всей лаконичности отличаются высокой информативностью.

Из общего корпуса писем составители выделили переписку секретаря Берлинской академии И. -Г. -С. Формея с конференц-секретарем Петербургской академии наук И. -А. Эйлером (сыном Л. Эйлера). Письма Формея описаны без аннотаций — в виде хронологического перечня. Вероятно, это правильно. Не соглашаясь с мнением составителей о недостаточной ценности этих писем, весьма интересных в историко-культурном смысле, мы, все же, вынуждены признать, что публикация объединенного описания писем И. -Г. -С. Формея с другой частью этой корреспонденции — письмами И. -А. Эйлера к нему, хранящимися в Архиве Академии наук ГДР, явилась бы более целесообразной. Остается пожелать, чтобы эта публикация состоялась в рамках сотрудничества историков и архивистов двух стран.

В издании имеется приложение, содержащее полные тексты 26 наиболее типичных писем (на языке оригинала и в русском переводе). Они не только служат прекрасной иллюстрацией к описанию и позволяют оценить полноту и точность соответствующих аннотаций, но имеют еще и самостоятельное значение в качестве первой публикации чрезвычайно интересных источников.

Знакомство с материалами описания позволяет судить о степени активности научных связей Петербургской академии наук. Несмотря на то, что смерть Леонарда Эйлера (1783 г.) означала для нее невосполнимую утрату, престиж академии в международных научных кругах был к тому времени уже столь высок, что поток писем из-за рубежа не оскудевал и в последующий период. Среди корреспондентов академии в конце XVIII в. были крупные ученые. Непосредственно и через своих членов к Петербургской академии обращались Лондонское королевское общество, Парижская академия наук, Королевская академия наук и словесности в Берлине, Данцигское общество естествоиспытателей, Шведская королевская академия наук и другие научные общества. От имени петербургских ученых ответную корреспонденцию обычно вели конференц-секретарь И. -А. Эйлер и реже директор академии княгиня Е. Р. Дашкова.

В письмах обсуждаются вопросы, связанные с изготовлением научных инструментов и обменом литературой, с подбором кадров ученых и международными научными конкурсами. И, конечно, авторы писем обмениваются мнениями и информацией о новых научных достижениях и открытиях (появление воздушных шаров и паровых машин, открытие планеты Уран и вулканов на Луне, введение новой химической номенклатуры и метрической системы мер, изучение новых видов животных, растений, минералов и т. д.). Интересно, что тематика ученой корреспонденции выходит за пределы круга тех наук, которыми занималась академия. И если иностранные ученые затрагивали в своих письмах, например, проблемы гуманитарных наук, то это означает, что авторитет Петербургской академии превосходил диапазон специальностей, представленных ее членами.

Корреспондентами академии были, однако, не только иностранцы. Она переписывалась и со своими соотечественниками — почетными членами, которые тоже обменивались с академией научной информацией и книгами, посылали ей свои рукописи, коллекции растений, минералов, различных редкостей и т. п. Письменную связь с академией поддерживали ее члены, находящиеся в научных экспедициях, а также академические студенты, направленные учиться за границу. В описании отражена, кроме того, переписка академии с другими государственными учреждениями.

Несмотря на всю пестроту и многообразие, материалы превращаются в некую цельную картину благодаря комплексу вспомогательных указателей (тем академических конкурсов, упоминаемых сочинений, учреждений, предметно-систематического, именного, русской транскрипции иностранных фамилий). Эти указатели делают информацию научного описания структурной и облегчают ее поиск. При этом наличие очень важного указателя упоминаемых сочинений, а также указателя тем академических конкурсов существенно повышает ценность рассматриваемого выпуска по сравнению с предыдущим выпуском описания. Издание иллюстрировано портретами ученых и факсимильными изображениями фрагментов их писем.

Укажем и на некоторые недостатки рецензируемого издания. Это, в частности, чрезмерная лаконичность предисловия, в котором нужно было, вероятно, дать краткую характеристику периода конца XVIII в. в жизни Петербургской академии наук и отметить особенности ученой корреспонденции этого времени. Полные тексты писем, помещенные в приложении, было бы целесообразно снабдить научным комментарием. Кроме того, при подготовке аннотаций писем составители уделили недостаточное внимание сведениям о социальном и материальном положении, о быте и досуге ученых, обеднив тем самым историко-культурное значение вводимой в оборот информации.

В целом же появление этого издания, способствующего расширению источниковой базы исследований по истории Петербургской академии наук и мировой науки XVIII в., несомненно, можно рассматривать как крупнейшее событие. Остается надеяться, что в дальнейшем научное описание корреспонденции академии XVIII в. будет завершено. Для этого предстоит еще пополнить его томами, посвященными интереснейшему периоду ее истории — от основания до 1765 г. Историки науки будут ждать этого продолжения с нетерпением.

М. И. ФУНДАМИНСКИЙ,
кандидат исторических наук

---

*Составители: Ю. Х. Копелевич, В. И. Осипов, И. А. Шафран. Под редакцией Г. К. Михайлова.

Социалистическое строительство на Винничине.

Документы и материалы (1921—1941 гг.). Одесса, «Маяк», 1987. 272 с. Тираж 2000.

Составителями сборника было изучено около 600 документов, хранящихся в фондах партархива Винницкого обкома Компартии Украины, облгосархива, а также ЦГАОР УССР. Ряд источников взят из периодической печати. Впервые в научный оборот введено 284 документа.

Первый раздел «Винничина в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.)» знакомит с историей восстановления народного хозяйства области на основе выработанной В. И. Лениным новой экономической политики. Документы отражают отношение трудящихся Подолии к важнейшим политическим событиям, таким, например, как годовщины Великого Октября, образование Союза ССР, принятие первой Конституции СССР, проведение траурных собраний в связи с кончиной В. И. Ленина, ленинский призыв в партию.

Во втором разделе «Винничина в период социалистической реконструкции народного хозяйства и построения фундамента социализма (1926—1932 гг.)» особый интерес представляют документы № 143,169 об опыте работы сельскохозяйственной Бессарабской коммуны, организованной в 1924 г. Г. И. Котовским, по внедрению хозрасчета, достижений науки, специализации отраслей сельского хозяйства, сокращению управленческого аппарата.

Третий раздел охватывает период 1933—1937 гг. Документы дают обширный материал для анализа итогов выполнения планов первой пятилетки и широкого развития стахановского движения в области, достойной встречи первых выборов в Верховный Совет СССР 12 декабря 1937 г. В четвертом разделе «Винничина в период укрепления и дальнейшего развития социалистического общества в СССР (1938—июнь 1941 г.)» в изложениях отчетных докладов обкома партии и облисполкома, информациях и рапортах трудовых коллективов рассказывается о работе отраслей народного хозяйства. В области 4 высших и 31 среднее специальное учебные заведения обеспечивали подготовку кадров специалистов.

Научно-справочный аппарат сборника включает предисловие, список сокращений и перечень использованных газет, что увеличивает информационную насыщенность рецензируемого издания. Однако составителям сборника, по нашему мнению, не удалось избежать некоторых упущений. Документы недостаточно освещают деятельность районного звена в политической и хозяйственной жизни области, отсутствуют материалы о совхозном строительстве, мало внимания уделено работе политотделов МТС, развитию торговли, взаимосвязи города и села.

Издание рассчитано на архивистов, историков, краеведов, научных работников, преподавателей вузов и школ, пропагандистов, агитаторов.

В. А. ЛОЖКАРЕВ,
кандидат исторических наук

В коллегии Главархива СССР

Коллегия Главархива СССР обсудила и одобрила Типовое положение о совете трудового коллектива государственного архива, разработанное на основе Закона СССР «О государственном предприятии (объединении)» и Примерного положения о совете трудового коллектива предприятия, организации, государственного учреждения г. Москвы, одобренное президиумом Московского городского комитета профсоюза работников госучреждений, с учетом опыта работы совета трудового коллектива ЦГАНХ СССР.

Коллегия Главархива СССР рассмотрела и одобрила План мероприятий по усилению работы по отбору, приему на госхранение и использованию документов и воспоминаний участников Великой Отечественной войны. Указывалось, что этот план разработан совместно с соответствующими министерствами и ведомствами, общественными организациями и направлен на активизацию работы архивных учреждений по отбору, приему на госхранение, учету и использованию документов и воспоминаний участников Великой Отечественной войны («солдатских мемуаров»), координирует деятельность государственных архивов и других организаций в этом направлении.

Архивным учреждениям необходимо определить и осуществить меры по выполнению плана мероприятий, периодически рассматривать ход его выполнения.

Коллегия Главархива СССР обсудила ход перестройки работы трудового коллектива Государственного архива Брестской области БССР.

Отмечено, что этот архив ведет работу по перестройке своей деятельности в свете требований XXVII съезда партии и последующих Пленумов ЦК КПСС.

Разработан и реализуется план социального развития госархива на 1987—1990 гг. В жизни коллектива утверждаются принципы демократизации и гласности. Повысилась роль общих собраний трудового коллектива в решении производственных и социальных вопросов. Проводится настойчивая работа по совершенствованию штатной расстановки и качественного состава кадров. Работа по выдвижению и перемещению кадров осуществляется в соответствии с перспективным планом замещения сотрудников и работы с резервом кадров на двенадцатую пятилетку. Большое внимание уделяется изучению и внедрению в практику передового опыта работы архивных учреждений страны.

Коллегия вместе с тем отметила ряд серьезных недостатков в области комплектования, учета, обеспечения сохранности, других вопросах архивного строительства и приняла соответствующие решения, направленные на их устранение.

Коллегия Главархива СССР рассмотрела ход выполнения Основных направлений оптимизации состава документов ГАФ СССР.

Отмечалось, что архивными учреждениями проведена определенная работа по выполнению Основных направлений оптимизации состава документов ГАФ СССР, являющихся комплексной программой перестройки в области отбора документов и комплектования ими государственных архивов.

В развитии Основных направлений оптимизации главархивами союзных республик были разработаны планы организационно-методических мероприятий, предусматривающие проведение работы по пересмотру источников комплектования госархивов и видов документов, подлежащих передаче на госхранение, организацию целевой комплексной экспертизы ценности фондов.

Эти вопросы рассматривались на заседаниях коллегий главархивов союзных республик и местных архивных органов, дирекциями многих госархивов в Российской Федерации, Украинской, Белорусской, Казахской, Латвийской, Молдавской ССР.

Главархивами РСФСР, Украинской, Белорусской, Литовской, Азербайджанской, Эстонской ССР проведены республиканские совещания-семинары работников архивных учреждений по обсуждению задач, вытекающих из основных направлений оптимизации состава документов ГАФ СССР в двенадцатой пятилетке.

В 1987 г.— первом полугодии 1988 г. основное внимание архивных учреждений было сосредоточено на пересмотре состава организаций — источников комплектования госархивов.

Архивными учреждениями союзных республик и ЦГА СССР осуществляются определенные меры в целях пересмотра видов документов, поступающих на госхранение, устранения их дублетности, улучшения качества описей документов постоянного хранения и номенклатур дел. В ЦГАНХ СССР задача оптимизации состава документов решается с учетом интенсивности использования отраслевых комплексов фондов.

В соответствии с Основными направлениями оптимизации осуществляется работа по перестройке деятельности экспертно-проверочных комиссий госархивов, экспертных служб министерств, ведомств, организаций и предприятий, повышению их роли в решении вопросов оптимизации состава документов ГАФ СССР. На основе утвержденных Главархивом СССР типовых положений об экспертных службах архивных учреждений и ведомств разрабатываются новые положения об экспертно-проверочных и экспертных комиссиях. Заслуживает одобрения инициатива главархивов Молдавской и Эстонской ССР по созданию ЭПК при городских и районных государственных архивах.

В текущей пятилетке архивные учреждения приступили к целевой комплексной экспертизе ценности документов в госархивах.

Отмечая определенные успехи в выполнении Основных направлений оптимизации состава документов ГАФ СССР, коллегия указала на серьезные недостатки. Оптимизация осуществляется медленными темпами, нередко отсутствует комплексный подход в решении организационно-методических вопросов улучшения качественного состава документов, подлежащих госхранению, ведущий отдел Главархива СССР слабо осуществляет руководство этой работой.

Коллегия Главархива СССР рассмотрела вопрос о Программе по развитию и совершенствованию госучета и научно-справочного аппарата документов ГАФ СССР.

Программа предусматривает комплекс мероприятий, направленных на достижение нового качественного уровня государственного учета и научно-справочного аппарата, обеспечение интенсификации использования документов ГАФ СССР, расширение информационной базы для научных исследований по приоритетной тематике.

Подчеркивая актуальность программы, коллегия вместе с тем, указала на имеющиеся в ней недостатки.

RESUMES DES ARTICLES

La conférence nationale scientifique et pratique "Les principes léninistes de l'édification archivistique socialiste sont les bases de la restructuration et le perfectionnement des Archives"

Le compte-rendu de la conférence des archivistes soviétiques consacrée au 70-e anniversaire du Décret de V. I. Lénine sur les Archives avec l'information succincte du contenu des interventions des participants.

SOMMAIRE

Наш адрес: 119817, ГСП, Москва, Г-435, Б. Пироговская, 17, тел. 245-09-01, 245-81-58

Рукописи представляются в двух экземплярах

Технический редактор А. Н. Илюхин

Сдано в набор 12.07.88 Подписано в печать 25.08.88 А01803 Формат 70×100 1/16 Печать офсетная 9,3 усл. п. л. 11,5 уч.-изд. л. Тираж 11 150 Заказ 1867 Цена 70 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени
Чеховский полиграфический комбинат ВО «Союзполиграфпром»
Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
142300, г. Чехов Московской обл.

ВЫШЛИ В СВЕТ

Издание документов по истории советской радиожурналистики. Методические рекомендации (М., 1986), подготовленные на основе всестороннего анализа документального фонда советской радиожурналистики, хранящегося в государственных и ведомственных архивах, рукописных отделах музеев и библиотек, частных коллекциях. Определено значение и место произведений радиожурналистики (письменных и звуковых).

Рассматриваются основные этапы подготовки документального издания, целиком или частично построенного на документах радиовещани і Большое внимание уделяется поиску творческих материалов и других видов документов в условиях утраты архивного фонда; излагается методика создания поисковых аналитических таблиц, с помощью которых были выявлены ранее не публиковавшиеся выступления, статьи, документы, например, Ф. Э. Дзержинского, М. И. Калинина, В. П. Катаева, А. В. Луначарского, В. В. Маяковского, В. Э. Мейерхольда, К. Г. Паустовского, Л. М. Рейснер, Л. С. Соболева, А. К. Тарасовой, А. Н. Толстого, И. Г. Эренбурга. Освещаются особенности передачи текста фонодокументов для их издания в письменном виде, установления авторства, датировки и научного комментирования.

Заказы направлять по адресу: 119817, ГСП, Москва, Г-435, Б. Пироговская, 17. Отдел ЦГА СССР по изданию и реализации архивоведческой литературы.

ПОДГОТОВЛЕНЫ К ИЗДАНИЮ

Правила работы государственных районных и городских архивов.

Библиографический указатель материалов, опубликованных в журнале «Советские архивы» за 1966 — 1986 гг.

Заказы направлять по адресу: 119817, ГСП, Москва, Г-435, Б. Пироговская, 17. Отдел ЦГА СССР по изданию и реализации архивоведческой литературы.

Цена 70 коп. Индекс 70913

ISSN 0130-3554. Сов. архивы. 1988. № 5. 1—112.